

Нина ФЛИГИНСКИХ

**Светит
солнце деревни
моей**

Светит солнце деревни моей

История исчезнувших населенных пунктов
Зырянского района в воспоминаниях, судьбах людей,
в фотографиях, документах и архивных материалах.

2010 г.

**ББК 63.3(2)
Ф 65**

Флигинских Н.Е. Светит солнце деревни моей. –
Асино: Издательство Асиновское. – 2010. – 310 с.

Светит солнце деревни моей – уникальный сборник воспоминаний старожилов исчезнувших в двадцатом веке деревень Зырянского района. Это итог двухлетней поисковой работы Нины Флигинских, руководителя краеведческого музея Зырянского района. Можно стереть с лица земли населенные пункты, но в сердцах истинных патриотов навсегда остаются впечатления о малой родине, а в душах продолжает светить солнце родной деревни. Личные житейские воспоминания, на которой не лежит печать научной обработки, занимает особое место в этом документальном исследовании. Фрагментарные воспоминания Зырянских старожилов имеют свою историческую ценность. Как и почему в современной истории Причулымья и его Зырянского района возникали и исчезали поселения? Благо это или трагедия?

Материалы, представленные в сборнике, заинтересуют широкую аудиторию: от школьников до представителей научной среды. Современные жители Зырянского района и их земляки, живущие в дальних краях, найдут в книге знакомые имена, административные и географические названия, эпизоды из жизни своих родственников. Многим семьям будет приятно иметь это издание в домашней библиотеке.

В художественном оформлении книги использованы фотографии из личных архивов старожилов Зырянского района, материалы муниципального краеведческого музея Зырянского района и архивные документы.

ISBN 978-5-904163-02-0

Флигинских Н.Е., 2010
«Издательство Асиновское», 2010

Слова признательности

Эта книга дошла до читателей благодаря моральной и материальной поддержке патриотов Зырянского района, которые хотят сохранить местную историю ушедшего столетия и семейные воспоминания о родных уголках, которых нет теперь на карте района.

Слова признательности выражаю: депутату Государственной Думы Томской области **Александру Петровичу Кадесникову**, главе Зырянского района **Александру Николаевичу Флигинских**, депутату Думы Зырянского района **Владимиру Ивановичу Герасимову**, директору ООО «Сибирьлес» **Александру Владимировичу Новикову**, генеральному директору ООО «УК «Северо-Восточный комплекс» **Сергею Александровичу Ламанову**.

А также группе предпринимателей: Евгению Валентиновичу Рыжову, Дмитрию Васильевичу Никулину, Вадиму Анатольевичу Лобачеву, Сергею Григорьевичу Дорошенко, Владимиру Федоровичу Кизику, Ольге Анатольевне Чевтайкиной.

Благодарю за сотрудничество члена союза журналистов России, редактора этого издания Людмилу Александровну Уланову.

С уважением,
Нина Флигинских

Нина Флигинских

В хороводе бесчисленных дней,
В лабиринте дорог и дорожек
Светит солнце деревни моей
И манит к себе, сердце тревожа.
Там в оврагах - черемухи зной,
Горький ветер в верхушках талины,
Там брожу я всегда молодой,
Где до боли родные картины.
В озерке деревянный мосток
Изумрудной подернулся тиной,
Отшлифованный множеством ног,
Стал пристанищем стаи утиной.
А за озером лес колдовской
Полный света, чудес и загадок,
На просторах разлитый покой,
Ягод вкус удивительно сладок.
Там оставила юность свою
И герань на заветном окошке,
Где впервые шептала «люблю»,
Да былшем поросла туда стежка.
Край родной, мой березовый край,
Буду петь до конца твои песни.
Так играй же, гармошка, играй!
Ты одна мне еще интересна...

От автора

Исчезнувшие деревни. Сколько их по России? В Зырянском районе – более пятидесяти. Среди них большие и малые, сельскохозяйственные и лесозаготовительные. В каждой из них жили люди, любили свою малую родину, растили детей и пели песни.

Через историю существовавших деревень можно проследить не только историю Зырянского района, но и историю страны, отражением которой была жизнь в отдаленном ее уголке.

В XVII - XIX веках возникают так называемые «старожильческие» селения: Чердаты, Цыганово, Красноярка, Богословка, Семеновка, Иловка, Дубровка. В начале XX века по Столыпинской реформе, в надежде на лучшую жизнь, потянулись в Сибирь люди «из Расеи». Получив свои наделы в размере 13 ³/₄ десятины (десятина равна 1,09га) на мужскую душу, переселенцы строили деревушки и поселки, отвоевывая у тайги участки земли под пашню, работая от зари до зари и мечтая о лучшей жизни.

В этот период Россия была крупнейшим экспортером зерна, а торговля сливочным маслом приносила казне больше дохода, чем золотые прииски.

В 1920-е и 1930-е годы прокатилась по деревням разрушающей колесницей коллективизация. Многие из них обезлюдили, а лесозаготовительные поселки увеличивались за счет ссыльных «кулаков» и «врагов народа». Это была первая волна разорения крестьянства, когда, всё бросив, жители района уходили в рабочие поселки Кемеровской области.

Потом в начале 1950-х годов политика укрупнения колхозов привела к исчезновению не только мелких, но и довольно крупных населенных пунктов. В 1970-е годы проводилось в стране укрепление центральных усадеб колхозов. Эта политика продолжила разорение деревни. Фермеризация в агросекторе страны, начатая в 1990-е годы, также способствовала разрушению крестьянского уклада, оттоку населения из деревень.

Эта работа – дань памяти тем, кто не дождался эры «светлых годов», кто отчаянно цеплялся за жизнь, за землю и стал историей Зырянского района.

Неумолимо течет река время. Все меньше остается живых свидетелей тех лет. Память хранит события одного – двух поколений, уже забылись даже названия целого ряда населенных пунктов. Но ведь они были!

Многие династии зырянцев родом из исчезнувших деревень, память о которых они бережно хранят, где остались заросшие родные могилы.

Возможно кто-то, прочитав историю своей деревни, воскликнет: «Да не так все было!» Да, человеческая память избирательна. Жившие в одно и то же время люди запомнили разные события, или по-разному восприняли их.

Эта работа, в которой собраны бесхитростные рассказы старожилов земли Зырянской, может стать информацией для размышления о жизни

вообще, о жизни в стране, о перипетиях человеческих судеб или просто информацией об истории района за определенный отрезок времени.

Алейка *Яранского сельского Совета*

*Из воспоминаний
Алексеева Тимофея Трофимовича,
бывшего жител*

Алейка – лесозаготовительный поселок на правом берегу реки Четь, примерно в пятидесятипяти километрах от села Зырянского. Образован в 1930-е годы как трудовоселок, служил местом ссылки алтайских крестьян.

По рассказам отца Тимофея Трофимовича, Алейка – составная часть Сиблага НКВД или «лагпункт», которых в Зырянском районе было несколько. Наиболее близкими к Алейке были поселки Прохоровка и Тайга – с 1937 года по 1940 год – это лагеря Томасинлага, где за колючей проволокой жили раскулаченные, осужденные по политическим мотивам. Они занимались заготовкой леса. Комендатура находилась в Алейке. Отец Тимофея Трофимовича говорил, что ссыльные в Алейке появились в 1932 году. Они очищали русло реки Четь от заторов и завалов, чтобы можно было сплавлять лес, строили дорогу – ледянку, по которой стаскивали потом лес к реке. Когда перед войной комендатуру закрыли, то приехали вольнонаемные рабочие. В 1942-1943 гг. привезли военных пленных немцев, которые работали до 1946 года не только на заготовке леса, но и на смолокурном заводе. Даже Тимофей Трофимович помнит прибитые на соснах указатели с надписью «Ahtung!», там были границы поста. В 1946 году лагерь военнопленных закрылся, но пошел поток ссыльных с бывших оккупированных территорий СССР: латыши, немцы, поляки, украинцы, молдаване.

Алейка мысом вдавалась в Четь. За рекой лес состоял из пихты и кедра (черневая тайга), а по другую сторону поселка были сосняки.

Отец братьев Алексеевых – охотник Трофим Семенович, 1929 года рождения, в Алейке поселился в 1952 году, так как там был охотничий участок. Летом вся семья работала на заготовке грибов, ягод, варили варенье для пищекомбината, держали пасеку. На все дикоросы доводилось задание. А еще охотникам выдавали для развода черно-бурых лисиц – самку и самца. Пушнину полагалось сдавать.

Тимофей Трофимович родился в 1955 году и прожил в Алейке до 1964 года. Он помнит, что когда семья строила себе новый дом, то при рытье подпола выкопали два каменных топора, которые передали в Торбинскую школу.

В стороне от бараков стоял дом ссыльной барыни Буркаловой, которая уехала из Алейки после 1946 года. «Вот бы сейчас расспросить отца-то, кто она такая, чем занималась, как звали – да у кого спросишь?» С детства помнит Тимофей разговоры, что была она дворянского рода и даже в этой глуши старалась изыскано одеваться. После отъезда барыни остался окованный железом сундук с музыкальным замком, на внутренней стороне

крышки которого была надпись: «Эта вещь принадлежит дворянину Федору Горшкову». Сундук Алексеевы перевезли с собой в Зырянку, но он сгорел в пожаре.

При Тимофее Тимофеевиче жило в Алейке 10 семей, а в 1964 году осталось только три: Баркаловы, Рыжовы и Алексеевы. Умерших жители Алейки хоронили в поселке Торба, знали, что жизнь поселка будет не долговечной. Три брата Алексеевых: Сергей, Николай и Тимофей – последние свидетели существования Алейки.

Алейка.
У бани Алексеевых Сергей и Тимофей.

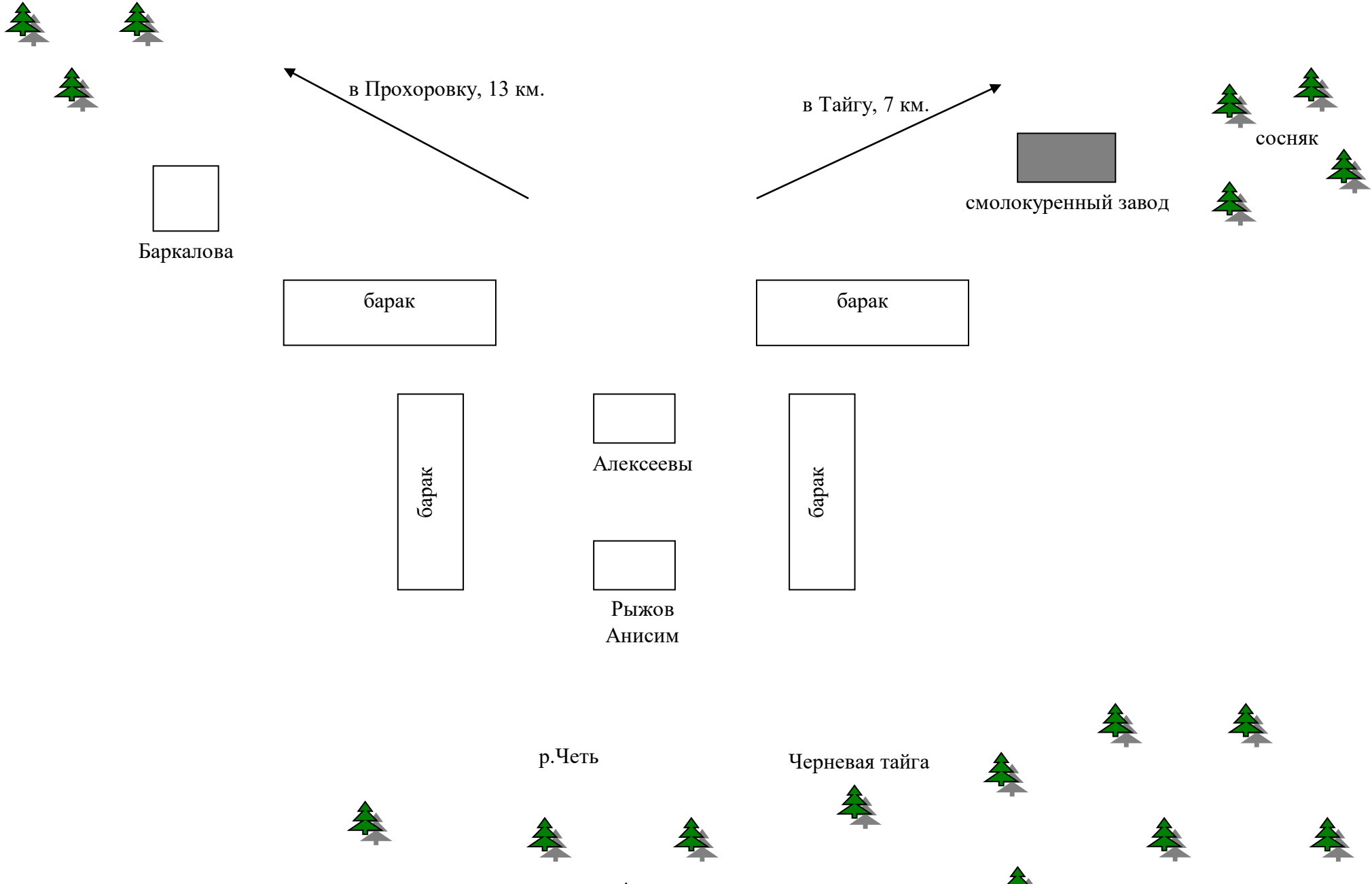

Алексеев Сергей у развилки дорог в
Прохоровку и п.Тайга из Алейки

Последние жители п.Алейка,
братья Алексеевы: Сергей, Николай и Тимофей

Схема расположения поселка Алейка в 1960 г.
Составил Алексеев Т.Т.

Александровка Дубровского сельского Совета

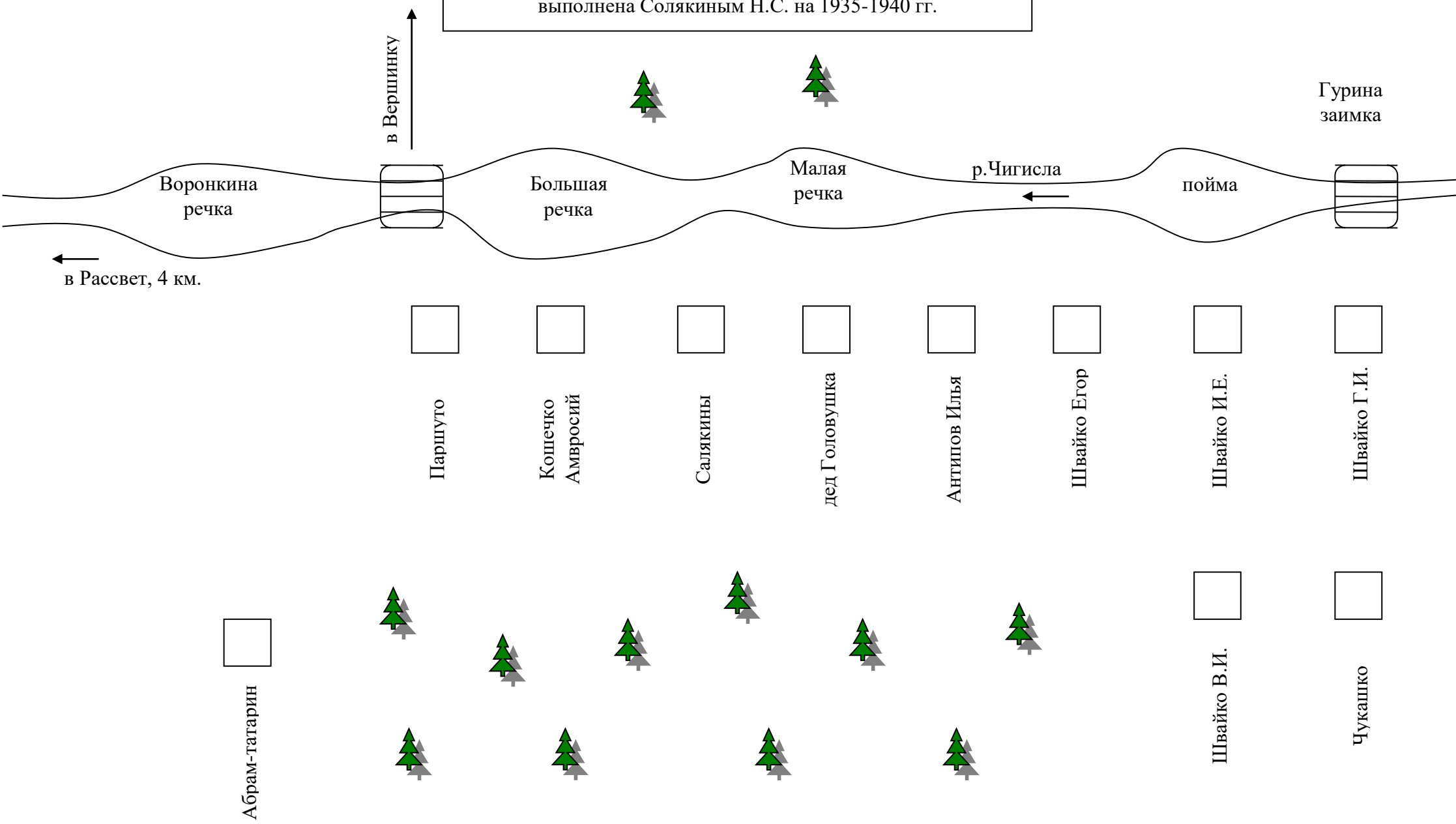
*Из воспоминаний
Крестининой Анны Васильевны,
внучки первопоселенца*

Александровка – населенный пункт на речке Чигисла, который возник с 1926 по 1927 год как высел из села Мишутино, находился в 10 километрах на юго-восток от Мишутина и к 1940 году исчез. Высел – это поселение, жители которой выселились из другой деревни. Назван по имени одного из жителей, т.к. человека с фамилией Александров в поселке не было.

В списках населенных мест 1926 года деревня не значится, но в 1928 году в поселке было уже 11 дворов с населением 60 человек, из которых 26 человек мужского пола и 34 – женского. Этот небольшой поселочек находился прямо напротив Гуриной заимки через речушку, примерно, в полукилометре от нее. Родители Крестининой Анны Васильевны – Василий Иванович и Лукерья Васильевна Швайко, оба с 1908 года рождения, переехали в Александровку из Мишутино в 1930 году, где уже жили их родители – Иван Ефремович и Устинья Григорьевна Швайко (год рождения неизвестен) и их дети: Григорий, Ольга, Пелагея и Иван. Напротив дома дедушки и бабушки родители построили дом – пятистенник, лес для которого возили из Мишутинского бора, но, прожив три года, семья уехала на прииск. Условия работы и жизни на прииске тоже им не подошли, и отец принял решение вернуться назад. Приехали, а дома уже не было. Может за то, что отец не захотел вступить в колхоз, дом забрали для колхозных нужд, перевезя его в поселок Рассвет. Куда было деваться? Вошли в колхоз и получили крошечный домик с одной комнаткой, где и жили семь человек (пятеро детей было). Но дальнейшая история этой семьи уже не связана с Александровкой. В 1934 году в этом поселке проживало 63 человека, в 1939 – 32 человека и больше сведений об Александровке, располагавшейся будто на островке, мимо которого тек чистейший ручеек с питьевой водой, а в лесочке были земляничные полянки да необычно красивые цветы, не встречается.

Схема поселка Александровка, Дубровского сельского Совета, выполнена Солякиным Н.С. на 1935-1940 гг.

Из воспоминаний
Солякина Николая Сергеевича,
 бывшего жителя д. Александровка, участника Великой
 Отечественной войны

Солякин Сергей Иванович, 1884г.р.– переселенец из Пермской губернии, и его жена Марфа Николаевна, 1889 г.р., жили в Мишутино. Сергей Иванович слыл в округе хорошим костоправом. Он на ощупь, без рентгена, складывал сломанные кости, накладывал шины – две плашечки, обвязывал веревочкой и велел лежать. Никогда его работу переделывать не приходилось дипломированным лекарям. Семья Солякиных в 1929 году переехала в Александровку (Мишутинский высел) и там родилось четверо детей из девяти: Ефросинья 1929 г.р., Евдокия 1932 г.р., Валентин 1934 г.р., Владимир 1937 г.р.

В Александровке жил некто Чукашко (имя забылось), из бывших партизан, очень суровый человек. Дед Головушка получил свое прозвище за то, что часто повторял: «Головушка ты моя бедная!», старик был добрейшей души человек, жалел всех детей. А детей в деревне было немало: у Солякиных - девять, у Швайко – восемь, у Кошечко – восемь. Ребятня всем гуртом любила заявиться в гости к тете Кате Швайко, которая их всегда радушно принимала. Она всех рассаживала по лавкам и заводила пшеничные блины. Угощала тетя Катя голодную и чумазую ораву блинами с конопляным маслом.

Летом ребятишки купались на отдельных участках речки Чигислы, которые назывались: «Пойма», «Маленькая речка», «Большая речка». В Маленькой речке купаться было запрещено, потому что там со дня били родники и жители воду брали для питья. Много позже выкопали один колодец на всю деревню. Его глубина была 18 метров, потому что Александровка стояла на возвышенности и до воды было трудно добраться.

В Большой речке мочили коноплю, в Воронкину речку купаться прибегали дети из Вершинки, из Гуриной заимки. А «Воронкина» ее прозвали после того, как Дубровский житель Воронкин привез сюда мочить свою коноплю. Александровцы ее выкинули, а незадачливого хозяина выпроводили: «Надо, - сказали, - мочи у себя!». Но у части Большой речки так и осталось название по фамилии неудобного соседа.

Крестьяне сеяли техническую коноплю, из которой получалось самое крепкое волокно для веревок и канатов. Из мужских волокон конопли (поскони) ткалось полотно, Русь носила рубашки и штаны из поскони. Но чтобы получить мягкое и красивое волокно коноплю нужно было вымочить, чтобы отделить луб. Для вымачивания отводились специальные водоемы, поскольку вода в реке от этой процедуры портилась, погибала масса мальков и взрослая рыба. Семена конопли употребляли в пищу, из них же получали душистое конопляное масло.

Мостов через речку Чигислу не было, не строили их тогда, а настилали гать: гать на Гурину заимку и гать на Вершинку. Гать – это настил из бревен, хвороста, земли.

Деревушка была веселая, а жители дружные, сезонные работы выполняли сообща, помогая друг другу. Когда хлеб уже сжат, нанимали деревней молотилку, а после страды все деревней и гуляли. Николая Солякина садили с гармонью на облучок (он с детства освоил этот музыкальный инструмент) и ехали с песнями из деревни в деревню по кругу: Вершинка, Гурина, Платоновка, Павловка... До поселка «Рассвет» - четыре километра, до Дубровки – шесть километров, а до Мишутино далеко – 12 километров.

В 1934 году их трех деревень – Александровка, Рассвет и Ивановка образовался колхоз «Красная Чигисла», первым председателем которого стал житель Александровки Григорий Иванович Швайко.

В 1940 году деревня уже разъехалась. Солякины перебрались в 1939 году в Зырянское, так как детей надо учить, да и работы в Александровке не было. Отец сначала устроился в Зырянском разнорабочим в «Заготзерно», а потом перевез семью.

У Кошечко Амвросия на фронте погибли сыновья: Семен, Сергей и Осип. Сын Иван был хром, на фронт не попал, он умер от болезни. Остались только дочери.

Погиб Швайко Иван Иванович. У Солякиных сын Митрофан 1917 года рождения прошел всю финскую войну, а на Отечественной погиб под Сталинградом. Михаил Солякин 1914 года рождения воевал на Дальнем Востоке, в 1947 году умер от ран. Солякин Николай Сергеевич 1926 года рождения был призван на фронт в 17 лет. Он благополучно прошел войну, вернулся в Зырянское. Трое из детей Солякиных – Евдокия, Ефросинья и Валентин - стали медицинскими работниками.

Житель Александровки Антипов Илья очень боялся грозы и прятался в подпол при сильных раскатах грома, или закрывал голову подушкой. Когда на плотбище, где он работал, разразилась гроза, Илья залез в дупло дерева, но как раз в него и ударила молния, он погиб. Остался у Ильи сын Петр.

Воробьев Дмитрий последним уехал из Александровки в пос.Чигисла, где работал заведующим базой «Заготскот».

Рассказав про Александровку все, что мог вспомнить, Николай Сергеевич вынес гармошку и растянул меха. До чего же звонкий голос у этой

гармошки! Недаром он пронес через всю войну этот инструмент. Он достался ему от погибшего товарища. Когда омрачались лица боевых друзей, Николай брал в руки гармонь. «С берез неслышен, невесом, слетает желтый лист...» Наигрывая, Николай Сергеевич склонил низко голову, думая о чем-то своем.

Антошкино

Из воспоминаний
Кислицына Георгия Семеновича,
старожила села Чердаты

Антошкино, Антошкино плотбище – поселение на левом берегу Четь, примерно в семидесяти километрах от села Зырянского. Название дано по фамилии перепоселенца Актошкина Степана.

Антошкино – измененное название от фамилии. Фамилия эта тюрского происхождения от «актыш» - белолицый. Был Актошкин охотником и рыболовом. Стоял на месте этого поселочка один единственный дом, перевезенный из поселка Яранка, в котором жил лесник. Позже к дому сделали еще пристройку, получился двухквартирник. Степан женился, привез супругу, а через какое-то время привез еще одну жену. Так и жил двоеженцем. Этим запомнился землякам. По его исковерканной фамилии стали называть поселение. Позже поставили на этом участке 7-8 домиков для сезонных рабочих – лесозаготовителей, для которых даже имелся магазинчик. Новые домики простояли недолго, их разобрали и перевезли в поселок Малый Борик.

Любители рыбалки до сих пор ездят в Антошкино за хорошим уловом.

На р.Четь недалеко от пос.Антошкино.
У мотора Кулаковский Николай. Фото 1971 года

Арышево ***Семеновского сельского Совета***

*Из воспоминаний бывших жителей деревни:
Высоцкой Александры Ивановны,
Черновой Галины Александровны,
Ульриха Валентина Федоровича*

Арышево – селение у реки Яя, в тридцати километрах от села Зырянского.

Основано поселение чулымцами, люди на этой территории проживали еще в незапамятные времена. При раскопках, произведенных в районе Арышево Томским государственным университетом, были обнаружены находки, которые удвоили возраст поселений на томской земле. В «Ревизских сказках» 1858 года Арышево названа «деревня инородческая». В ней проживали 4 мужчины и 6 женщин. В «Списках населенных мест Томской губернии» за 1859 год отмечено, что в инородческой деревне Арышевой инородцы забыли свой язык, обычаи, и потеряли даже свою типичную физиономию, потому что женились на русских.

Русское поселение Нижне-Арышево возникло в 1837 году (список населенных мест Сибирского края, 1926 год) и в 1841 году в нем было 8 дворов¹. Деревня росла, и в 1859 году в ней было уже 40 дворов. В 1893 году имелось одна мелочная лавка, одна водяная и одна мукомольная мельницы, в 1911 году к ним добавились три кожевенных заведения, два маслобойных. По сельскохозяйственной переписи населения 1916 года в Арышево было 96 домохозяйств, 621 человек. Жители держали 308 лошадей, 164 коровы, 505 овец и 144 свиньи. В 1920 году уже было 110 домохозяйств. Жили семьи: Свинаревы, Непряхины, Козодаевы, Кузьмины, Кочегаровы, Каревы, Лоцинины, Высоцкие, Пучковы, Чичкановы, Ветровы, Черновы, Бударины и другие.

Якимова Варвара Ивановна родилась в Арышево в 1884 году. В 16 лет ее выдали замуж в богатую семью Дороховых, у которых было много лошадей, своя лесопилка, маслобойня и ферма. В пятистенном доме они держали заезжий двор. Лошадей проезжающих путников на улице не оставляли, а ставили в конюшню. Была у Дороховых и собственная лавка. А на полях у них выращивался масленичный рыжик, из которого давили масло, а затем из него делали олифу и масляные краски. Полдеревни были у Дороховых в работниках, но они платили всем исправно и обиды или зла на них никто не держал. Черновы и Бударины тоже были зажиточными людьми. Фамилия Черновы была в Арышево самой распространенной и сама Варвара Ивановна тоже была из Черновых. Родилась у нее дочь, да муж рано умер от какой-то болезни. Что делать с лавкой Варвара не знала, ни читать, ни писать она не умела. Но тут пришла на помощь грамотная свекровь: Варвара товар отпускала, а свекровь считала, сколько денег с покупателя нужно взять. Так они распродали весь товар, а затем и продали лавку кому-то из ксеньевцев (ныне Асино) Но Варвара дома не сидела, поглядывая в окошко, а вместе с работниками выполняла все полевые работы.

Второй раз Варвара вышла замуж за бедняка Якимова из Мало-Жирова. В 1937 году его забрали по линии НКВД, а народилось у них к тому времени уже двенадцать детей! Когда забрали мужа, то отняли у него тулуп и черненую шубу. Взамен пальто ему все же дали, так как он был болен. Но больной человек отставал, идти по этапу не мог, его где-то пристрелили и бросили в воду. Якимовы едва сводили концы с концами. Огорода у них, почему-то не было, жили без картошки, в шах плавала одна капуста. Родители подружек не велели приглашать в гости детей «врага народа».

Дочь Александра 1927 года рождения считает, что отец пострадал за богатое прошлое матери. Прожила Варвара Ивановна 100 лет и 6 дней, а ее отец Чернов Иван и того больше – аж 105 лет!

В 1928 году в Арышево случился страшный пожар. Когда все взрослое население убирало хлеб на полях, деревня выгорела дотла, кроме одного дома. Людям пришлось все строиться заново. Пожары случались нередко. Кузьмина Галина Александровна родилась в Арышево в 1938 году. Ее отец

---

¹ ЦГАЛИ. Ф.1589, д.558

ушел на фронт. Была у Галины еще младшая сестра 1940 года рождения Мария. И вот однажды в 1942 году их мама Чернова Анна Михайловна пошла со свекровью в поле собирать колоски. Вдруг они видят: в деревне дым поднимается.

- Ой, мамаша, а не наш ли дом горит? – заволновалась Анна

- Да ну, что ты! – успокоила ее свекровь.

А Анна Михайловна говорит:

- Нет, нет, пойдем домой, что-то на сердце нехорошо. Я ведь ушла, а детей замкнула на замок.

У свекрови, которая жила за стенкой во второй половине дома, был сын больной малярией. Он лежал дома, курил и бросил окурки в угол, где были очески льна. И дом загорелся. Соседи прибежали, но замок на двери был большой, и сбить его не смогли. Галя была совсем мала, но сообразила, что надо вытащить сестру в сени и закрыть дверь в избу. Она подвела сестру к дыре в полу, велела ей туда глядеть, и накрыла с головой холщовой скатертью. Сама вставила нос в дверную дырочку. Галина Александровна говорила, что если бы не закрыла дверь в доме, то неминуемо сгорели бы они с сестрой. Соседи выбили окно и вытащили их. День был жаркий, и пока Анна Михайловна добежала до дома, от него осталась одна зола.

В Арышево было четыре улицы. Главная – Деревня или Яйская – тянулась вдоль речки Каменки. На бугре за речкой проходила улица Гора. В противоположной стороне была Хохловка, а к сушилке – Байбалы. Бывшие жители говорят, что деревня была небольшая, но и в ней было два колхоза: «Новый путь» и «Сибиряк». В колхозы жители вступать боялись, говорили, что с наступлением весны придут из леса отряды и всех перебьют. В районе был сделан вывод, что партийная ячейка работу по коллективизации не вела, а занималась пьянкой.²

Школа в Арышево была начальная, в 1930-е годы всех учила Чернова Ксения Александровна, которая жила в здании школы. Она вышла замуж за Кованцева Ивана Титовича, и они стали учить в две смены. В школе было около 35 учеников. Ходить в школу было не в чем. Многие дети бегали на уроки в носках, обшитых кожей. В морозы все дети учились в одном классе, чтобы было теплее.

В 40-е годы тоже все четыре класса учились вместе у Аксины Алексеевны, а потом у Сухорукова Филиппа Алексеевича. Дальше дети продолжали обучение в Семеновской семилетней школе.

В конце 50-х годов XX века, начале 60-х годов учила Непряхина Валентина Павловна сдвоенные классы, а затем Демченко Тамара Ивановна.

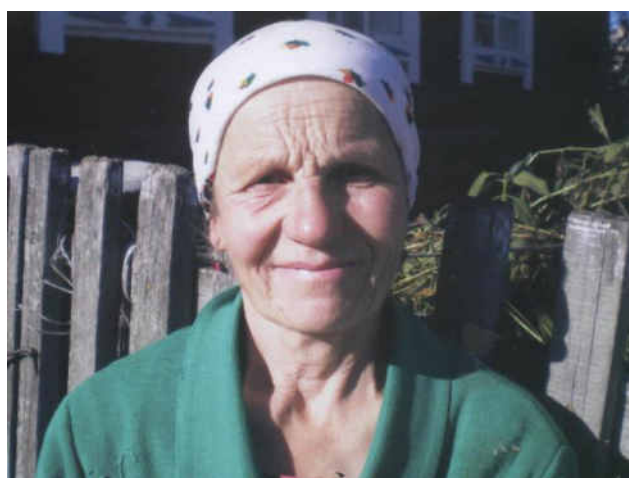
Председателем колхоза «Сибиряк» работал Губин Дмитрий, после него Швайко Константин Егорович. Когда-то в колхозе было молочно-товарное производство, затем держали молодняк на откорме и конеферму, занимались льноводством. Речку Каменку запруживали, в образовавшемся водоеме мочили лен. На Каменке стояла мельница, когда речка разливалась, то

² ТОЦДНИ, Ф.28, Оп.1, Д.118

мельница работала. Все спешили смолоть хлеб. В 1960-е годы Непомнящих Александр Леонтьевич был мельником и кузнецом.

Дорога до Арышево всегда была плохая, если пройдет дождь, то нельзя ни проехать, ни пройти. Зимой вообще все заносило снегом. Больницы не было. К концу 60-х годов сделали медпункт, и Сивчик Мария Ивановна раз в неделю приезжала из Семеновки и вела прием.

В 1970-х годах прошло укрепление населенных пунктов центральных усадеб хозяйств, многие арышевцы переехали в Семеновку. В 1972 году в Арышево осталось 4 или 5 домов, последним уезжал к сыну в Северск Непряхин Василий Егорович. Здание школы перевезли в Цыганово. Последний дом вывезли в 1975 году, а в 1976 году деревню распахали.

Кузьмина Галина Александровна

Ульрих (Елькина) Евгения Федоровна,
1929 г.р. Арышево.

Ульрих Федор Иванович, 1932 г.р.
Репрессирован, жил в Арышево.
Жена, Ульрих Евгения Федоровна,
сын Валентин

Арышево
Дети с ягнятами.
Ульрих Валентин,
Михаил, Николай
(слева направо)

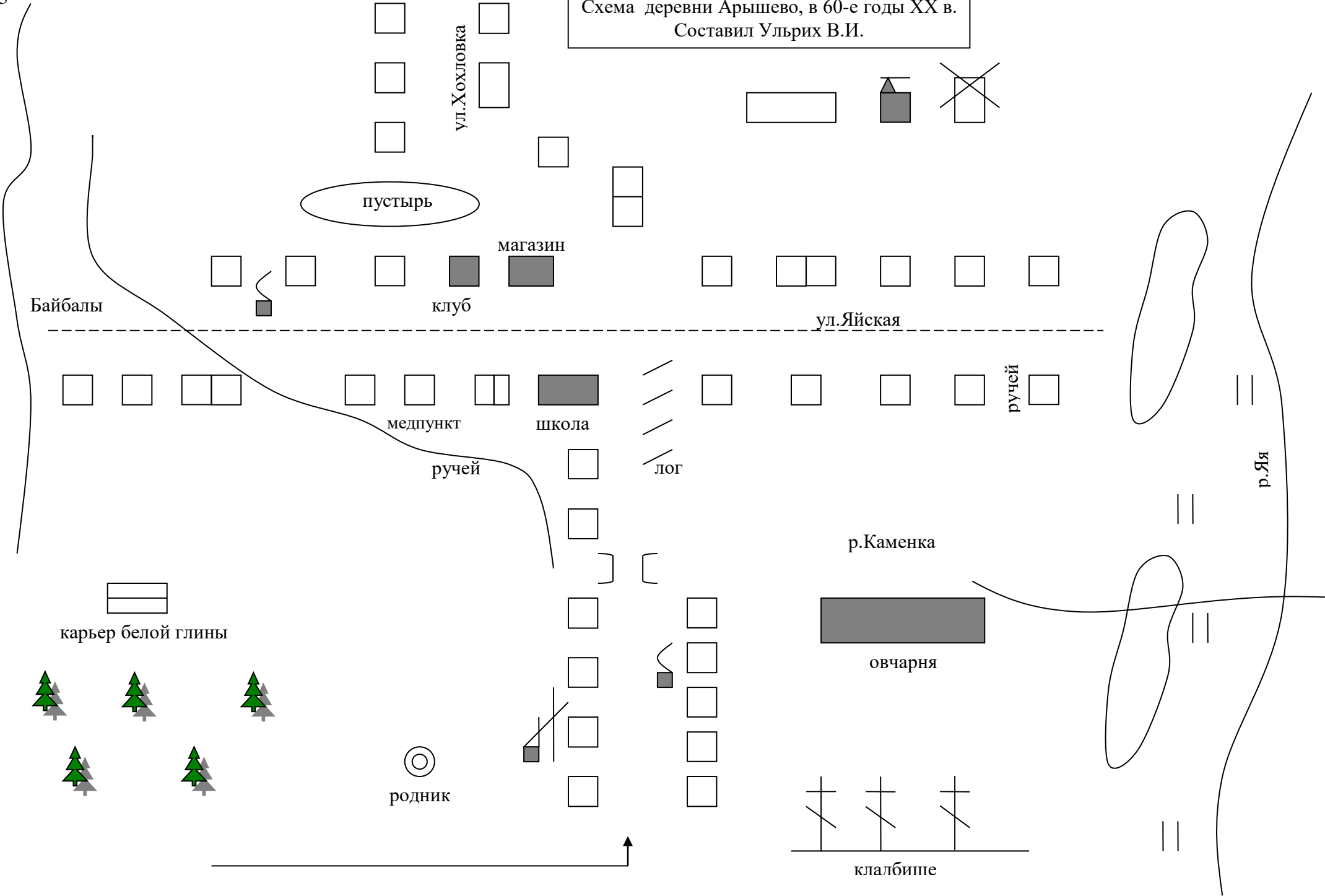

Захарко Петр
Иванович,
1952 г.р.

Бардовский Виктор
Александрович, 1952 г.
Арышево

Схема деревни Арышево, в 60-е годы XX в.
Составил Ульрих В.И.

Бихтуил Яранского сельского Совета

*Из воспоминаний
Шайхутдиновой Мафрузы Сахобеевны,
бывшей жительницы пос. сухой Лог*

Поселок лесозаготовителей, основанный в 1930-е годы примерно в 67 км. от села Зырянского, находился в 6 км. от пос. Лесозавод, на речке Бихтуил. Название дано по адаптированному варианту имени Бектеюл. Трехсоставной топоним Бек-тет-юл указывает на наложение названия на одном языке на другое. Получается река Река князя. В поселке ставились дощатые домики, в которых жили лесозаготовители. Лес выработали и ушли. Бихтуил исключен из учетных данных 20 октября 1962 года в связи с прекращением разработки леса. Хотя Мафруза Сахобеевна рассказала, что лес там погиб от нашествия непарного шелкопряда. Гусениц было столько, что каждое дерево шевелилось, как живое. По узкоколейке не могла пройти железнодорожная платформа, она буксовала в массе этих вредителей. Гусеницы очень мохнатые и колючие, если попадали кому за шиворот, то кололи как иголками. В Бихтуиле, как и на других лесозаготовительных участках, лес спиливали вручную, на конях вытаскивали к узкоколейке, там грузили на платформу по 12 кубометров. Чтобы больше вошло, бревна стягивали веревками, а платформу наращивали распорками. Мафруза работала сучкорубом. Она вспоминала, что им выдавали спецодежду – фуфайку и валенки. Зимой валенки в снегу так намокали, что теряли форму и становились круглыми.

В 1940-е годы в Бихтуиле постоянно никто не проживал, там стояли бараки, а лес готовили только зимой. В 1950-е годы уже вырос настоящий поселок, в котором были магазин, клуб, контора, медпункт. Но платили пять рублей в день, эти деньги проедали в столовой, а семью кормить было не на что.

Их архивных данных можно установить, что работалось в этом лесозаготовительном участке тяжело. По итогам соцсоревнования за 1 квартал 1953 года Бихтуильский ЛЗП был на последнем месте, во 2 квартале план был выполнен только на 29 %. Рабочей силы не хватало, так как рабочие были на сплаве и строительстве конно-рельсовой дороги. Круглолежневая дорога не ремонтировалась 2 года, рабочим до места работы приходилось ходить за десятки километров. Лошадей не хватало и на трелевке, и на вывозке леса. Имеющиеся лошади по 2-3 дня не получали овса. Отмечалась слабая трудовая дисциплина. Рабочие по оргнабору самовольно уходили с участка, сезонные рабочие из колхозов поставлялись не полностью, к тому же рабочий день они заканчивали рано: в 15-16 часа дня.³ Штабеля леса до весны лежали на берегу, с приходом высокой воды их сплавляли.

---

³ ТОЦДНИ, Ф.28 ,Оп.1, Д.523

Однажды, в 1956 году, в Тонгульском заповеднике горел лес. Всех девчонок и мужчин повели на тушение пожара. Шли 2 дня, ночевали в пути. Лесник всех вел таежной тропой. Пожар пришлось тушить метелками из веток. Сбивали огонь с горящих верхушек молодых деревьев. К счастью, разразившиеся дождь пожар загасил.

Когда закрылся Бихтуил, открылся другой поселок - Малый Борик. Все постройки перевезли на новый лесозаготовительный участок.

После пожара в Тонгульском лесу.
1 ряд слева направо:
Низамутдинова Мафруза, Валя
Мелкозерова из Симоновки.
Вверху:
Валя Хмара и Валя Ушакова,
девушки сучкорубы
1955-1956 гг.

Бихтуил
Вывоз леса по узкоколейке на лошадях. Возчик Гайсин З.Ж.
1950-е годы

Дербенев Яков Федорович на вывозке леса.
Фото 1954 года

Вершинка **Дубровского сельского Совета**

Из воспоминаний
Филиппова Николая Вуколовича,
ветерана педагогического труда

Вершинка – деревня, возникшая в 1923 году как высел (поселение из отделившихся от семьи взрослых сыновей или новых поселенцев) села Богословского (Богословки). Располагалось в 15 км. от Богословки на реке Чигисла. Название дано по самому высокому месту на данном участке. От Дубровки населенный пункт был примерно в 6 км., а от Зырянки, по прямой дороге, - 8-9 км. В 1,5 км. от Вершинки находилась Гурина заимка с несколькими дворами. Село стояло на вершине, от него шло понижение к полям и небольшой речушке Чигисла, с очень прозрачной водой и омутами, в которых водилось много голянов. В этом населенном пункте был отдельный колхоз. В 1956 году в нем создали партийную организацию.

В Вершинке жили хорошие люди, хорошие механизаторы: Палагины, Деевы, Афанасьевы, Воробьевы, Ефремовы. Вокруг деревни были березовые лога (Образцов лог), очень много грибов и дичи. Улица была одна. Когда туда на работу приехал Филиппов Николай Вуколович, то увидел, что здание школы плохое, ветхое. Люди сами решили построить новую красивую школу, готовили лес, и в 1959 году новая школа распахнула свои двери на радость детям и родителям. В ней было 2 классных комнаты и третье помещение - квартира для учителя, где и жил Николай Вуколович. В школе было 2 печи, дров хватало, было тепло. Однажды бригадир около школы посеял горох, сказал: «Нехай растет, много косачей будет!». Осенью этот горох не убирали, а косачей действительно столько прилетало, что охотники прибежали с ружьями. Школу закрыли в 1966-1967 годах, в связи с укрупнением колхозов деревня исчезла, большинство жителей переехало в Зырянку, а некоторые в Дубровку.

Историческая справка

Образовался высел Дубровского сельского Совета «Вершина» в 1923 году, в 1926 году было 17 хозяйств, численность населения в 1934-1939 годах – 109 человек, в 1959 году – 151 человек, в 1968 году – 117 человек. В 1970 году проживало всего 7 человек. Клуб построен в 1956 году, магазин в 1957 году. В 1971 году Вершинка исключена из учетных данных.

Вечер после весенней посевной. В центре председатель колхоза им.Фрунзе (Вершинка, Ивановка, Рассвет) Бугров Геннадий Иванович. Крайний справа – Палагин Михаил – шофер из Вершинки, рядом в белом платье – его жена. Между ними Иван Кармалинский – комбайнер в Вершинке. Крайняя слева – Анна Никифоровна Куприянова – ветврач, рядом в сапогах – Злодеева Катя из Ивановки, справа от нее – Злодеев Николай – шофер из Ивановки.

Из воспоминаний
Дмитриевой Анастасии Григорьевны,
бывшей жительницы деревни

Первым председателем колхоза стал Деев Андрей Тимофеевич. Он погиб на фронте. В войну колхозом управляла женщина из Цыганово, потом дед Авдоха – Ефремов Евдоким, потом председатели менялись.

Вершинский высел заселили богословские крестьяне. Вершинка – потому что над речкой и логом – то есть наверху. От Богословки до Вершинки примерно 15 км. Когда образовался высел – не помню, я родилась в 1934 года в Вершинке, но родители переехали сюда из Богословки.

Школа образовалась еще до войны. Дом был на две половины: в одной жил учитель, а в другой учились дети.

Головина Клавдия Ивановна – первая учительница в Вершинке. Наталья Павловна Головина тоже учила детей в Вершинке. Последние годы было 35 дворов. Пруд образован запрудой лога, чтобы в деревне была вода, так как речка как ручеек. Вода в него поступала вешняя при весеннем снеготаянье. До войны пруд был глубокий: скрывал человека. Ребятня

купалась в нем, вода была теплая, но в жару он почти пересыхал, вода уходила куда-то из него. Позже в пруду стали мочить лен и захламили его, испортили воду.

В Вершинке жили ссыльные немцы, западные украинцы. В войну прибыли 3 семьи эвакуированных ленинградцев. Их поселили в детских яслях, а одна семья жила в школе. После войны они все уехали. Немцев тоже куда-то вывезли.

Школа после исчезновения деревни еще долго стояла, сейчас все распахали, земля заросла. К кладбищу на легковой машине не проехать, оно все бурьяном заросло.

Кузнецом в образовавшемся колхозе работал Дмитриев Степан Исаакович, он погиб на войне.

В Вершинке было 5 доярок, Дмитриевна Анастасия Григорьевна 3 года работала дояркой, в ее группе содержалось 14 или 15 коров, а всего на ферме было 75-80 коров. Молоко на лошадях возили в Дубровку. Весной, когда портился путь, молоко сепарировали, били масло, топили его, чтобы потом отправить. Обрат давали телятам, свиньям. Был небольшой телятник с печкой. Пол вымоем, клетки для телят выскоблим – чистота и порядок.

Один год мне оставили 19 коров, сказали, что они выбракованные, не будут телиться. А они взяли да все отелились. Я всех до одного теленка выходила, хотя телята были слабые, так как кормов не хватало. Когда сделали теплый коровник, стала благодать, воду возчик возил бочкой, в коровнике сливал ее в бочки, а доярки только черпали ведрами и разносили коровам. Абсолютно весь труд был ручной. Коровы стояли на привязи. Ферму ликвидировали и Вершинку соединили с Дубровкой. Коров не стало, но молодняк пригоняли. Ухаживали за ними пять телятниц, было четыре группы. Председатель колхоза Юсупов говорил, что скот может набирать привесы и на одной ржаной соломе, но так не случилось. Был большой падеж лошадей в колхозе было порядочно, но в войну кони передохли, а после войны их снова развели: 15 коней рабочих стало, а в войну оставалось всего 7 коней. Работали на быках и на коровах. В колхозе имелся свинарник – работали 2 свиарки, также разводили овец.

В центре Бугров Геннадий Иванович председатель колхоза им.Фрунзе. Слева от него Куприянов Александр Андреевич – комбайнер, слева от Бугрова – Палагина Нина – доярка из Вершинки, справа от Бугрова – кладовщик Нина Еремеева, остальные - доярки из Дубровки.

Ефремов Иван, 1935
года рождения,
Вершинка

Из воспоминаний
Шукайловой Марии Михайловны,
 бывшей жительницы деревни

Высел Вершининский заселили богословцы, перебравшись поближе к своим земельным наделам. От Вершинки до Богословки примерно 15 – 18 километров. Улица в деревне была одна двухсторонняя, за деревней был пруд, его сделали жители, перегородив лог плотиной. Весенние воды стекали с окрестностей и наполняли пруд. Деревня стояла вдоль таежной речки Чигисла, домов было 29. После того, как исчезла Гурина заимка – их стало 35. Жители Вершинки: Поповы, Защишины, Деевы, еще Деевы, Золотаревы, Ефремовы, Дмитриевы, Защишины. В деревне имелся магазин, клуб, начальная школа. Сначала школа была в доме, состоящем из двух половин: в одной учились, а в другой была квартира учителя. Позже срубили новое здание школы в лесочке. В двух классах было по 8 человек, учил один учитель в две смены. В 1950-е годы учила Физа Владимировна Ефремова. На 1 сентября 1950 года в школе был 21 ученик. В 5, 6, 7-ой класс уезжали в Дубровку, где жили в интернате или по квартирам. Питались с хозяевами. Помню, в 6-7 классе жили с подружкой у бабушки и готовили себе сами. До Дубровки 7 км., домой на выходные ходили пешком. В воскресенье детей в Дубровку увозили, но в распутицу ходили пешком.

Родители жили в Богословке, но когда там организовали колхоз, то они от него убежали в Вершинку, но когда и там сделали колхоз, то они горевали, что поменяли шило на мыло: Богословка большая деревня, а они уехали в маленькую, в колхоз им. Фрунзе. Когда Вершинку соединили с Дубровкой – колхоз им. Фрунзе так и остался. Родители все делали вручную. Андрей Тимофеевич Деев был первым председателем колхоза, его взяли на войну и он погиб. В войну женщина Цыганкова из Цыганово была. Потом Нартов, Колупаев.

Председатель Бугров Геннадий Иванович был из 30-ти тысячников. Тридцатитысячники – это передовые работники предприятий, направленные коммунистической партией в деревню в 1955-1957 гг. для руководства слабыми и отстающими колхозами. Когда Вершинку объединили с Дубровкой, то он стал председателем объединенного колхоза.

В деревне было 3 колодца. За прудом находились скотный и конный дворы. Дети купались в пруду, на Чигисле были плесы с названиями «Воронкина речка», «Нартова речка», там купались те, кто постарше. Маленькие дети купались в пруду, вода была там теплая, глубина в рост человека. Жарким летом пруд совсем мелел, усыхал. Электричества не было, позже его стали давать от движка: утром с 6 часов и вечером до 24 часов. В начале 1960-х годов провели линию электропередач от Дубровки, электроснабжение стало круглосуточным. Магазин в деревне был промтоварный: ситец, фуфайки, шапки, сахар, лапша, баранки, мыло, спички. К 1970-ым годам появилась колбаса, газировка. Деревню окружал лес. Колхоз держал коней, овец, коров, позже овец убрали и развели свиней. Коровник за прудом был под открытым небом, Даже зимой коров доили на улице. Позже, в 1956-1957 годах построили крытый коровник в другом месте. У каждой доярки коров было по 15-16 голов, работало пять доярок. Позднее свиней опять ликвидировали, содержали телятник.

Разъехались из деревни в 1969 году, но две семьи еще жили там три года.

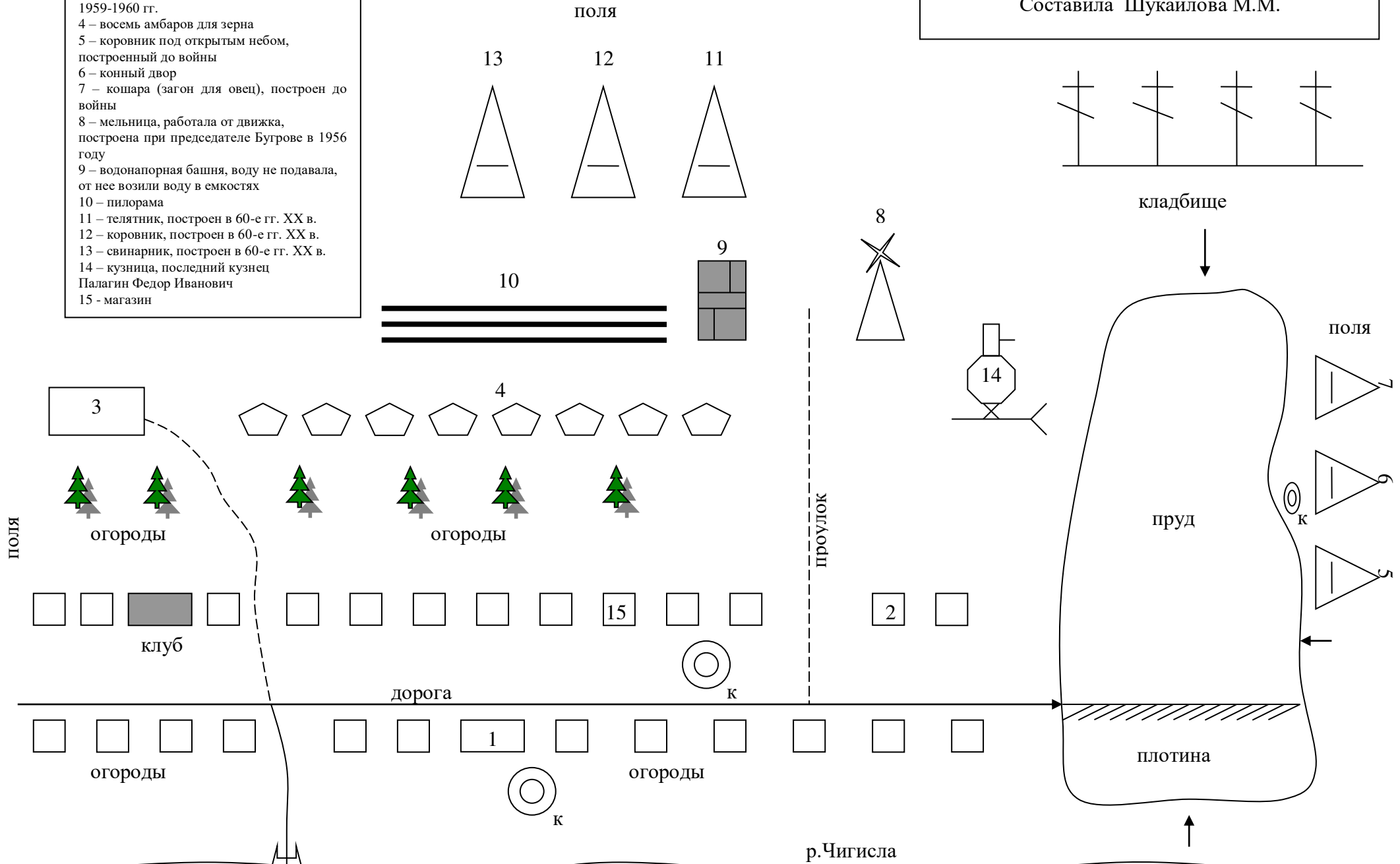
Дмитриевы Афанасий Ефимович и Евдокия
(в центре) 1960-е годы. Вершинка

Условные обозначения

- 1 – здание первой школы, начальной, где учила Клавдия Ивановна Головина
- 2 – здание конторы
- 3 – новое здание школы, построенное в 1959-1960 гг.
- 4 – восемь амбаров для зерна
- 5 – коровник под открытым небом, построенный до войны
- 6 – конный двор
- 7 – кошара (загон для овец), построен до войны
- 8 – мельница, работала от движка, построена при председателе Бугрове в 1956 году
- 9 – водонапорная башня, воду не подавала, от нее возили воду в емкостях
- 10 – пилорама
- 11 – телятник, построен в 60-е гг. XX в.
- 12 – коровник, построен в 60-е гг. XX в.
- 13 – свинарник, построен в 60-е гг. XX в.
- 14 – кузница, последний кузнец Палагин Федор Иванович
- 15 – магазин

Схема деревни Вершинка на 1956 год.
Составила Шукайлова М.М.

Гедриса мельница

Нефедова Александра Яковлевна,
1922 г.р.

Из воспоминаний Заборских Ии Мефодьевны,
старожила пос. Прушинский,
Нефедовой Александры Яковлевны,
ветерана педагогического труда,
бывшей жительницы пос. Прушинский

В «Списках населенных мест Сибирского края» значится Гедриса мельница с одним хозяйством и населением 14 человек. Основан населенный пункт в 1918 году.

По воспоминаниям Александрия Яковлевны Нефедовой, Гедрис Иван Иванович был томским купцом. Он приехал на хутор Петрашкевича (позднее он стал поселком Прушинский) на гнедой кобыле с наборной уздой, богато одетый да с мешком денег. С ним приехали его отец, сестра Екатерина Ивановна, которая вышла замуж за Нефедова Федора Герасимовича, брата деда Александры Яковлевны.

А вот Ия Георгиевна Заборских рассказывает, что Иван Гедрис приехал гол как сокол, но был очень умный и добрый. Он познакомился с богатыми мужиками, занял у них денег, которые возвратил с лихвой после постройки мельницы. Одна мельница была в 1,5 км. от поселка Прушинский, а вторая в километрах 3 от Старой Чети. Мельницы были водяные, жернова вращались медленно, зерно перетиралось бережно, от чего получалась высококачественная мука-крупчатка. За помол крестьяне отчисляли определенный процент хлеба, который назывался «гарнец» или «гарнцевый сбор». За гарнцем приезжали томские купцы, которые увозили в город белую муку. Свекор Ии Георгиевны Заборских Харлампий Федорович, 1883 года рождения, работал на мельнице весовщиком. Случилась у него недостача этого гарнца, за что он был осужден, но жители и семья подали на пересуд и его освободили.

Первым мельником у Гедриса был Попов Кирилл Евлампиевич. Его мать - маленькая и сухонькой старушка, 20 лет со своим мужем служила на востоке. После выхода мужа в отставку они приехали в поселок

Прушинский. Были так бедны, что даже самый маленький домишко не могли себе поставить. Иван Иванович отдал им амбар около мельницы, где они и жили до 1934-1935 гг. После Попова К.Е. мельником работал отец Нефедовой Александры Яковлевны.

Иван Иванович был человеком предприимчивым: в урожайные годы менял у тегульдетских купцов хлеб на кедровый орех и засыпал его полные амбары, а в неурожайный год орехи продавал. Люди еще в 50-е годы XX века, перевозя себе амбары, находили в щелях бревен орехи.

Когда возник поселок Прушинский в 1925 году, то контору общества перенесли туда, и а в 1925 году возникла коммуна «Октябрь».

На мельнице стояла турбина «Динамо-машина», которая вырабатывала электрический ток, и дома в коммуне освещались электричеством, было у них даже радио.

Весной при разливе реки плотину размывало. После спада воды вся деревня выезжала на ее ремонт: резали дерн, носили жерди и ветки, на другом берегу реки стояла «баба», которой вколачивали сваи в дно реки. Дерн укладывали и прудили реку так, чтобы весь поток воды проходил через мельницу. С помощью электричества в коммуне была проведена сигнализация. По количеству мигания лампочки знали, кого вызывают: механика, весовщика или кого - то другого.

Мололи на мельнице и сушеную черемуху. Помол получался очень тонким, и зимой этот порошок заваривали кипятком да пекли вкуснейшие пироги с черемухой.

Александра Яковлевна помнит, как во втором классе их водили на мельницу Гедриса на экскурсию, показывали шлюзы. Когда их открывали, то силой падающей воды вырабатывался ток, а когда закрывали, машина не работала. В 1934 году мельницы уже не было. Как она исчезла - никто не помнит, но скорее всего ее исчезновение – часть общего сценария: раскулачивание и хорошо, если не расстрел.

Про вторую мельницу сведения и вовсе скудные. В 1920 году в районе мельницы на Старой Чети образовалась кооперативное общество «Свободный труд». Есть воспоминания, что хлеб возили молот в «Свободный». В нем было уже 7 хозяйств с населением 36 человек. В их числе Поданев Иван Федорович. На эту мельницу хлеб возили молот жители другого куста: Окунеево, Усачево, Митюшкино и другие.

Бригада бондарей из пос. «Свободный труд». Фото начала 1930-х годов.

Кузьмина Марфа Семеновна 1917 года рождения, жительница Окунеево, помнит, как в 1924 году дошел слух, что на мельнице все население вырезали. Люди бежали туда и Марфа Семеновна с матерью тоже. Называлась она мельница Поляковских. Говорили, что на лодках приплыли какие-то эстонцы и всех убили, а девочка – нянька смогла убежать в Окунеево и все рассказала. Ходили слухи, что у Поляковских было много денег. Один из этих лихих людей деньги нашел в зерне и разбогател. В это время у некоторых иловцев появились яркие цветастые платки - «катетки». Люди шептались, что это платки Поляковских.

Пока собирался материал по исчезнувшим населенным пунктам Зырянского района, появилось вдруг интересное дополнение. В феврале 2010 года к Александре Яковлевне приехали неожиданные гости: внучки Гедриса Ивана Ивановича, Людмила Викторовна и Тамара Викторовна, которые хотели получить какие либо сведения о своем дедушке. Они уже сами, побывав в Томском информационном центре, тоже смогли немного расширить имеющиеся сведения. У Ивана Ивановича был сын Виктор, 1914 года рождения, он ушел в 1941 году на войну и погиб, похоронен в Латвии. Его дочери Тамаре было тогда 5 лет. Иван Иванович в конце 1928 года был репрессирован, а все его имущество было передано коммуне «Октябрь». Имущество было немалое: мельница, кожевенный завод в Иловке, крупорушка, маслобойня, сепаратор, кузница, а также 400 га обработанной земли. Имелись жнейка, молотилка, сенокосилка. Управлялись со всем этим

немалым хозяйством всего 11 человек. В коммуне же ума всей этой технике придать не смогли, да и коммуна просуществовала недолго, распалась в 1929 году.

Жена Ивана Ивановича умерла в Магадане, о нем таких сведений нет, но скорее всего, сгинул он тоже где-то в тех же краях.

Гурина заимка Дубровского сельского Совета

Из воспоминаний
Дмитриева **Ивана Михайловича**,
правнука основателя заимки

Гуриную заимку – Дубровский высел – основал в 1866 году Гурин Илья, сводный брат четырех братьев Дмитриевых, родители которых переселились в Дубровку из Пензенской губернии. Когда землю поделили на отруба, то наделы некоторых крестьян оказались далеко от деревень. Люди стали переселились поближе к своей земле, чтобы удобнее было хозяйствовать. От Дубровки до Гуриной 7 км., от с.Зырянское- 17 км. В сельскохозяйственной переписи населения за 1916 год указано, что в Гуриной было 6 домохозяев с населением 42 человека (24 мужчины и 18 женщин). У них было в хозяйствах 27 лошадей, 12 коров, 27 овец, 26 подсвинков, 68,6 десятин пашни, из которой общество сдавало в аренду 20,65 десятин. Общественные расходы гурьевцы несли вместе с дубровцами.⁴

Иван Михайлович вспоминает, как родители рассказывали, что у деда Ильи водилось золотишко. Когда у него перед смертью отнялась речь, то он всё пальцем показывал на подпол. Говорили, что Гурин Иван нашел эту кубышку, уехал в Дубровку и жил очень зажиточно, выстроив себе хороший

⁴ ГАТО, Ф.239, Оп.16, Д.159

дом, за что его раскулачили и выслали. Когда репрессированные шли через Гурину заимку, то брат Ивана по матери Алексей сидел дома и трясся от страха, боялся даже выглянуть в окошко, чтобы и его не арестовали как родственника. Сгинул Иван где-то в Нарымских болотах.

Из похозяйственных книг за 1943-1946 гг.⁵ известно, что проживали в Гуриной заимке:

1. Дмитриев Алексей Ильич, 1880 года рождения с женой Аксиньей и сыном Иннокентием 1929 года рождения.
2. Дмитриева Антонида Семеновна 1919 года рождения с мужем Архипом Исааковичем 1914 года рождения и тремя детьми и свекровью Ольгой Максимовной 1875 года рождения.
3. Дмитриев Михаил Григорьевич 1894 года рождения с женой Марией Максимовной 1894 года рождения и четырьмя детьми.
4. Дмитриев Яков Ильич 1877 года рождения с женой Евдокией Власовной 1877 года рождения и двумя сыновьями и внуком.
5. Дмитриев Исаак Ильич 1874 года рождения с женой Ольгой Макаровой 1875 года рождения и тремя детьми.
6. Ефремова Антонида 1917 года рождения с двумя сыновьями.
7. Вавилов Василий и Екатерина 1878 года рождения.
8. Дмитриев Кузьма Исаакович 1901 года рождения с женой Золотаревой Зинаидой Тарасовной и тремя детьми.
9. Защицина Надежда Гавриловна 1873 года рождения и трое детей.
10. Афанасьев Иосиф Дмитриевич 1912 года рождения с женой Елизаветой 1911 года рождения и дочерью.
11. Жогин Тарас Давыдович 1874 года рождения с женой Марфой Ивановной 1875 года рождения и четырьмя внуками.
12. Ярмухамет Евдоким Степанович 1895 года рождения с племянником.
13. Дмитриева Евдокия Афанасьевна 1910 года рождения с тремя сыновьями.

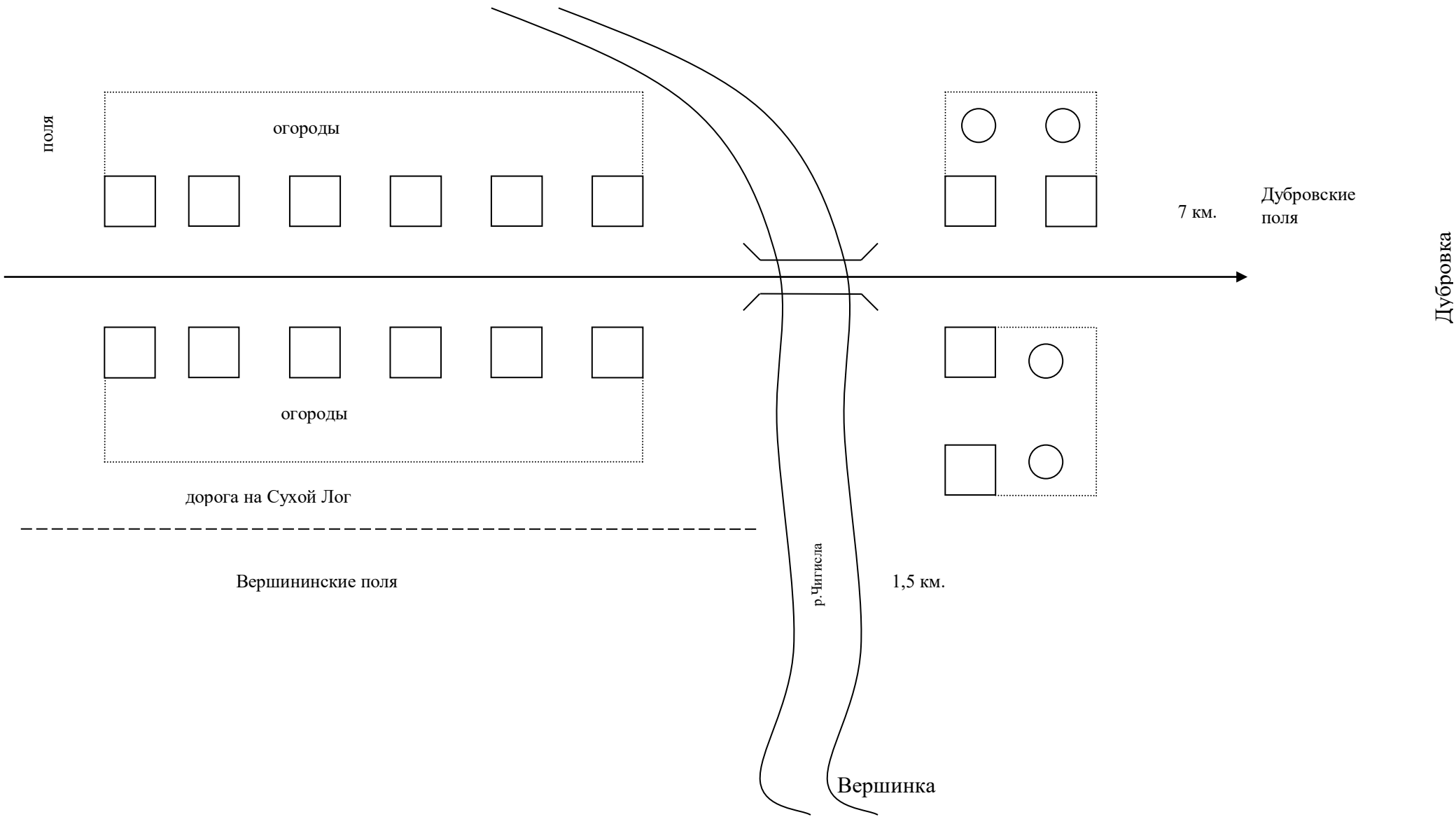
Гурина вместе с Вершинкой входила в состав колхоза им Фрунзе. До Вершинки было всего полтора километра. В школу дети тоже ходили в Вершинку. Магазины не было, но перед войной на дому торговали первоочередными товарами: спичками, мылом, керосином. В войну в поселке появились эвакуированные из Курска и ссыльные немцы, селили их туда, где было жилье.

В 1950-е годы народ стал разъезжаться кто куда. В 1959 году Гурина заимка прекратила свое существование.

⁵ Зырянский архив, Ф.40, Оп.1, Д.20

Схема Гуриной заимки.
Составил Дмитриев И.М.

Высел «Демьян Бедный» Дубровского сельского Совета

Из воспоминаний
Красноперовой Елены Ларионовны,
внучки основателя поселка

Годом основания этого населенного пункта считается 1926 год. Но возник он, наверное, раньше, так как в 1926 году в нем было уже 21 хозяйство с населением 98 человек. Находился он в семи километрах от Дубровки и заселили его дубровчане.

Первыми там поселились Родионов Степан Лазаревич и Филипповы, они были родственниками и по-свойски сговорились построиться на Чигисле, так как на том участке была земля, свободная от леса. Вокруг Дубровки земли хватало, но ее нужно было отвоевывать у леса, а поскольку техники в то время не было, то процесс этот был весьма трудоемким. Степан Лазаревич был 1874 года рождения, неграмотен, но весьма любознательный. Он служил в царской армии более 15 лет. Жена, Ефросинья Васильевна, 1879 года рождения, была из Курска. Когда муж приходил на побывку – появлялись дети: Павел, Анна, Варвара, Антонина, Ефросинья. Степан Лазаревич участвовал в японской войне, был в плену. В Первую мировую войну стал Георгиевским кавалером, имел два креста. Воевал на гражданской войне, был ранен, ходил с костылем. Он много повидал, интересовался политикой. Он же и предложил назвать высел именем пролетарского поэта Демьяна Бедного. Умер Степан Лазаревич в 12.03.1953 года. Сын увез его в Кемеровскую область, где жили родственники, и похоронил в селе Бекет.

Родионовых в поселке проживало пять семей, несколько семей Григорьевых, Климовых и Филипповых. Поселочек был небольшой, дома по улице стояли в один ряд. На второй стороне было всего 2-3 дома. Первые поселенцы ставили небольшие домики – избышки, чтобы побыстрее заселиться. Больших было всего три дома. При доме огороды были небольшими, почти все овощи, даже огурцы, сажали на полях. А вот помидоры никто не выращивал. Эта культура появилась в Одринке и Дубровке после войны, ее завезли ссыльные латыши. Когда началась коллективизация, народ в «Демьяне» воспротивился. Колхоз они так и не образовали, а разъехались кто куда: многие в Ординку, Климовы в Мишутино, Филипповы в Дубровку. В 1934 году на «Демьяне» еще проживали 43 человека. За 1939 год данных уже нет, значит этот высел к тому времени исчез. Внучка основателя высела Родионова (Красноперова) Елена Ларионовна родилась на «Демьяне» в 1926 году, а в 1936 году они переехали в Ординку. Жители Ординки к пасхе ходили на высел «Демьян» за 3 километра за пихтой, так как вокруг были заросли этих вечнозеленых деревьев.

Слева направо: дочь основателя заимки «Демьян Бедный» Варвара Степановна, 1920 г.р., внучка Ления Ларионовна, 1929 г.р., дочь основателя Ефросинья Степановна, 1924 г.р. Фото 1990-х годов.

Поселок Добровольный Мишутинского сельского Совета

Из воспоминаний
Швайко Юрия Константиновича,
бывшего жителя поселка

Жители Добровольного и окрестных деревень совсем забыли изначальное название деревни. Все ее называли «Хутор Литвинов», так как в нем образовался колхоз им.Литвинова (Литвинов Максим Максимович в 1930-1939 гг. был наркомом иностранных дел СССР).

Селение было в четырех километрах от Мишутино и в двух от Левиной заимки, которая тоже входила в состав этого колхоза.

Жители «Литвинова» Петровы, Швайко, Добровы, Володины, Волковы, Абрамовы, Кашурины, Макаровы, Ульяновы. Дед Юрия Константиновича по матери – Ульянов Терентий Федорович, пришел в Мишутино в 1908 году из Пензенской губернии⁶ с семьей в пять душ. Его сын Ульянов Павел Терентьевич обосновался в Добровольном примерно в 1915 году, сам построил себе дом. Юрий Константинович помнит, что во дворе у них были огромный пни.

---

⁶ ГАТО, Ф.239, Оп. 16

В колхозе держали коров. Мама, Федора Терентьевна, была разнорабочей. Она косила хлеб, а потом сушила его на зерносушилке, которая представляла собой большую комнату, дно как в русской печи, а топка была под ним. Зерно рассыпали, по мере сушки ворошили, сухое выметали и так далее. И однажды сушилка сгорела.

Много было в колхозе овец, их делили на три пастбища. В начале 1950-х годов появился в Литвинове колесный трактор, горючее для него возили из села Зырянского на быках. Заведовал заправкой Ульянов Николай Павлович, быка у него звали Наум. Имелась в колхозе и конная молотилка. Здесь же было правление колхоза и школа. Федора Терентьевна из Левиной заимки решила перебраться в Литвинов. Школа находилась в пятистенном доме, который длинной был 15 метров, а шириной 8-9 метров. Учительствовали: Прасковья Ивановна, после нее приехала Федосья Сергеевна Котлярова, но она проработала недолго и в зимние каникулы к нам прислали Кремневу Веру Николаевну. В школе было 15 человек, учились дети абы как, в одном классе сидели по 2-3 года. Видимо, прежние учителя махнули рукой: лошадь умеют запрягать – и ладно! Но Вера Николаевна полгода упорно вдабливала в буквальном смысле слова, знания в головы детей, постукивала пальцем по голове олуха, пока тот не поймет, где в его писанине ошибка. За курс начальной школы ученики сдавали экзамены в Мишутино. Все 15 человек сдали их успешно.

Чтобы учиться дальше в пятом классе, нужно было ходить в Мишутино, или жить там, но за квартиру платить было нечем. Набралось человек шесть ребятишек, которые ходили пешком. Дорог - то не было! Ладно, если иногда кто на лошади проедет, в снегу след пробьет. У братьев Швайко валенки были. Их катала тетя Параня, а дети ей помогали в этом процессе. У Кости Доброва (в сельскохозяйственной переписи эта фамилия записана как Добрый, на все сезоны были только одни сапоги. Однажды, когда мороз был под 40 градусов, дети добежали до половины пути, и ноги у Кости стали «отваливаться», идти он уже не мог. Тогда ребятишки стянули с него сапоги, завязали ему на ноги свои шапки и так он добрался до дома.

Литвинов высел стал разъезжаться в связи с укрупнением колхозов. Семья Швайко уехала в 1956 году предпоследними. В 1958 году в поселке Добровольный уже никто не жил.

Семья поселилась в Семеновке, отец купил там дом, дети закончили по семь классов.

Юрий выучился в Томске на сельского электрика, работал в организации «Сельэлектрострой». В 1961-1962 гг. в Семеновку провели первую государственную электролинию через Арышево. До того в селе стоял локомотив «Будапешт», который топился дровами и свет подавался по определенным часам.

В памяти Юрия Константиновича порой всплывают рассказы, услышанные в детстве. Например, бабушка рассказывала, что через Литвинов и Левину иногда проходили отряды Лубкова. Жители очень

боялись этих встреч и всегда прятались при их приближении. После войны кто-то захаживал в деревню, бедокурил. Тогда местные мужики, пришедшие с фронта, собрались и с помощью милиции обнаружили в лесу, в сторону Барнышово, дезертиров (или дезертира). Юрий Константинович помнит, как на телеге привезли одного убитого.

В стороне от Левиной и Литвинова стоял Баранов хутор, там жила тетя отца, имени которой уже никто не знает. Так вот, еще до войны, ее свекор (или отец) повез ее зимой на санях в роддом в Зырянку, но посреди дороги начались роды. Пришлось мужику принимать детей, пуповину перевязывал кисточками от шали. Он снял свой тулуп и складывал в него детей, которых родилось аж трое! Один из них по пути задохнулся, а двое выжили.

В сельскохозяйственной переписи населения за 1916 год в списках Мишутинского сельского общества значится единственный Баранов Иван Григорьевич, который в 1908 году пришел из Калужской губернии, вероятно, он и был основателем этого хутора Баранова.

Список домохозяев поселка Добровольный в 1935 году⁷

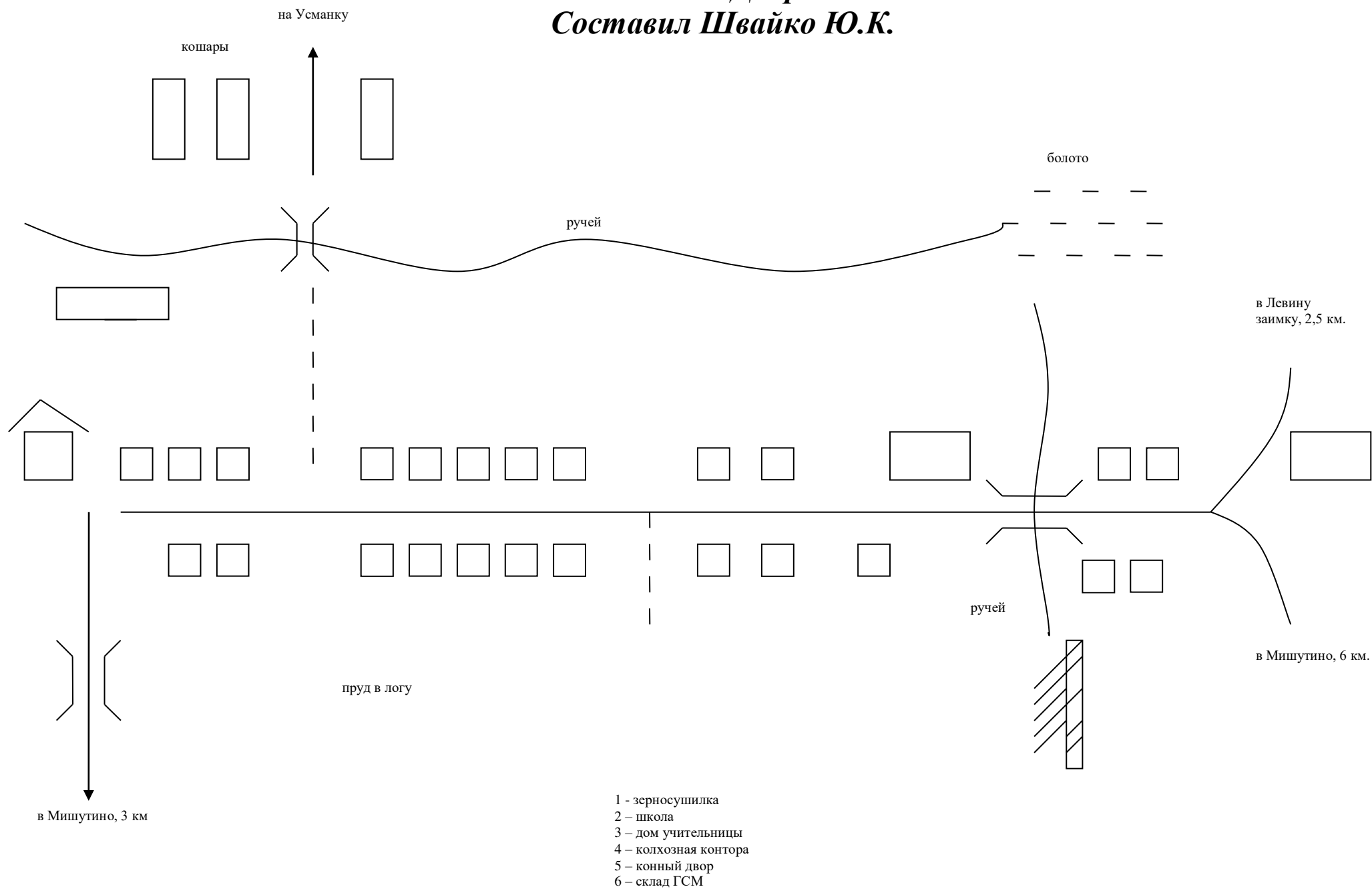
- 1 Абрамов Иван
- 2 Гаврилин Иван
- 3 Сапогов Архип
- 4 Глазков Иван
- 5 Никитин Виктор
- 6 Потекин Павел
- 7 Гончаров Никита
- 8 Гончаров Егор
- 9 Глазков Василий
- 10 Добрый Ульянов
- 11 Порфиненко
- 12 Добрый Роман
- 13 Швайко Иван
- 14 Швайко Алексей
- 15 Ульянов Терентий
- 16 Ульянов Павел
- 17 Петров Сергей
- 18 Эрзина Лукерья
- 19 Добрый Сафрон
- 20 Волков Роман
- 21 Добрый Иван Антонович
- 22 Володин Пантелей
- 23 Володин Василий
- 24 Добрый Николай Ульянович
- 25 Душкин Борис

Ульянов Терентий
Федорович, похоронен на
Левиной заимке, жил в
Добровольном

⁷ ГАТО, Ф.1501, Оп.1, Д.16

Схема поселка Добровольный Составил Швайко Ю.К.

Поселки Ивановка и Рассвет Дубровского сельского Совета

Из воспоминаний
Куприянова Александра Андреевича,
бывшего жителя п. Рассвет

Я родился в Витебской области в деревне Каменка Ульского района в 1930 году. Перед войной мать – Куприянова Агафья Матвеевна стала поговаривать, что нам нужно сниматься с места и ехать в Сибирь, т. к. люди говорят, что будет война с Германией. С самолётов сбрасывались листовки с предупреждением о войне. И мы в 1940 году уехали с родины, добрались до Томска, а от туда до Асино. Нас у матери было трое: сестра с 1924 года, брат с 1926 года и я, а отца не было, так как родители разошлись. В Асино прибывших поджидали нарочные, которые набирали людей в колхозы. Мы погрузились на подводы и тронулись в Зырянский район в деревню Рассвет, где колхоз выделил нам небольшой дом. Дома были почти все маленькие: прихожая с кухней и одна комната. Четыре дома в деревне были побольше, у них имелась ещё и горница. Палисадников у домов не было. 15 домов деревни стояли в один ряд вдоль узкой речки Чигисла. Позже стали строить вторую сторону улицы, но поставили только три дома.

Деревня Рассвет была основана в 1923 году как Богословский высел, кто первым здесь поселился - я не знаю, до Богословки было 12 км и люди старались селиться поближе к своей земле.

Был у нас огород соток 20, понемногу садили всякую мелочь: капусту, огурцы, помидоры. Держали мы корову, поросёнка и кур, так что во время войны с голоду мы не пухли, но и сытыми бывали не каждый день.

Через речку был проложен мостик и на другом берегу Чигислы была уже другая деревня – Ивановка. Там тоже было 18 домов, но стояли они в два ряда на пригорке. Ивановку основал в 1923 году житель деревни Васильевка Иванов Захар из чувашей. В мою бытность там было ещё четыре двора чувашей: Петровы, Михайловы, Васильевы и Степановы, но никакой

национальной неприязни никогда не было, все жили очень дружно. Захар Иванов в колхозе работал кладовщиком, в годы войны ушёл на фронт, вернулся живым и позже в Васильевке держал пасеку.

На две деревни был один колхоз – «Красная Чигисла», старики говорили, что название «красная» связано с обилием красной ягоды вокруг, очень много было калины, рябины, малины, шиповника, но я думаю, что это не совсем так. Определение «красный» было в традициях революционных и колхозных названий, цвет кумача был как символ движения вперёд к новой красивой жизни.

В Ивановке стояла начальная школа, и мы ходили через речку туда в школу. В здании школы была и квартира учителя. Я помню имена учительниц, которые меня учили: Любовь Герасимовна и Нина Нестеровна, а вот фамилии, увы, не вспомнить. В эту же школу ходили дети из посёлка «Заготскот», который был в полутора километрах от нашей деревни. Весной, когда природа расцветала, деревня утопала в черёмуховом цвету. Было очень чисто и мы, ребятня, носились по зелёной мураве, играли в игры, которые сейчас забыты. Например, козловитки: лежало бревно и вдоль него бросали заострённую палку – козловитку, у кого она сделает больше «шагов», тот и выиграл. Или же игра в битки: брались суставные кости конечностей животных, ставились в ряд и бросали битую (палку), кто этой битой больше костей сшибает, тот и выигрывает. А в лапту начинали играть, как только весной просохнут первые полянки. Бегали вечером до тех пор, пока домой не загонят.

Летом купались в Чигисле. Вода была теплая и глубины нам хватало. Это сейчас речка заросла. С началом сенокоса наше безделье заканчивалось. Хотя бездельем нашу летнюю жизнь можно назвать условно, ведь по дому, по хозяйству всегда было много работы. Но в сенокосную пору и девчонки и мальчишки были на колхозных лугах. Близких мне по возрасту ребяташек в Ивановке было 8, а в Рассвете – 18. Работали, кто на конных граблях, кто с ручными граблями. А мужиков в колхозе с войной не осталось. С 1930 года нас было всего четверо, а кто был с 1927 года, ушли на фронт последние.

Отучился я два года, вижу, как матери тяжело, ходит на подёнщину, занимается копать землю, потому что картошка у нас в подполье несколько раз замёрзла. Толи подпол был мелкий, толи норы крысиные были? Сказал я : «Ну что, мамка, наверно я брошу школу да пойду работать». Она же просила, чтобы я учился. Но работать в колхозе некому, мне предложили выучиться на тракториста в Громышовской МТС. Я поехал к директору МТС за разрешением. Он сказал, что мне надо подрасти немного. Мне было 13 лет и силенок было еще маловато. Потом все-таки разрешили, я стал учиться и сдал экзамены. Сначала «плугарил», т.е. был прицепщиком. Потом весну отработал на колёсном тракторе, у которого кабины нет, а металлические колеса с шипами. Решил я, что надо мне на комбайнёра выучиться, но по малолетству не позволили, велели года два подождать. Стал работать на «колёснике» второй сезон и сломал руку.

В 1950 году меня и моего односельчанина Швайко Николая Григорьевича направили в Асино на курсы переподготовки трактористов. В это время начали в стране выпускать новые гусеничные трактора ДТ-34. У нас в колхозе было всего два трактора: один колёсный, а другой – газогенераторный «Нати», который работал на деревянных чурочках. Трактористов было четверо. В 1950 году ещё один «колёсник» добавили. Мы два месяца отучились на курсах, но трактора гусеничные появились у нас позже и мы стали работать на них. Пашни в колхозе было две тысячи гектаров. Председателем колхоза в годы войны был Шатохин Михаил Иванович, после него – Маренков Фёдор, за ним – Захаров Фёдор Михайлович.

Перед объединением колхозов председателем стал Шлюнько Владимир Александрович. При нём деревня начала строиться, появились новые дома, колхоз завёл пасеку. Когда «Красную Чигислу» объединили с колхозом имени «Фрунзе» (д.Вершинка) председателем остался он же.

В колхозе была ферма, где работало 4 доярки, значит, коров было около 70, был конный двор и кошара. Молоко сдавали, я несколько раз возил его сдавать в Берлинку.

Вокруг наших деревень еще были избушки единоличников, хозяева их жили в Зырянке. Летом они там жили и работали на своей земле. От Зырянки до Чигислы 15 км.

А вот клуба в «Чигисле» не было и молодежь, да и народ постарше, собирались в доме Федосеева Василия Федоровича поиграть в карты, потравить байки, поговорить о жизни. Василий Фёдорович, к тому же, был гармонист весёлый, как только заиграет «Барыню», тут и в пляс народ идет. И частушки, и песни!

Школу в 1950-х годах в Ивановке закрыли, дети с первого класса вынуждены были за 3 километра ходить в Вершинку. Я уже был семейным человеком, в 1954 году родилась у меня дочь. После слияния колхозов центральной усадьбой стала Дубровка, я работал бригадиром. Иногда утром рано, когда ехал в Вершинку, довозил ребятишек до школы. Стал говорить председателю колхоза Юсупову (он проработал немногим более года), что надо детей в школу возить, но он сказал, что не положено. А тут председатель Зырянского колхоза т.Мазалов пригласил меня на работу, и мы в 1962 году уехали из Рассвета. Народ тоже стал понемногу разъезжаться. Так две деревни прекратили свое существование.

В Рассвете жили: Громовенко, кузнец Михаил Колтеев, Швайко Григорий Иванович, Швайко Василий Иванович, Швайко Николай Григорьевич, Шатохин Матвей Назарович, Полищук Григорий, Шадрины, Шершневы, Дутовы, Захаров Федор Михайлович, белорусы Постякович, Золотарев Иван, Свиначев Иван.

В Ивановке жили: Ивановы, Пашечкины, Захаровы, Федосеевы, Точилко, Васильевы, Трищ, Кобзевы, Михайловы.

Люди менялись, кто селился, кто уезжал, пока все не разъехались.

Куприянов Александр
Андреевич, 1930 г.р. в д.Рассвет
у дома Деевых фото 1960-х
годов

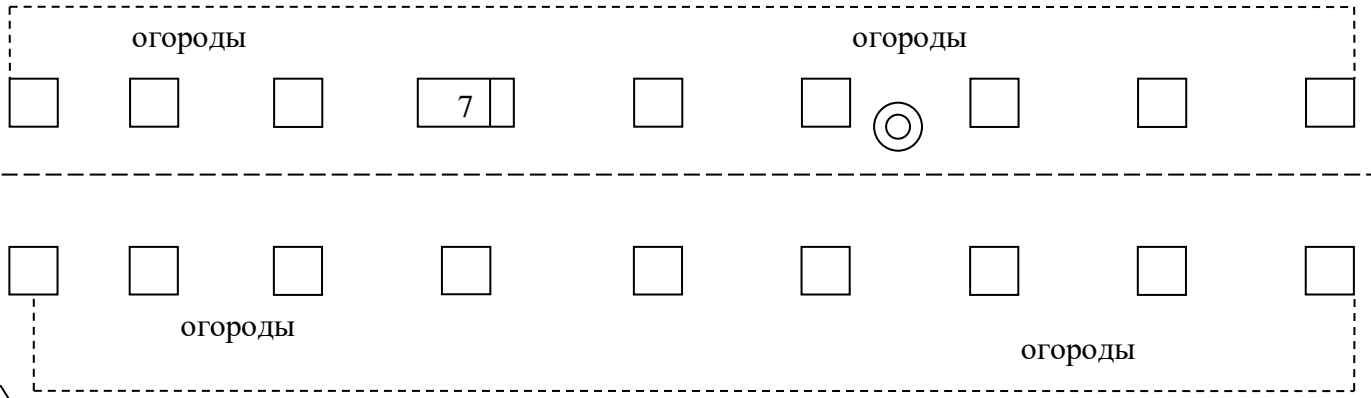
50

дорога из Богословки

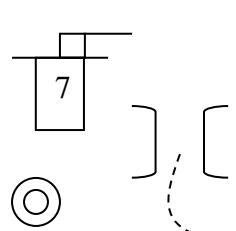
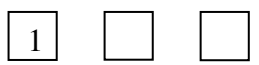
Схема деревень «Рассвет» и «Ивановка»
 (колхоз «Красная Чигисла»
 Составил Куприянов А.А.

- Условные обозначения:**
- 1 – контора колхоза
  - 2 – дом Куприяновых
  - 3 – дом Дутовых, в огороде был колодец
  - 4 – ферма
  - 5 – конный двор
  - 6 – кошара (помещение для содержания овец)
  - 7 – школа

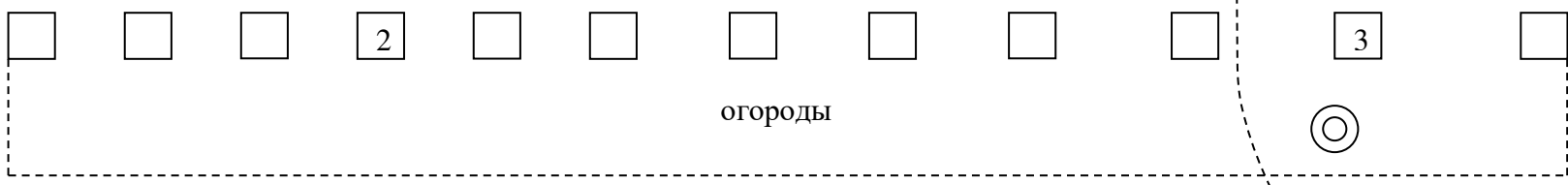

дорога из Зырянки, 15 км.

р. Чигисла

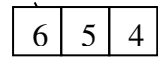

дорога на Вершинку, 3 км.

огороды

поля

дорога к поселку «Заготскот», 1,5 км.

Игнатов хутор (заимка)

*Из воспоминаний
Игнатова Геннадия Ивановича,
краеоведа;
Чижовой Александры Александровны,
бывшей жительницы хутора;
Бобиной Любови Павловны,
потомка рода Игнатовых*

Этот хутор основал житель с.Цыганово Игнатов Иван Захарович в 1880 году на р.Берла, в 10 км. от с.Зырянское. Он был 1853 года рождения. Начал с того, что построил там дома, надворные постройки, распахал землю и засеивал зерновыми до 50 га земли. На заимке держали до 40 лошадей, до 100 ульев пчел. С таким хозяйством самостоятельно он не справлялся и нанимал 5-6 работников. Когда в детстве дед Геннадия Ивановича, Филипп, остался без родителей, то Иван Захарович, его двоюродный племянник, не дал ему пропасть с голоду (см. книгу Г.Игнатова «Далекое и близкое», г.Асино, 2005 г.) Хозяева были зажиточными людьми, но работников своих не обижали. Они жили в отдельном доме, но питались вместе с хозяевами. В конце года получали расчет не только натуральный, но и по 6 – 8 рублей деньгами.

В сельскохозяйственной переписи населения за 1917 год указано, что на Игнатовой заимке было три хозяйства. Их сенокос находился на заливных лугах, по соседству с Зырянскими жителями. Общий передел земли там произошел в 1913 году. Сеяли на хуторе рожь озимую и яровую, яровую пшеницу, овес, лен, коноплю и картофель. В 1916 году сена собрали по 30 копен с десятины, то есть по 150 пудов.

В 1926 году на хуторе было 7 хозяйств с населением 46 человек.

Жители хутор называют «Захарьина заимка». Александра Чижова помнит все дома и их жителей.

Это: Игнатов Иван Захарович, дед Чижовой А.А.,

Игнатов Василий, 1884 года рождения,

Игнатова Марфа Семеновна,

Плиткин Петр,

Сомов Ефим Матвеевич,

Пименов Дмитрий Иванович,

Игнатов Константин Александрович,

Покровский Александр Иванович, его сын Борис стал артистом.

Пименов Никита, который погиб во время молотбы хлеба на шкивной молотилке. Когда шкив слетел, кони бросились в разные стороны, он хотел их остановить, но тут лопнул маховик и его убило.

Жена Никиты, Елена Васильевна осталась с тремя детьми и долго не могла смириться с утратой, и все плакала. Рассказывают, что стал к ней прилетать огненный снап да крутиться около дома. Люди сказали, что это нечистая сила и позвали из Берлинки деда Володина, который умел заговаривать подобные явления. Дед как-то остановил его (снап этот) и спрашивает:

- К кому ты все сюда летаешь?

- А к той бабе, у которой мужа убило!

Дед что-то поворожил, пошептал, после этого снап перестал после этого появляться. Но вскоре кто-то задушил у Елены ее дочь. Говорили, что это «он» в отместку.

А у Игнатовой Марфы Семёновны лихие люди убили мужа. Осталось у нее шестеро детей – сирот, двух из которых она родила под суслонами во время страды. И вот стала Марфа каждый день ходить в конец огорода да подолгу там стоять. Бабушка её спросила как – то:

- Что ты всё туда ходишь, Марфа?

- Сюда ко мне Александр приходит и мы с ним разговариваем.

Бабушка стала ее убеждать:

- Это не муж, а нечистая сила приходит. Взясась она женщину лечить.

Посадила ее на порог, когда она хотела уйти за огород, дала кусочек хлеба с наговором. Когда пришёл «муж» и спросил:

- Марфа, что ты ешь?

- Вшей! - Ответила она.

«Муж» развернулся и хлопнул дверью, больше он не появлялся.

Жили на этом хуторе все очень зажиточно, только двое хозяев похуже. Поэтому его жителей всех до одного раскулачили. Но Ивана Захаровича не тронули, как бы из-за хорошего отношения к работникам, а может в силу преклонного возраста. Сына Василия забрали по линии НКВД, и следы его потерялись. Только в 1990-е годы удалось узнать, что был он расстрелян в тюрьме Екатеринбурга. А жену его Анну с четырьмя детьми раскулачили,

выслав в пос. Центрополигон Тегульдетского района. Жили они там не просто плохо, а ужасно. Из посуды у них была одна единственная алюминиевая чашка. Дед Иван, горя о внуках, погрузил на телегу кое-какие черепки да повёз им, трясясь по бездорожью. Собравшись в обратный путь, он сел на телегу, дёрнул вожжи и ... умер.

Дом Василия, большой да крепкий, был перевезён в с. Зырянское и в нём размещалась прокуратура (в начале ул. Советской).

Любовь Павловна, пытаясь отыскать родовое кладбище, приезжала на заимку в 1972 году. На поляне, где некогда стояли дома, оставались ещё погреба, сваи от мельницы на р.Берла. Кресты на кладбище сгорели во время пала. Она помнит, что кресты были листовенные, а в них были устроены небольшие ниши. Может для свечи? Отец основателя заимки Захар похоронен на заимке в 1890 году. Может поэтому заимка Захарьина? Говорят, что из всех жителей он был самым зажиточным и имел золотые монеты.

Поселок Калининский Мишутинского сельского Совета

Из воспоминаний
Родионовой Нины Ивановны,
бывшей жительницы пос. Одринка

Деревушка, которую все в округе звали «Хутор», в сельскохозяйственной переписи населения за 1917 год значится «Заимка Калинина» всего с одним хозяйством. До Колыона 35 верст от него, до Ишима – 15 верст. Дома тянулись одной улицей, а три из них стояли в стороне. В 1930-е годы там было домов 30, относился населенный пункт к Мишутинскому сельскому Совету. В 1939 году было 157 жителей, а в 1959 – всего 38. Жили там Вавиловы, Курины, Федотовы, Аникины, Елькины, Чуйко, Спицыны, Коптяевы, Переваловы. Дети 1930-х годов ходили в школу в Одринку, а дети 40-х годов уже учились в своей деревне Кирова. «Кирова» – так как там был организован колхоз имени С.М.Кирова. С началом коллективизации в поселке возникла сельскохозяйственная артель имени Яковлева. Председателями колхоза одно время были Арестов, Спицын. Как и в других колхозах в нем пахали, сеяли, доили коров, которых было штук 14-16 и работала одна доярка.

Школа стояла почти на краю деревни, на возвышенном месте. Это был просто жилой дом, который покинули хозяева. В школе было 2 комнаты – классы и хозяйственной помещение. В начале 1950-х годов в школе обучались 14 человек, четверо из которых ходили из Одринки. В 1953-54 гг. учила детей Кремнева Вера Николаевна, до нее – Зинаида Ивановна Торшина.

Около деревни был лог, который заливало весенней водой. Его перегородили плотиной, землю возили на лошадях. В поселке было много ребят, поэтому молодежь из Дубровки любила приходить в поселок за 7 км., а дорога – просто тропа. Бывало, идут, поют под гармошку, песня по лесу разливается. Жизнь так хороша! В деревне была красивая поляна, где собиралась молодежь. Девчонки выглядывали парней, а те девчонок.

В 40-е годы на хуторе подросли парни, а в Одринке – девчонки, ходили друг к другу на вечерки, от Кирова до Одринки через осинник всего 1,5 км.

Коля Коптяев играл на балалайке, а все плясали. Вася Вавилов играл на гармошке. Соберутся в пустом доме, хохочут да веселятся, пишут друг другу записки с признаниями. Толя Евсинов пишет Нине: «Если пойдешь за меня, то подарю тебе чулки». После этого она в его сторону уже не могла смотреть: «Да что же это такое, пусть я бедная, но не за чулки же меня купить!» На улице Вася Вавилов взял ее под руку, все идут и частушками так и сыплют. И Толя поет: «Я взвьюсь выше гуся, а спущусь – дробы дам, все равно тебе, Васюха, гулять с Ниночкой не дам!» Взыграло ретивое, ведь

зарезать ее хотел, мать его плакала – уговаривала: «Толя, сынок, да неужели ты себе такой Нинки не найдешь, в тюрьму же попадешь!» Безответная любовь была во все времена.

А в войну и после, когда мужиков почти не осталось, небо бабам казалось с овчинку. Ох, и тяжела женская доля! После войны поселились сосланные немцы. Из Мишутина дорога проходила через хутор, который окончательно исчез с укрупнением колхозов. У Вавиловых дети 1947 – 1950 годов родились ещё там, но разъезжаться начали раньше. Когда случился пожар, и сразу сгорело несколько домов, отстраиваться уже погорельцы не стали, уехали в Мишутино. Деревню распахали, поля заросли.

Исключён поселок из учётных данных в 1962 году.

Ученики хутора Калининский с
учительницей Верой Васильевной,
1953-1954 гг.

Из воспоминаний
Федотова Александра Степановича,
бывшего жителя поселка

Моя мать была из Мишутино, а замуж вышла на хутор Калининский за Федотова Степана. Там я и родился. Мне шел всего третий год, но я хорошо помню, как мой отец уходил на войну. Мама напекла много хлеба, его запах наполнил избу, младший брат Андрей лежал в зыбке, а я стал просить хлеба. Отец с мамой о чем-то говорили, складывая хлеб в мешок. Потом он надел его на плечи и куда-то пошел. Я не мог понять куда, ведь уходя на работу, отец не брал с собой хлеб. Потом мама сказала, что отец ушел на войну. И я стал ждать. Выйду на улицу и все гляжу, а его все нет. Пришла зима и я решил, что когда снег будет таять, то отец обязательно придет. И все стоял на дороге, вглядываясь вдаль. Мама спрашивает: «Куда ты все глядишь?» Я отвечал: «Да что-то тяти долго нет...» Зима прошла, и я реже стал ходить на дорогу, а потом и вовсе перестал. Отца я так и не дождался, он погиб на полях сражений в 1943 году. Почти в каждом доме были погибшие фронтовики: у Миллеров, Куриных, Аникиных, еще Куриных, Спицыных, Уткиных, Елькиных. Агафонов вернулся без ноги.

А мы, ребятня, росли как трава в поле, умудряясь выживать на подножном корму. У брата Андрея от голода был большой живот и просвечивался кишечник. В округе съели всю крапиву, лебеды было не достать. У Куриных в огороде у избушки выросла лебеда, но они ее нам рвать не позволяли, самим нужна. У Вавиловых семья большая была, так они все лога обрыщут в поисках саранок, так что нам этого лакомства не доставалось.

Как-то мама нарвала травы с названием «пучки», Андрей сидит, ест. Зашла к нам бабушка Аникина: «Ты чаво ешь?»

- Пучки!

И она заплакала. А мы серпом нажнем лебеды, порубим ее на углу стола и ждем маму с работы.

Председателем колхоза им.Кирова в послевоенные годы был Славкин Иван. Родителям детьми некогда было заниматься, мы тоже очень рано начинали работать. Я только закончил первый класс, а бригадир дядя Паша Спицын утром выкрикнул: «Шура, пойдем копны возить!»

В школе нас сначала учил Филиппов Николай Вуколович, а потом Зинаида Ивановна Торшина из Зырянки, совсем молоденькая девушка, которая нам очень нравилась.

Деревня наша была огорожена, как и все другие, чтобы скот не потравил посева. За прудом были ворота, а в пруду обилие рыбы, которая тоже немало нас выручала в голодное время. Весной плотину прорывало, и после спада половодья ее ремонтировали. В колхозе держали коров, свиней, овец и даже кур, не говоря уже о главной тягловой силе – лошадях. Кузница сначала была за плотиной, а позже ее перенесли ближе к скотным дворам. В деревне был станок для витья веревок, где из конопли вили канаты, из льна – веревки. Агафонкин Алексей катал пимы. Почти посредине деревни был общий колодец, все старались брать воду именно из него, а приезжие говорили, что вкусней воды они не встречали.

Однажды, в 1947 году, в деревне исчез мальчик 8 лет. Отец у него погиб на войне, мать работала на заготовке дров в лесу. Он вечером, управившись, отправился к ней, была ранняя весна. И пропал. Мать, вернувшись домой, бросилась на поиски. Его след уходил в лес. Она добежала аж до Усманки, но безрезультатно. А наутро выпал снег и пролежал три дня, искали пацана всей деревней, но тщетно. И только несколько лет назад Дудочкин Александр рассказал, что его застрелили. Ребенок видимо, заплутал, шел и плакал, голос у него был грубоватый. Уже стемнело. В это время ехал возчик горячего на лошади, услышав голос, решил, что зверь, и пальнул наугад. Утром он вернулся посмотреть, кого подстрелил, а там ..... Короче, он его закопал, и никто не узнал о преступлении.

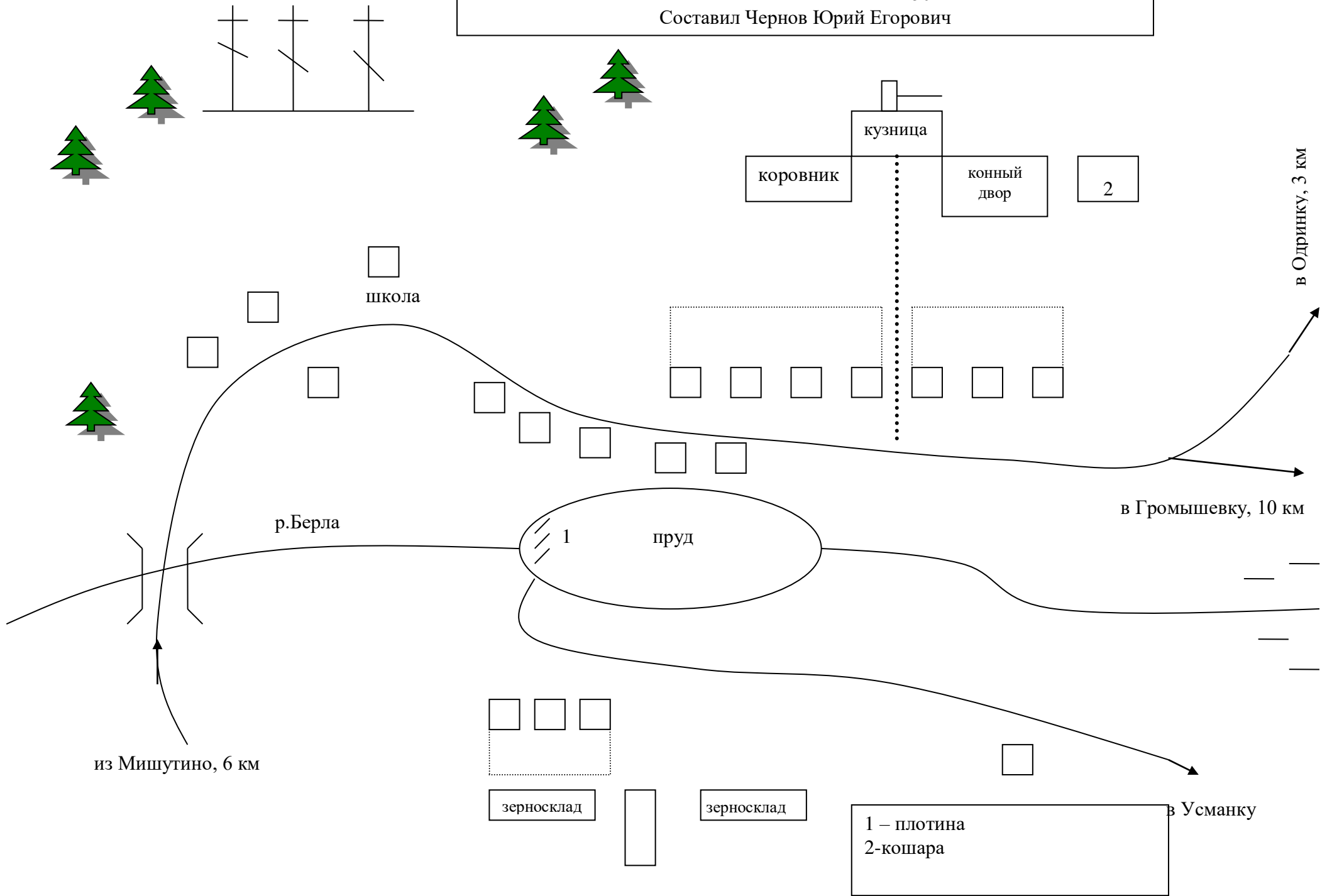
В эту же весну потерялся ребенок у Володиных с Левиной заимки. Застрелил его лесник из Арышево, точно так же пальнув на голос, когда охотился на косачей. Сознался в этом он лишь на смертном одре. Видно, тяжело было умирать с таким грехом на душе.

Уехали из Калининского мы в 1956 году в Мишутино, так как мать все время тянуло в свою деревню. В 1957 году на хуторе сгорели (поджог пацан) Спицыны и две семьи Коптяевых. При укрупнении колхозов наш, им.Кирова, Усманку, Левину, Литвинов, Куйбышев и Мишутино объединили в один колхоз им.Свердлова, председателем его стал Юдин Иван Дмитриевич.

А находился наш поселок по Громышовской трассе в 4 км. от Мишутино. Там, где стоит электрический столб № 98, была наша усадьба. Когда мы работали на полях в том районе, то обедать я всегда уезжал к этому столбу. Посижу там как будто бы в своем родном дворе, на крылечке нашего дома. Виделась не черная земля поля, а зеленую мураву, по которой ходят

куры. И казалось, что слышатся голоса мальчишек-приятелей из соседнего двора...

Схема поселка Калининский в начале 50-х гг. XX в.
Составил Чернов Юрий Егорович

в Одринку, 3 км

в Громышевку, 10 км

в Усманку

1 – плотина
2-кошара

зерносклад

зерносклад

школа

кузница

коровник

конный двор

2

пруд

р. Берла

из Мишутино, 6 км

Каменский Кордон Мишутинского сельского Совета

Из воспоминаний
Григорьевой Анны Викторовны
старожила с.Мишугино,
Володина Сергея Васильевича,
бывшего жителя Каменского Кордона

Анна Викторовна Григорьева, 1922года рождения, прожила на Кордоне с мужем около года. Это был поселок лесозаготовителей и, как показывают похозяйственные книги, народ в поселке часто менялся. В 1946 году в нем было не более десятка домов, а вот в 1955-1957годах там уже стоял 31дом.⁸ Стоял поселок над речушкой Каменка, утопая в солнечном свете. Он протянулся одной улицей. Крыши всех домов были крыты дранью. Зимой речка не промерзала, из нее брали воду для бытовых нужд. Прямо на берегу поставили баню и топили ее, когда кому вздумается: и вода, и дрова рядом. Мужики сделали запруду и, напарившись в бане, ныряли в ледяную воду, оглашая округу криками удовольствия. Это сейчас Каменка превратилась в ручеек, в котором воды воробью по колено. Это из-за того, что лес вырубил. Раньше на Каменке даже мельница стояла.

Все население поселка работало в лесу: шоферы, плотники, мастера лесозаготовок, лесники, рабочие лесхоза. Несколько человек обслуживали локомобиль, который стоял на пилораме. От него же электричество подавали в дома. Машинистами локомобиля в 1955- 1957 годах работали Булдаков Василий Алексеевич, 1914года рождения, Будько Николай Иванович, 1921 года рождения, Гусев Георгий Михайлович, 1917года рождения и Сочнев Юрий Федорович, 1928года рождения. Кочегаром локомобиля был Цыганков Ефим Гаврилович 1912года рождения. В 1962году на Кордон провели линию электропередач.

Володин Василий Сергеевич в 1950-е годы работал на газогенераторном трелёвочнике, чтобы на таком тракторе двинуться в лес, он вставал ночью и прогревал его. А потом две женщины, сидя на специальных сиденьях, по очереди подкидывали чурочки в трубу топки. Позже Василий Сергеевич работал на тракторе ТДТ-55, у которого уже была кабина, пусть и фанерная, но укрывала от непогоды. В 50-е годы в поселке было уже две пилорамы: штакетник, дощечку, пиломатериал на тракторах увозили в Асино.

Вплоть до 1960 года заготавливали живицу, смолокуром работал Смолянинов Егор Елизарович, 1897года рождения. Сначала лес пилили только тот, на котором была сделана подсечка, а позже пилили все подряд. Если в 40-е годы женщины были только домохозяйками, то в 50-е они работали сучкорубами и граблями собирали все остатки в костер, оставляя

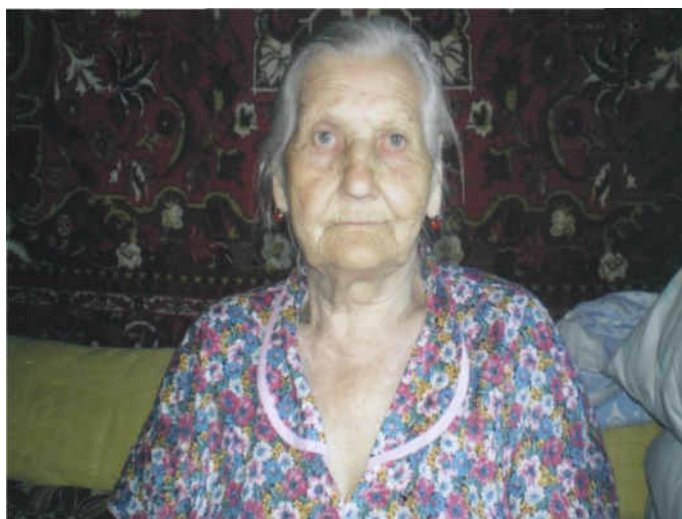
⁸ Зырянский архив, Ф. 19, Оп.1, Д.100,101

чистые, незахламленные участки. С детьми сидела Волкова баба Маша. Она утром собирала их по домам и уводила к себе. Это не был детсад, а просто взаимовыручка, детей у нее собиралось до десятка.

Напротив бани на бугре стояло просторное здание конторы, которое использовали как школу и клуб. Один раз в одну-две недели привозили фильмы, на просмотр которых собирался весь поселок, а днем там учились дети четырех классов. Обучала их Лобоненко Мария Павловна 1927года рождения, а с 1 сентября 1959года – Чвыкова Татьяна Петровна.

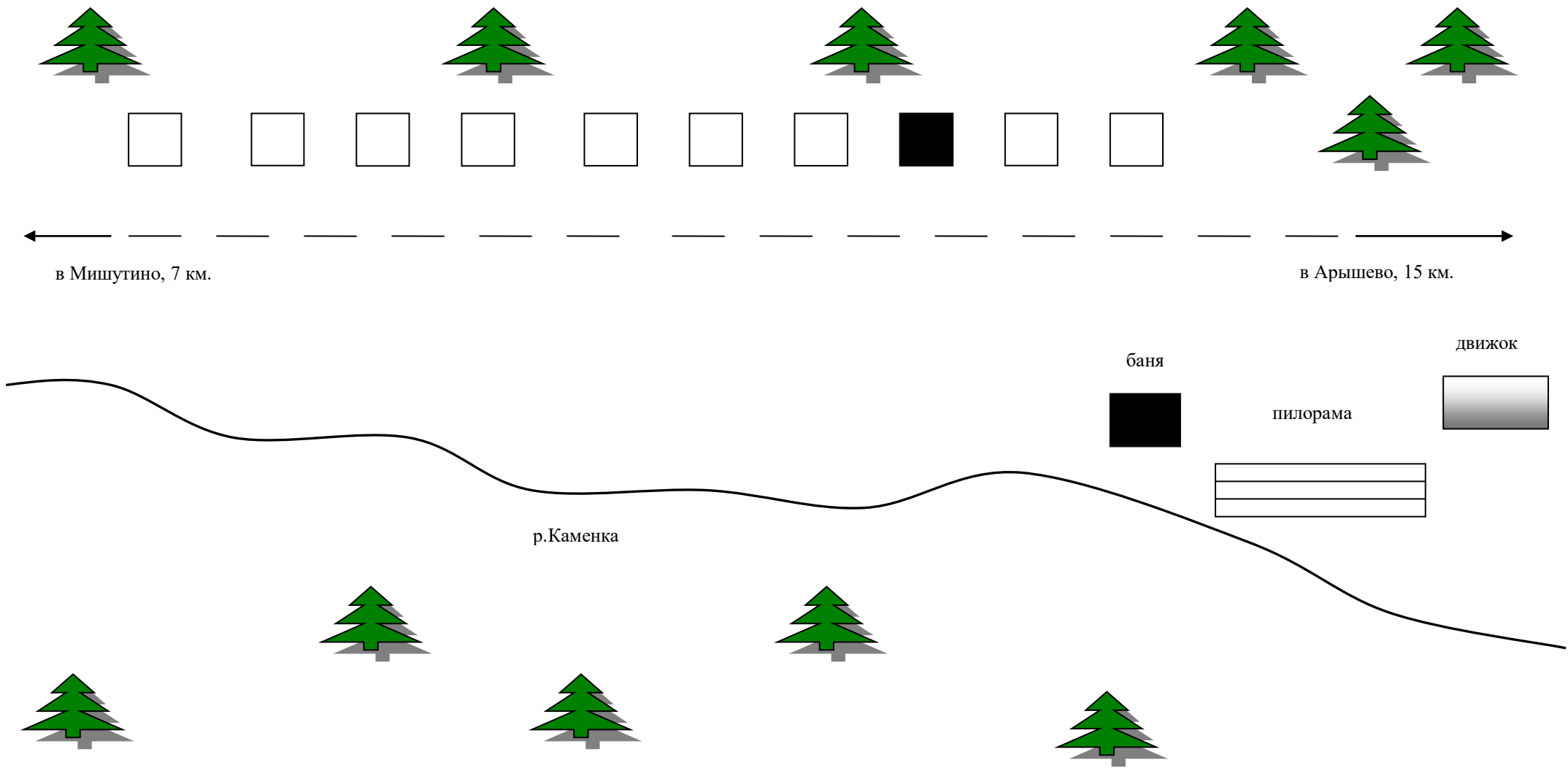
В магазине самым ходовым товаром была мука, хлеб выпекали в каждом доме. А уж летом все заготавливали ягоды: черничник рос в трехсот метрах за огородами, от брусники краснела земля, голубичное болото в четырех километрах в сторону Спасского на Яе. Рядом заросли малины и черемухи.

Володины в 1961году переехали в Мишутино. Василий Сергеевич вступил в колхоз, там жила его мать, там была школа и жизнь кипела. А жители Каменского Кордона стали понемногу разъезжаться.

Григорьева Анна Викторовна, 1922 года рождения. Мишутино.

Схема поселка Каменский Кордон в 1946 году.
Составила Григорьева А.В

Каштаково Чердатского сельского Совета

Основали каштаковские инородческие юрты местные аборигены – чулымцы в 1825 году. Но поселились они там значительно раньше, т.к. в приходных окладных Ясачных книгах томского уезда за 1706 – 1718 годы поминается в волости Чулымской Кызылдеевой «князец Каштак со товарищи 5 человек». Но как там они жили – никогда не узнать.

В 1916 году это уже русское старожильческое селение, в котором было 109 дворов, пашни сельское общество имело 378,8 десятин и держали в хозяйствах 249 лошадей, 144 коровы, 354 овцы. Интересно, что это была деревня двух фамилий: в сорока пяти дворах жили Алины, а в тридцати трех – Гусевы. Из русских там еще жили Дорофеев, Ковальский, Степанова, Петлина Марфа Ивановна, Шкарлуханов, Леготин, но немало в то время в деревне оставалось и чулымских фамилий: Каштаковы, Тытыкаев, Уйданов, Тазырачев, Елечиев, Ерлугачевы, четыре двора Агузановых, Арышев, Камегачев.

Жили в Каштаково весьма зажиточно и в годы гражданской войны встали на сторону «белых». Когда к ним нагрянули «красные» с агитацией, то встретили мужики их вилами да топорами, за что те в отместку деревню подожгли. Теперь-то мы знаем, что каждый из них боролся за свою правду жизни. На схеме деревни за школой звездочкой отмечен памятник погибшим красным воинам в те страшные годы перемен.

Когда в пос. Октябрь создали коммуну, то в окрестных деревнях образовали филиалы коммуны, в том числе и в Каштаково. Но люди быстро стали выходить из ее состава. Двенадцать человек подали заявления о выходе из коммуны. Руководство отмечало, что развалу колхозов в Кучуково, Каштаково и Малиновке повлияла кулацкая агитация и недостаточное руководство со стороны Совета коммуны «Октябрь».⁹

В не менее страшные 30-е годы XX века лесные массивы Зырянского района осваивались заключенными лагерей Сиблага НКВД. Одним из пунктов, где располагалось подразделение Томасинлага, был Каштаковский лагпункт на базе Междуреченской лесной дачи с выходом к плотбищу на реке Чулыме в районе деревни Малиновки.

В более поздние годы существовал Каштаковский лесозаготовительный участок. Кое-что из его жизни его можно узнать из протокола парторганизации от 30 июня 1953 года.¹⁰ В нем отмечалось, что рабочей силы не хватало, вместо 50-ти человек на заготовке кормов работало только 12, у рабочих были конные грабли и косы, но брусков и железныхвил не было, не хватало бригадиров. Предлагалось каждому рабочему дать по одному гектару покоса, т.к. опыт прошлых лет показывал, что одним сена не хватало, а другие его продавали.

Начальник ЛЗУ товарищ Лейбович докладывал, что леса вывезли 2490 кубометров вместо 8тысяч. Рабочие норму не выполняют, трактористы плохо работают, прогулы были до 40 человек в день! Коммунистам предлагалось провести агитационную работу среди отпускников, домохозяек и других рабочих.

⁹ ТОЦДНИ, Ф.28, Оп.1, Д.118

¹⁰ ТОЦДНИ, Ф.28, Оп.1, Д.524

Численность населения Каштаково в разные годы

Год	Число хозяйств	Численность населения
1923	129	677
1924	145	725
1926	172	801
1934	247	
1939		307
1959		110
1968		70
1970		26

Анализ численности населения Каштакова выявляет динамику, характерную для деревень, подлежащих расселению в связи с укрупнением колхозов.

Но дорога в Каштаково еще не заросла лесом, потому что там продолжают жить четверо братьев Саврасовых. Они ведут личное подсобное хозяйство в милом сердцу уголке. А было в их семье десять детей! Они разъехались, храня в памяти картины детства на зеленых улочках своей родины.

Стоят: братья Гусев Павел Герасимович и Семен Герасимович. Сидят: братья Алины Игнат Васильевич и Василий Васильевич. Фото 1913 г.

Алины Фаина Николаевна и Иван Иванович из Каштаково. 1930-е гг. XX в.

Семья Саврасовых, конец 1960-х гг.

Избушка Саврасова
Николая Никифоровича,
1970 год

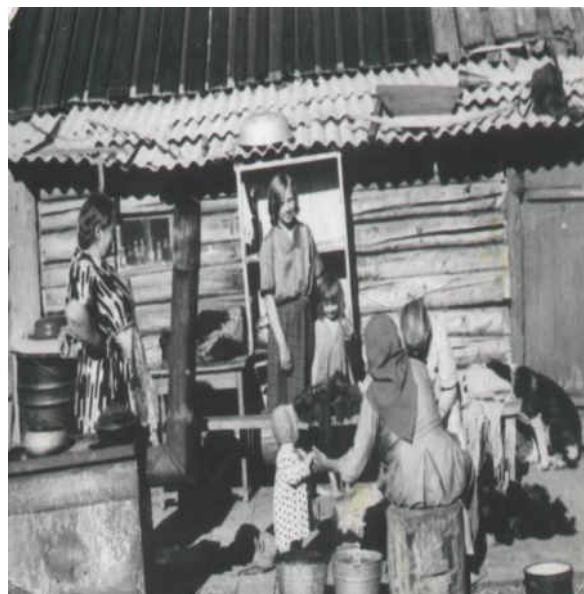
Саврасов Николай Никифорович с
детьми на Чулыме, конец 50-х годов

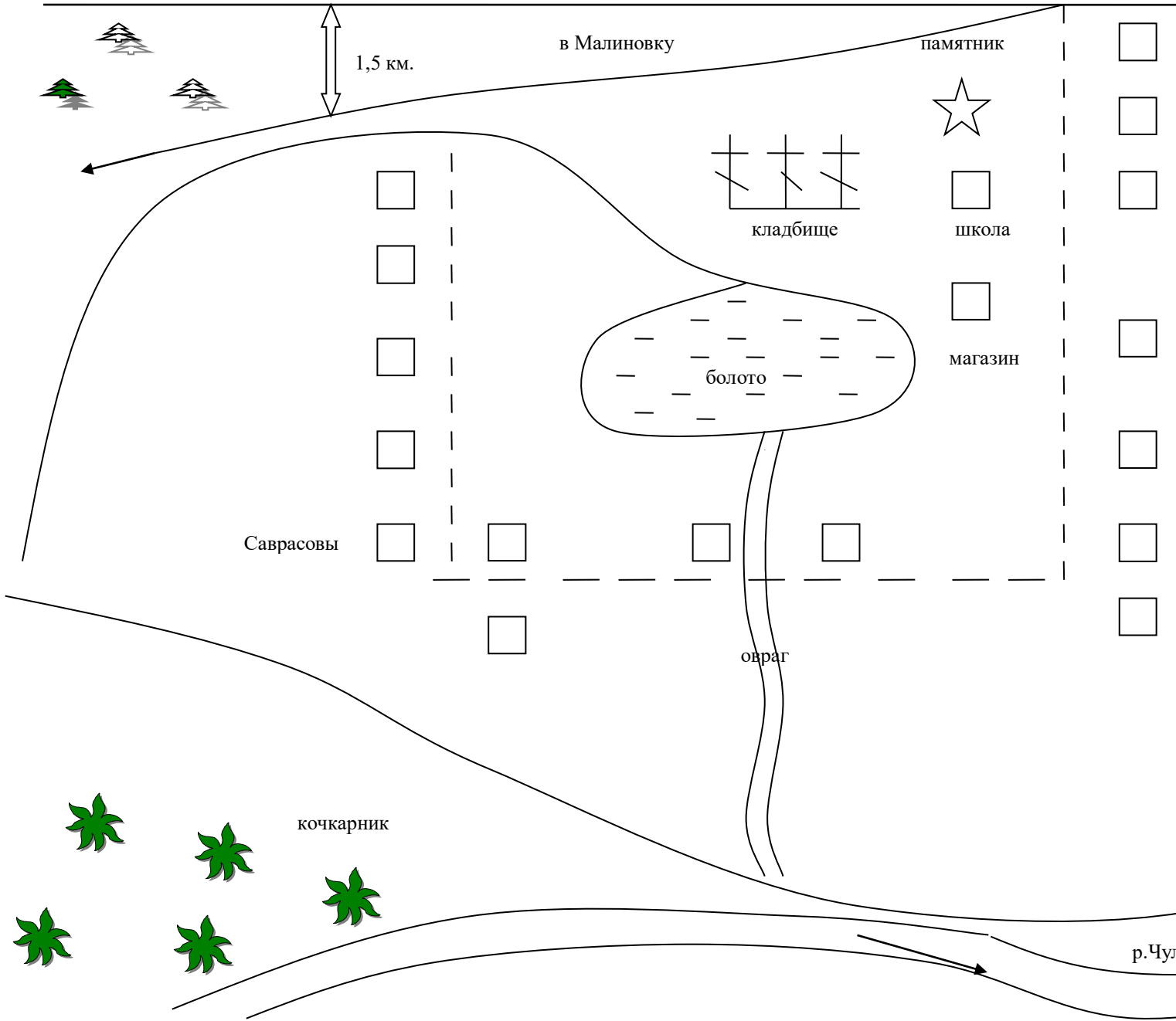

Мельникова Надежда
Трофимовна, 1896 г.р. с
внуками, конец 50-х гг.

Семья Саврасовых у своего дома в
Каштаково. Слева – Тамара
Гавриловна. Фото середины
1960-х годов.

Селение Конинина

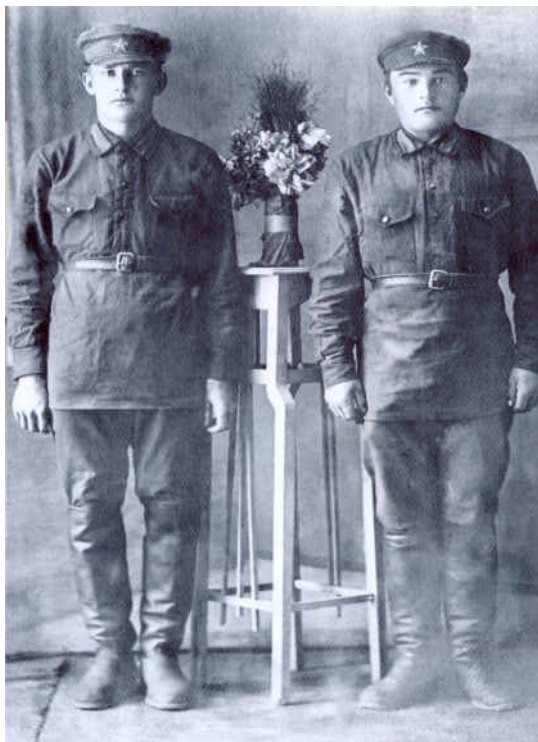
Основатель поселка Конининского Иван Ильич Конинин пришел в Зырянский район из Ижморского района в 1897 году. Поселился он на месте современного села Высокое, но потом перебрался в село Шиняево. В начале XX века году в 20 км. от села Туендат на реке Берла возникла заимка Конинина. Данные о ней есть в сельскохозяйственной переписи населения за 1916 год. Там было только два хозяйства с населением 14 человек: семь мужских и семь женских душ. До Зырянки от этой заимки было 40 верст, до Мало-Песчанки – 25. Пашни было 101,9 десятин, да приареновано еще 30 десятин. В этих двух хозяйствах держали 31 лошадь, 8 коров, 49 овец, 28 свиней. Общественные расходы несли вместе с Шиняевским сельским обществом, за пастухов платили 95 рублей, арендных 66 рублей 50 копеек.

Повинности раскладывали следующим образом:

- на душу – 3 рубля;
- на сенокосный пай – 5 рублей;
- на десятину пашни – 74 рубля;
- на голову скота – 74 рубля.

В 1928 году в п.Конинина было 8 домохозяйств, 25 мужчин и 26 женщин.

Жену Ивана звали Анна. У них родилось шестеро детей: Андрей, Федор, Петр, Ананий, Константин и дочь Люба. Семья держала не только скот, но и пасеку, себя обеспечивали. С коллективизацией им, видимо, пришлось вступить в колхоз. Внучка рассказывала, что семья голодала при колхозной жизни и Анна унесла несколько колосков с поля во время уборки урожая. Ее посадили в тюрьму, где она, очевидно, умерла, т.к. Анна не вернулась и родственники о ней ничего не слышали. Дети, оставшись без матери, пошли по рукам. Их взяли на воспитание разные люди. В дальнейшем Андрей и Константин погибли на войне. Ананий 1926 г.р. тоже воевал, но вернулся живым. Дочь Люба вышла замуж в г. Гусь-Хрустальный и ее следы потерялись. В Шиняево живут дочери Анания: Нина и Любовь. В беседе с Любовью Ананьевной выяснилось, что про своего деда она почти ничего не знает, кроме выше сказанного. Какого года рождения он был, когда умер, где похоронен? Но Любовь Ананьевна отыскала несколько фотографий, которые помещены на страницах этой книги.

Слева – основатель селения
Конинин Иван Ильич

Сыновья Конинина И.И.
Ананий (слева) и Пётр.

Красноярский Рейд, Чердатского сельского Совета

Из воспоминаний
Кизика Виктора Федоровича,
бывшего капитана-механика,
затем директора Зырянского лесхоза.

Рейд основан в 1937 или в 1939 году, как говорил отец и старожилы Рейда. Сначала это был Симоновский участок, и позже переименовали в Красноярский Рейд. Отец приступил к работе в 1940 году, его туда сослали, и отношение было как к «врагу народа». Условия работы были ужасные: сплавливали лес в шахтерских галошах и по колено в воде, в лодках на веслах сидели две женщины, а на корме мужик с багром. Техники не было, первой появилась мотолодка, на ней стоял мотор ЛД-12. Деревянные лодки, сделанные из досок (их звали «шестерки»), цепляли к моторной лодке и тащили вверх по реке. Сплавливали лес, преодолевая путь до трехсот км. Сплавщики сгоняли бревна к поймочной запони. На сплаве работали от полутора до трех месяцев, все зависело от уровня воды. Когда вода упадет – лес на берегах, а когда быстро прибывает – лес разносит по кустам и озерам. Сбирать приходилось баграми с лодок, чтобы затащить в основное русло реки.

Верне-Четинский леспромхоз готовил лес 80-220 тыс. м. куб., а Красноярский Рейд был сплавным участком: сплавленную сюда древесину сортировалась по диаметру и породам, оформляли в кошелю. В основном сплавливали хвойные породы: елку, сосну, пихту, кедр. Березу пробовали сплавливать, но она не доходила, древесина тяжелая, тонет. Пробовали с подплавом делать, чередовать тонкомерную древесину с хвойником в плотях, но результата это не принесло.

Уезжали на сплав в конце апреля или во второй половине месяца, так как там Четь вскрывалась раньше. И как только начиналась подвижка льда – начинали сплавливать лес. Его гнали и гнали, за каждым последним бревном шли лодки с людьми с баграми, старались, как можно меньше оставить древесины. Жили в плавучих домиках, которые назывались «брандвахта». В них были каюты на 4 места. Горячее питание готовила повариха, и буфет был организован. Работа была очень трудная, все вручную, все лето приходилось ходить в болотниках. Но как-то весело было! Потом появились мелководные катера ПС-5. Тросами закрепляли бревна, катер их дергал пучками в воду, там их распускали и они плыли дальше. С песков бревна скатывали крючками, в ряд вставляли по 2 человека. Плоты делались из 2-х слоев бревен, на них ставили шалаши, сооружали нары. Вот в таких условиях жили.

К 1960-м годам стало полегче: появилась мазь комариная, катера, брандвахты... Продукты брали собой, при сплаве в деревнях закупали. Позже рабочих стала сопровождать машина. На 222-ом км. Доронино – это Красноярский край, а на 183 км. - Покровский Яр – это уже Томская область.

Четь Конторка, Тазырачево, на 117 км. - Малый Борик (бывший леспромхоз), Четь Берегай – там были лежневки, узкоколейки. Лес готовили зимой, подвозили к берегу, складировали, а весной река все уносила.

Через реку Кию протягивали очень толстый трос, с руку толщиной, ставили плитки и делали запонь с 2-мя воротами, которые пропускали кошели в 1,5-2 тыс. кубометров древесины. Катера приходили из Асино, кошели цепляли и тянули из Кии в Чулым и вводили в Асино к лесозаводу.

Зимой уходили в отпуск, в отгулы или работали на шпалозаводе. Там стояла стационарная рама, дисковая пила, мощный двигатель. Пилили шпалы, в бригаде было 20-22 человека, даже по 2 бригады работало. Пилили по 11-12 тыс. кубометров древесины. В смену пилили до 300 штук, шпалы складировали в ряды. Весной приходила баржа, вручную все перегружали на нее и отправляли на шпалопропитку. Дополнительно пилили тарную досочку, горбыль продавали на дрова по 3 руб. 70 коп. за 1 кубометр. Вырезка (плаха, тес) по 5-6 рублей за кубометр. Заработки были хорошие - от 120 рублей до 300 рублей. Капитаны-механики и по 400 рублей получали. Работа очень тяжелая, но казалось, что лучше и нет.

Все изменилось к 1990-м годам. В 1981 году на Рейде школу закрыли, 24 или 25 августа сказали, что школы не будет. Пришлось переехать в Зырянку. В 1986-1987 гг. Рейд прекратил свое существование.

Теперь вспоминается, как хорошо мы жили. Дома были казенные, их из бруса строил участок. Правда, в половодье они стояли в воде. При подъеме воды строили тротуары – боны, а также плоты, на которых ставили скот, они поднимались и опускались со всей живностью. Запас кормов держали на стайке, жили на чердаках. Мебель поднимали. Катера по деревне ходили. Веселая была жизнь: кино привезут - все на лодках в клуб, облепят клуб лодками. Клуб был хороший, большой. Школа - 4 класса. Гранфельд Николай Михайлович учил всех рейдовских детей по сменам: 1-3 потом 2-4 классы.

Кизик Виктор Федорович, 1945 года рождения, в 1952 году пошел в школу. Учеников в классе было по 4-5 всего. 5,6,7 классы учились в Иловке, по 5 км. ходили каждый день в одну сторону.

В Иловке была восьмилетка (сначала 7-летка). Ходили пешком за пять километров, потом родители купили для учеников коня. В разлив реки детей туда увозили на катере, а назад по течению спускались они на лодке. Бывало, что и до Иловки поднимались на лодке. 8-11 класс я учился в Зырянке. Жили в интернате или по квартирам.

Нас детей в семье было пятеро: сестра 1942 года рождения, я – 1945 года рождения, сестра – 1950 года рождения, брат – 1952 года рождения, брат – 1954 года рождения. С нами жила бабушка. И денег хватало!. Первую «москвичку» с шалевым воротником купили мне в 8 классе. Радости было сколько!. А до этого все в фуфайках ходили. В школе уроки отучился, на лыжи, через больницу 12 км. бежишь домой. Вечером в воскресенье на конях или на тракторных санях увезут в Зырянку.

На Рейде была центральная улица, на которой находились контора, клуб. Влево уходила улица, где были магазин, пекарня, медпункт. Около озера стояла школа. На песке - 3-я улица. Домов было полсотни, все двухквартирники. Баня общественная была. Снабжение - ленинградское, в ОРСе чего только не было!

Исчезать посёлок стал потому, что из Верхне-Четска в Тегульдет сделали дорогу, и лес стали вывозить туда. Когда сплавляли древесину по Кие, то в кошеле шло 3 – 5 тысяч кубических метров. Чтобы вывезти машинами это количество, то надо 100 машин! Судьба рейда была предрешена. Дома растащили, а потом сожгли.

Оборудование: шпалорезной станок отдали в Михайловку, но ума там ему не придали. Катера угнали в Асино, а там, может быть, порезали их на металл.

Из воспоминаний
Лашука Геннадия Михайловича,
бывшего учителя школы

С Рейдом судьба свела меня в 1966 году, когда я закончил одиннадцать классов. В этом году был самый большой выпуск в Зырянке: три десятых и два одиннадцатых класса. Я не поступил в институт, и меня направили работать в школу, так как учительских кадров тогда не хватало. Заведующий районо Ковылин Николай Дмитриевич направил меня в Рейд, так как в 1966 году там из начальной школы образовали восьмилетнюю. Директором тогда был Пирожков Игорь Николаевич: интеллигентный, воспитанный, очень выдержанный человек. Коллектив был молодой и он очень умело им руководил, потому что был опытным педагогом. Работал в то время и старейший учитель Федор Иванович Иванов. Школа была построена по инициативе начальника сплавного участка Кизика Федора Григорьевича, очень опытного человека и хорошего руководителя.

На Рейде имелся интернат для детей из Красноярки, так как в этой деревне была только начальная школа. В интернате жило 30-35 детей, для них работали повара, воспитатели. Всегда было чисто, дети были присмотрены. В рейдовской школе максимальное число учащихся

насчитывалось до 154 человек. Красноярские дети отличались от рейдовских визуально: они были хуже одеты, сопливее. Многие из них плохо учились, т.к. пьющие родители мало на них обращали внимания. Хотя процентов тридцать из этих детей имели хорошие способности.

Школа стояла на самом высоком мест. Я за время проживания на Рейде увидел два самых высоких наводнения: 1966 и 1969 годах. Вода в некоторых домах доходила до верхней линии окон, но школу никогда не затопляло. Люди же к наводнению готовились заранее: поднимали свой скарб на крыши, а для скота и кормов сооружали плоты с заграждениями. Вода прибывала, и плот поднимался, скоту было безопасно. За эти два наводнения утонули в поселке всего две курицы. По поселку прокладывали плавучие тротуары-боны шириной 2-2,5 м. по которым можно было передвигаться, не боясь свалиться в воду. Сплавучасток всех снабжал пиломатериалом. Зырянка тоже его там приобретала, а стоило это тогда совсем недорого.

Я в школу плавал на лодке. Школа наша была обихожена, вокруг росла, посаженная детьми, березовая роща (ее теперь повырубили покосники), а яблоня - полукультурка растет, по-моему, до сих пор. Вокруг было много цветов.

Хотя поселок и топило, но люди не уезжали, работа и достойная зарплата не позволяли разбежаться. К тому же, на ликвидацию последствий наводнения выделили хорошие деньги. Создавалась комиссия, которая ходила по домам и оценивала ущерб, его позже возмещали. Даже у меня был случай. Спрашивают: «Что пропало?», «Да, ничего» - говорю, - вот только пара тапочек уплыла». И что вы думаете? Приглашают как-то в бухгалтерию расписаться за определенную сумму денег в качестве компенсации за понесенный ущерб.

Сплавучасток школе очень хорошо помогал: обеспечивал дровами, пиломатериалом, помогал финансами, машину или лошадь давали без всякой оплаты.

Рейд отличался от других деревень еще и тем, что там было очень хорошее снабжение: вина, тушенка, сгущенка, ткани, посуда и многое другое, чего в советское время многие люди не видели. Сначала набирали все необходимое рейдовские, а уж что оставалось - разрушалось покупать жителям окрестных деревень. И стоило-то ведь это совсем недорого!

Работник школы тоже хорошо снабжались. В самой школе был буфет, где продавали выпечку, чай, компот. Коллектив был молодой, дома редко варили, поэтому перекусывали в этом буфете вместе с детьми.

Рейд был знаменит своей пекарней, хлеб выпекали в печи настоящий, домашний, все проезжие старались купить рейдовский хлеб.

Был в поселке клуб, художественная самодеятельность, комсомольская организация в количестве 40 человек! Я был одно время секретарем комсомольской организации и организовывал субботники и

воскресники в помощь школе. В клубе был бильярд, занимались спортом и участвовали в районных спортивных соревнованиях.

Осенью все мужчины на катерах уходили вверх по Кие на зачистку берегов. Всю оставшуюся на берегу, застрявшую в затонах и заторах древесину спускали на воду и сопровождали до Рейда. Большие заторы взрывали, чтобы освободить русло к весне. Были среди работников и вербованные из европейской части в наколки и татуировках. На Рейде был свой парк катеров из 12-13 штук. За Кией находилась база взрывчатых веществ, так называемая «аммоналка», ее охраняли. Взрывчатка требовалась для очистки русла рек от заторов леса и льда. За Рейд по Кие проехать было нельзя, стояла преграда - запонь, через которую можно было перейти пешком или на велосипеде. Паром ходил ниже (на Чердаты). Дорога в сторону Чердат проходила совсем не там, где сейчас, а через луга.

Улиц в поселке было четыре, но названий у них не было. Два дома стояли совсем отдельно. Фамилии жителей были такие: Сафоновы, Черкашины, Шеймардановы, Каськовы, Кизики, Гошковы, Сухотины, Матвиенко, Новиковы, Волковы. Численность населения до 400 человек. Я прожил там 7 лет. Хиреть поселок начал в конце 1990-х годов, что связано с падением производства на Асиновском ЛПК из-за нехватки леса.

Когда не стало работы, поселок быстро исчез. Часть домов продали, остальные сожгли. Когда снимали фильм «Рой», то на Рейде сожгли 2 дома. А потом один из местных жителей, который любил свой поселок, увидев эту разруху, пустил пал, и все сгорело.

На рейде есть несколько могил, но люди умерших там старались не хоронить из-за затопляемости территории, увозили их на кладбища ближайших деревень. Да и хоронить-то сильно было некого, так как население поселка было молодое.

Весной я с пятью учениками ездил на лодке спасать зайцев. Потом один заяц жил в классе целый месяц. В то время зайцев было много. В мае 1981 года закрылась 8-летняя школа. Закрывала ее Ликонцева Галина Сергеевна. Начальная школа еще оставалась до того, как исчез сам поселок в 1988 году.

Бригада сплавщиков. Бригадир - Мальцев Александр Андреевич
(в верхнем ряду справа)

Берег Чети после спада воды.

Запонец на р.Кие, 6-8 км. Кизик Федор Григорьевич, начальник сплава участка
«Красноярский Рейд» (справа)

Красноярский рейд весной.

Красноярский Рейд во время наводнения. 1960-е годы.

Красноярский Рейд, 1960-е годы.

Красноярский Рейд.
Около клуба, 1960-е годы

Красноярский рейд весной.

Левина заимка Мишутинского сельского Совета

Из воспоминаний
Швайко Юрия Константиновича,
бывшего жителя поселка

Левина заимка относилась к Мишутинскому сельскому Совету, находилась в пяти км. от Мишутина в сторону Яи. В сельскохозяйственной переписи 1917 года¹¹ Левина заимка Ишимской волости уже есть, в ней насчитывалось три двора. Поселок в документе назван «Переселенческий». Из Левиных в Мишутино в 1907 году из Пензенской губернии пришла Мария Никифоровна с семьей в пять душ, из которых трое – мужики, поскольку других Левиных не было, то только они и могли стать основателями этой заимки.

В 1912 году там был проведен передел земли по жребию на неопределенный срок. В результате этого мероприятия справедливости не достигли, пользоваться удобными землями стали неравномерно, население было неудовлетворенно этим переделом. Сеяли крестьяне Левиной заимки рожь озимую, овес, коноплю, картофель. Сена в 1916 и 1917 годах с десятины собрали по 20 копен, это был хороший урожай трав, так как при среднем урожае собирали по 14, а при плохом - по 8 копен. Общие расходы в Левиной в 1917 году составляли 132 рубля: 32 рубля составляла государственная оброчная подать, 100 рублей - оплата пастухам. Повинность делили на каждый душевой надел по 6 рублей 50 копеек.

Позже там поселились Швайко Егор Васильевич из Витебской губернии, Куделькин Павел Анисимович, Челиков Игнатий, Володин Василий Андронович. Эти поселенцы сами валили деревья и строили себе дома. Еще там жили Добровы, Тубольцевы, Шишкины, Степановы. Деревня была небольшая, не более 17 дворов и входила в состав колхоза имени Литвинова.

В колхозе занимались полеводством, но пашни в Левиной было совсем немного, не более 150 га. в сторону Каменского Кордона. Сеяли в основном озимую рожь, так как она вызревает быстрее и при любой погоде дает урожай. Вся уборка велась вручную, жали рожь серпами, пшеницу косили косой и ставили в суслоны. За лето все суслоны складывали в одну скирду около гумна, а потом всю зиму хлеб молотили цепами. Мужчин в деревне после войны было только трое. Швайко Константин Егорович - фронтовик, сапожник Федор, который из-за ранения колхозе работать не мог, но пропитание себе добывал тем, что шил любую обувь, в том числе женские сапожки и туфли, и Виктор Кузьмин, который работал в кузнице.

---

¹¹ ГАТО, Ф.239, Оп.17

Чтобы пристроить деревенских детей баба Катя у себя дома организовала ясли-сад, а помогала ей ее дочь Настя.

В 1945-1947 годах колхоз сеял лен. С ним и зимой хватало работы. В ручье его вымачивали, в льносушилке, которая топилась дровами, его сушили, недалеко от сушилки стояли мялки, где лен мяли. Сдавали уже куделю и семя. Выращивали немного конопли, но из нее делали только веревки.

А женщины ткали холсты. Баба Катя умела делать как грубый холст, так и тонкий, потом их выбеливали.

Через деревню тек ручей, жители его звали «речка», весной он сильно разливался и действительно становился похож на речку. Берега его были заросшие черемухой, и воздух в деревне во время цветения был настоен на аромате черемухи. Вокруг рос смешанный лес с зарослями смородины. В омуте купались и ловили щурят, за брусничкой и черничкой ходили в Каменский Кордон.

Юрий Константинович вспоминает: «Жизнь была невероятно тяжелая. Мы жили без отца, мать, Федора Терентьевна, или вставала с зарей, или вообще не ложилась спать. Утром управится, выгонит скотину, вытопит печь, вымесит хлеб. А хлеб делали так: одна горсть муки и три горсти тертого картофеля. Уходя, мама крикнет: «Юра, про хлеб не забудь!» И я его на лопате садил в печь на под. Когда не плохой хлеб получится, когда сгорит, а когда не пропеченный «алякуш» выйдет. У такого хлеба из картошки корка всегда отставала. Мама вечером придет с полей, поест, чего я сварю, подоит корову, литовку на плечо и уходит в ночь косить траву. Во сколько возвращалась, мы не знали. Сейчас, когда соберемся с братьями, вспоминая, не перестаем удивляться: как только родители могли выдержать такую жизнь? Никакого сочувствия не было. Мама пойдет к бригадиру Ивану Кашурину просить лошадь, чтоб дров привести или сена, а он не дает. И она «бастует», не идет на работу, а идет в лес топором рубить дрова. Я приеду из школы и тоже к ней: рублю, таскаю, распиливаю. Потом за ночь все сожжем. До чего же зимы тогда были морозные! Интересно мы выращивали поросят. Теплых стоек не было, а в холодной поросенок замерзнет. Летом мы делали землянку-нору, в ней устраивали гайно. Зимним утром придем кормить, поросенок выскочит, поест быстро, и опять нырнет в свою нору. Вот так и выращивали, недаром говорят, что голь на выдумки хитра.

В 7 – 8 лет дети уже начинали косить. Стожок надо было так сложить, чтобы не намеряли лишних центнеров, а то заберут в колхоз сено, которое доставалось таким трудом. Поэтому стог снизу делали узким, а верхушку широкую, по форме стог походил на чугун. Если сделать у стога верх острым, то центнеров 7 окажется лишних.

Когда я учился в 3 классе, то отец наш работал в Арышево председателем колхоза, и я пошел на лыжах к нему один по тайге, это около 20 километров. На следующий день на двух лошадях по этому же пути, по бездорожью, ехал в Левину. За неделю мы вывезли все сено и навозили дров,

и когда бригадир пришел за мамой, то она отказалась идти на работу и холода отсидела дома.

Детей воспитывали не только родители, но и любой селянин. Дядя Федя (фамилию забыл) следил, чтобы мы не наделали пожар. Однажды, когда мы разожгли у дома костер, он отстегал нас всех. Мы про то никому не рассказали, но он матери пожаловался, и она нам еще всыпала. Любой взрослый мог отлупить, за дело, конечно. И никто не жаловался, а то еще получишь, т.е. обществом воспитывали детей.

Поскольку школы не было, народ потихоньку стал разъезжаться, мы тоже переехали в Литвинов. Левина заимка исчезла с 1947 по 1950 годы.

Список жителей Левиной заимки в 1935 году ¹²

1. Костарев Василий
2. Сизов Сергей
3. Боженев Дмитрий
4. Ульянов Герасим
5. Которов Аксен Антипович
6. Ульянов Кирилл
7. Барнышов Николай
8. Баранов Иван Григорьевич
9. Романов Александр
10. Кудельпин Павел
11. Побежимов Абрам
12. Кудельпин Данил
13. Попова Ольга Игнатьевна
14. Потапенко Федор
15. Писарев Игнат
16. Ионов Яков Кириллович
17. Боршевский Игнат
18. Шарпак Николай Леонидович
19. Чирипов Алексей
20. Ногин Павел
21. Баскаков Трофим
22. Черников Василий
23. Фомин Илья
24. Белов Григорий
25. Лебедев Дмитрий
26. Шурпанова Мария
27. Которов Василий
28. Степанов Василий

---

¹²(ГАТО, Ф. 1501, Оп.1, Д. 11

Швайко Юрий Константинович с тетей
Екатериной Андреевной Сивчик
(Волковицкая), 1960 г.

В центре Ульянова (Швайко)
Федора Терентьевна (1921 г.р.).
1937-1938 гг.

Швайко Константин Егорович,
1922 г.р. и Федора Терентьевна,
1921 г.р. Левина заимка.
Фото 1939 года

в Спасское на Яе

Схема Левиной Заимки
.Составил Швайко Юрий Константинович

в Каменский Кордон,
5-6 км.

ГУМНО

в Усманку, 15 км.

ручей

болото

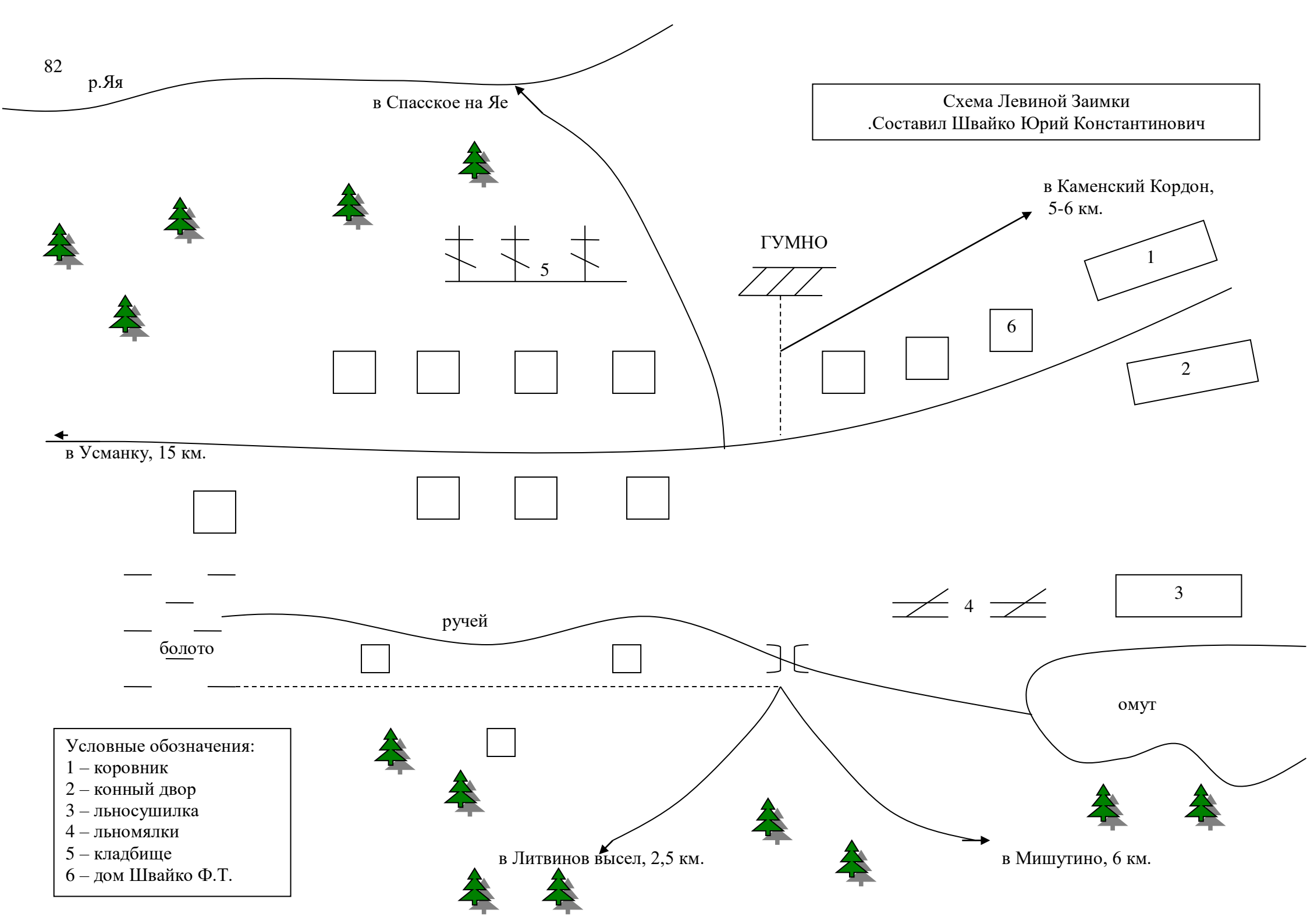
омут

Условные обозначения:

- 1 – коровник
- 2 – конный двор
- 3 – льносушилка
- 4 – льномялки
- 5 – кладбище
- 6 – дом Швайко Ф.Т.

в Литвинов Высел, 2,5 км.

в Мишутино, 6 км.

Поселок Лесозавод Яранского сельского Совета

*Из воспоминаний
Кислицыной Лидии Игнатьевны,
жительницы с. Чердаты*

Лесозавод – это составная часть Симоновского лагпункта, лагерь для ссыльных здесь образован в 1936-1938 гг. Сюда по политическим мотивам как «враги народа» были сосланы евреи, латыши, литовцы, немцы, украинцы и потомки дворян. Одна казарма была полностью из немцев, которые лес заготавливали, грузили и отправляли на Четь, делали и шпалы. Остались в районе лесозавода и два национальных кладбища: латышское и украинское. Там же работали «враги народа» из ближних поселков. Условия были жуткие. До Чети три километра сплошная болотистая местность. Строили дорогу из нескольких рядов бревен, так называемую лежневку, которую зимой очищали от снега, и прокладывали узкоколейку. Говорят, что с началом войны политических заключенных убрали, но надзирательная вышка там долго еще стояла.

После войны народу на лесозаводе почти не осталось, но с новой волной репрессией сюда прибыли литовцы, украинцы, молдаване.

Строили в основном бараки, отдельных домов мало было. В лесозаводскую пекарню ходили за хлебом из Симоновки, Сухого Лога и даже из Торбы. Содержали в поселке так называемую «конбазу» из 30 лошадей, так как другой «техники» еще не было.

В 1950-е годы, когда уже работали на тракторах, на лесозаводе случился большой пожар, в котором сгорели все машины. Тракторы были газогенераторные, кто-то загнал свою машину, а угли не потушил. Все сгорело. Не одна голова за это слетела, наверное. Кругом виделось вредительство.

Когда людей освободили из-под комендатуры, то большинство уехали, с закрытием завода не стало работы. Позже организовали в поселке лесничество, сажали лес и ухаживали за посадками, Симоновское подсобное хозяйство на территории лесозавода держало 12 коров. 20 октября 1962 года Лесозавод был исключен из учетных данных населенных пунктов. Дома из поселка перевезли в основном в Симоновку.

П. Лесозавод
В верхнем ряду:
Кислицына Л.И.,
(3-я справа)
В нижнем: Алин И.В.
и Алина Н.Н.
(справа)

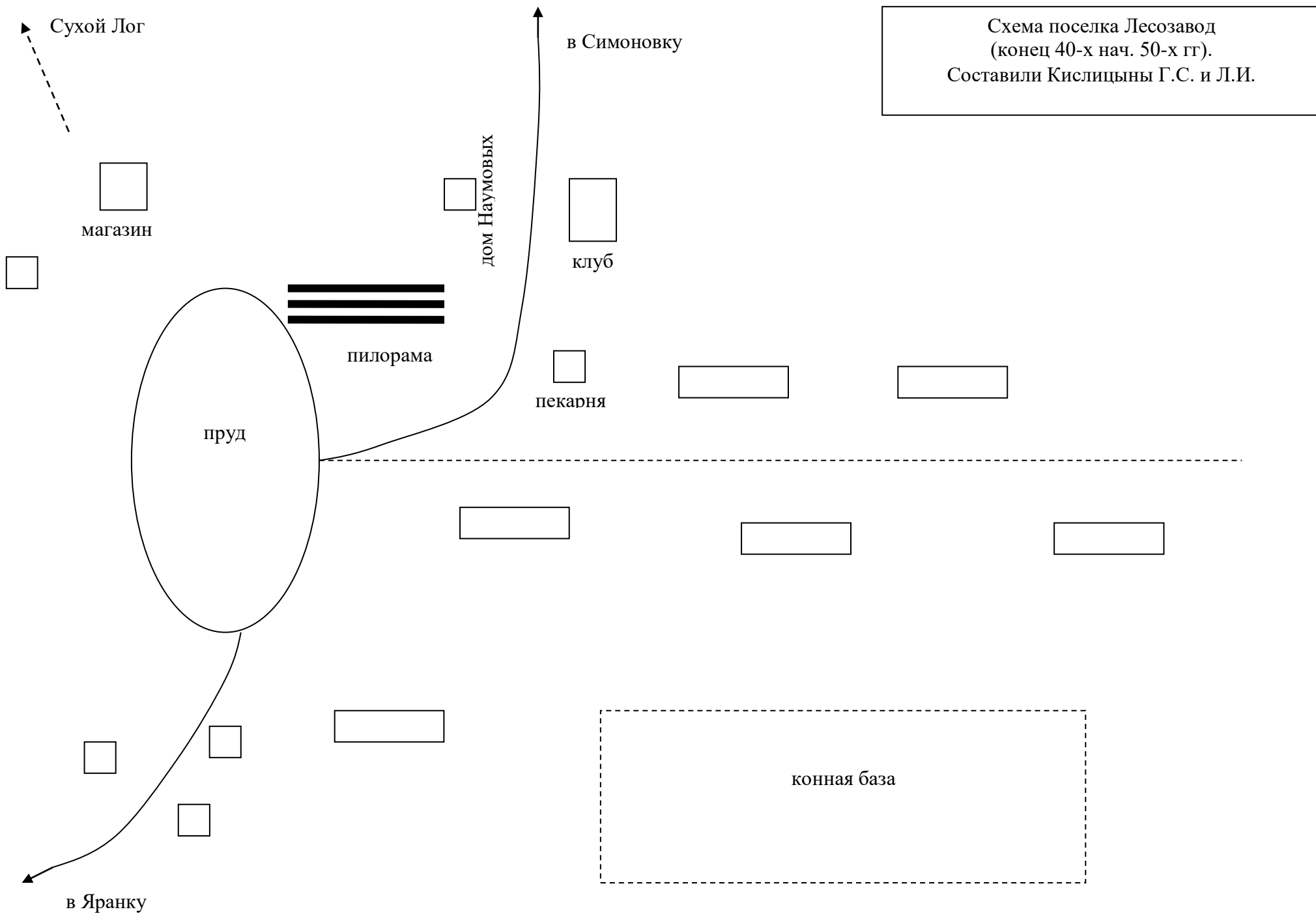
Лесозавод.
 Левицкая Анастасия (слева)
 Кислицына (Алина) Лидия (справа)

Пос.Лесозавод. сосланные
 литовки. Сташите Яни и Казимира
 (первая и третья). Польки
 Романовские Ванда и Ядвига
 (вторая и четвертая).

Игнатий Васильевич Алин и Кузьма Иванович Котов (справа)

Малиновка
Малиновского сельсовета
(позже Чердатского сельского совета)

*Из воспоминаний
 Васеновой Василисы Селиверстовны,
 бывшей жительницы,
 Сандул Марии Михайловны,
 бывшей жительницы*

Деревня возникла на переселенческом участке «Галинский» в 1907 году как переселенческий поселок.¹³ В этом году прибыло 35 семей, в 1908 г. – 24 семьи.

В 1910 году на эту территорию было «водворено» 5 душ мужского пола:

- Шкляев Константин Михайлович с женой Соломеей и шестью детьми из Вятской губернии деревни Шишкинской;
- Юдин Платон Семенович с семьей из Уфимской губернии с.Буты;
- Ярочкин Демьян Викторович с семьей из Саратовской губернии деревни Алексеевка;
- Максимов Роман Устинович из Саратовской губернии деревни Алексеевка с женой Натальей, матерью и четырьмя дочерьми;
- Ратников Филарет Тимофеевич из Саратовской губернии деревни Алексеевка с женой и дочерью, с матерью, братом и племянником.

28 июля 1911 года к поселку Малиновскому причислено двенадцать душ мужского пола.¹⁴ В сельскохозяйственной переписи населения за 1916 год есть полный список переселенцев пришедших в Малиновку из самых разных губерний: Вятской, Уфимской, Пензенской, Костромской, Витебской, Тульской, Виленской, Эстлендской, но больше всего было переселенцев из Псковской и Черниговской губерний, а первые жители поселились в Малиновке в 1906 году. Фамилий много, приведу лишь некоторые: Ганзюков, Пыжовский, Дудчак, Голоднюк, Малышев, Лаврентьев, Мишакаев, Сироткин, Смирнов, Торопов, Эрманаев, Лукашенко, Козлов, Хартов, Кожевников, Климсон и т.д.

Домохозяйств в Малиновке в 1916 году было 83, мужских душ 259, женских 255. В хозяйствах держали 268 лошадей, 138 коров, 317 овец, 257 свиней. Пашни имели 239,5 десятин.¹⁵ В 1924 году было 90 домохозяйств – 435 жителей, в 1926 году 106 домохозяйств – 486 жителей, в 1934 году 118 домохозяйств – 502 жителя.

Дома себе люди ставили хорошие, с палисадниками, и тянулась деревня, по словам Васеновой Василисы Селиверстовны, на три километра. Она же говорит, что первыми в деревне поселились Ликановы и Недоливко. Но, согласно архивным данным¹⁶, первыми в 1906 г. пришли Дудчак Иван

¹³ ТОЦДНИ, Ф.239, Оп.1, Д.102

¹⁴ ГАТО, Ф.196, Оп.15, Д.1821

¹⁵ ГАТО, Ф.239, Оп.16, Д.139

¹⁶ Там же

Григорьевич с семьей пять человек и Голоднюк Никифор Лукьянович из Бессарабии. Лукашенко Дмитрий Андреевич, из Вятской губернии, Кожевников Григорий Кузьмич, Петряков Тимофей Петрович из Уфимской губернии, тоже поселились в 1906 г. Голубицкие, пять душ мужского пола из деревни Скобари Виленской губернии, пришли в 1907 г. Голубицкая Клавдия Павловна, бывшая жительница Малиновки рассказывала, что когда пришли ее предки, то фамилий у них не было. Это были Павел Харитонович 1901 г.р., ее отец, и Харитон Павлович, ее дедушка. Фамилии им присвоили Иванов и Харитонов. Родной брат деда взял фамилию Иванов. К зиме сами построились, а на второй год дома сыновьям поставили. За землю шла чуть ли не война. Дедушка прожил 98 лет. Он делал кадки, грабли, был уважаемым колхозником.

Места там удивительно красивые: деревня на возвышенности, в полукилометре голубой Чулым, было видно, как плавают пароходы, под горкой озеро. Улица песчаная, после дождей грязи никогда не было.

Отец Василисы, Костенко Селиверст Митрофанович, в колхоз входить никак не хотел, все говорил: «Черту душу отдавать!»

Школа в Малиновке была открыта еще в 1917 году, в которой два учителя обучали 25 детей. Старое здание было на задах улицы, где стояли амбары, новое здание строили уже в деревне. Василиса, окончив начальную школу, очень хотела продолжить образование в Чердатах, но сноха почему-то не пустила. Позже дети из Малиновки учились в поселке Черный Яр, где была средняя школа и интернат, а до Чердат – 25 км.

Брат Василисы, Николай Селиверстович, 1910 года рождения, погиб на войне, она же в годы войны работала на плотбище №15Тегульдетского района. В 1942 году отправили туда пятерых девчонок на лесозаготовки. До апреля жили в тайге, а потом, вернувшись домой, запрягали пару лошадей и возили сено для лошадей на этот самый участок № 115. На сплаве баграми толкали бревна на поворотах реки, чтобы не было затора. Когда сплав пройдет, отправлялись на весенне-посевные работы, боронить поля колхоза «Верный путь». Как бы не было тяжело, а молодость брала свое: «Мы с Валькой Груниной бывало, бороним-бороним, а потом сядем под куст, да песняка дерем!»

Каштаковский лагпункт на базе Междуреченской лесной дачи выходил к плотбищу на р.Чулым в районе д.Малиновка. Однажды девчонок отправили на сплав в Яранку, а Шура Гаврилина говорит: «Девчонки, я знаю дорогу в нашу тайгу». Когда солнце было низко, она взялась переобуваться, вроде бы натерла ногу.Стоило только сопровождающим скрыться за поворотом, девчонки дали дёру. Бегут и вдруг охранник кричит: «Стой, кто идет!» Но Василиса его узнала, это был мужчина из Манеево:

- Ой, Митька, так и так, нам домой надо!

Он их пропустил, но наказал не говорить, что они его видели. А утром их уже отправили в Черный Яр.

В 1950 году Василиса вышла замуж за Николая Тимофеевича, детей всех родила дома. Построили они себе дом 8*8 «бревнышко к бревнышку», Василиса доила коров, в ее группе было 15 коров. Доярок было 8 человек, значит, коров на ферме было не менее 120. Ее второй малышке было всего 3,5 месяца, когда она вынуждена была оставлять ее со старшей дочкой, которой было 5 лет. Была Василиса Селиверстовна передовой дояркой, депутатом.

- Ни одно совещание без меня не обходилось. Почет был, - говорит она.

Перебирает в памяти, что было в деревне из объектов:

- Клуб большой был, самодеятельность, нам немое кино привозили.

В речке Косматке лен мочили, за ней летняя дойка находилась.

Маслозавод у нас был, а до войны и после нее сушзавод работал.

Колодец глубиной 18 метров находился посреди деревни. В стороне, что к Черному Яру, колодцы находились под горой. Воду брали из Чистого озера, а в Поганом (грязном) – купались, стирали белье.

Детские ясли были, и детсад был.

Потом коров угнали в Чердаты, Малиновку нарушили. В 1969 году люди разъехались за один год. Мы уже сорок лет живем в Дубровке, а сердце так и осталось там, в Малиновке.

Сандул Мария Михайловна, 1938 года рождения, в девичестве Весенева, отметила, что мужики малиновские отмечались статью, были высокие да плечистые. В праздники гуляли, переходя из двора во двор, за день 3-4 двора пройдут. Драки возникали, когда привозили людей из Каштаково и Черного Яра на выборы. Пили вместе, а потом дрались.

Бабушка Марии Михайловны, Мария Федоровна и дедушка Тимофей Дмитриевич Весеневы пришли в Малиновку из Анжерки, за что получили прозвище «шахтеры». И было у них 10 детей.

Помнит, что школа была семилетняя, и директором работал Мельников Илья Семенович. Как вспоминается детство?

- Лебеда, тошнотики и работа.

Отец, Весенев Михаил Тимофеевич, 1913 года рождения погиб на войне. Мама, Мельникова Евдокия Даниловна, 1916 года рождения. Их раскулачили, отправили из Малиновки в Чичка-Юл за то, что не пошли в колхоз. Мама в 35 лет умерла, жила Мария с дядей, а потом уехала на целину по комсомольской путевке.

Она вспоминает, что был в деревне пимокат Карпов Осип. Бабушка ткала холст, сшила ей юбку и сумку, которые покрасила краской из коры черемухи. «Идешь, бывало, смотришь на свою юбку. Ах, как красиво!» На ногах лапти, которые плел дедушка. Или еще носили чирки. Нет, они не были похожи на тапочки, просто лоскуты кожи, стянутые шнурком у щиколотки, вода с носка заливалась, а у пятки выливалась. Но зато ноги не кололо.

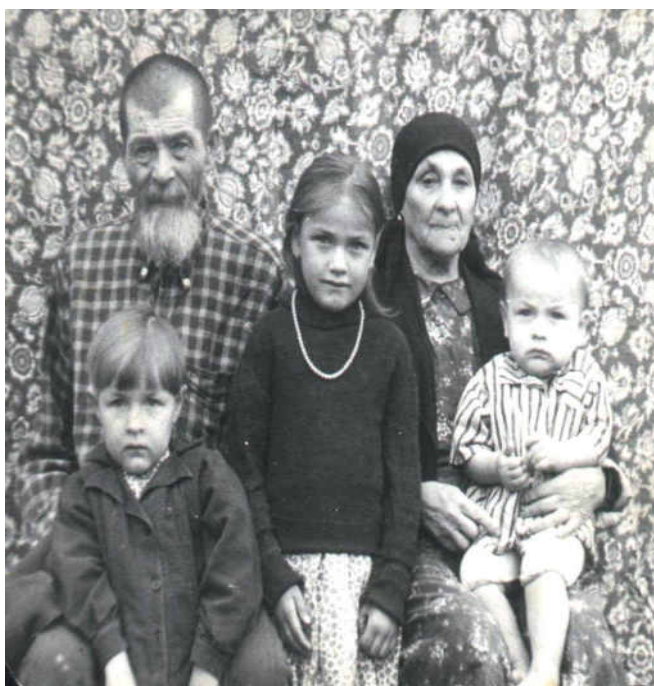

Супруги Васеневы Василиса
Селиверстовна 1925 г.р. и Николай
Тимофеевич, бывшие жители Малиновки

Сандул Мария Михайловна

Васенева Мария Федоровна и Тимофей
Дмитриевич с внуками

Иванов Михаил Сергеевич,
Астафьева Ольга, девочка –
Зина 1955 г.

В центре – Харитонов Харитон Павлович, один из первопоселенцев
д. Малиновка. Фото 1950-х годов.

Васенева Мария Федоровна
с детьми Любой и Надей

Васенева Василиса
Селиверстовна, 1925 г.р. и
Николай Тимофеевич, 1926 г.р.

Жители Малиновки

Слева: Васнев Н.Г, рядом Голубицкий Игнат Иванович. Ольга Астафьев (в белом платке)а, справа – Кожевников Анатолий, Сантурова (в белом платье)

ГАТО Ф 196, оп. 15, д. 1821, л. 3.

Регистрация по Томским переселенческим баракам 1906

Ходаческое свидетельство № 1674.

Предъявитель сего Вятской губернии, Земцовского уезда, Светлицкой волости, с/р. М. Максимовой Колонии М. Масимов М. Масимов отправляется в Сибирь в качестве ходака от поименованных на оборотъ его лицъ для избранія переселенческаго участка и зачисления долей.

По прибытіи на ~~(Вятской и Челябинской)~~ переселенческой пунктъ настоящее свидѣтельство предъявляется переселенческому чиновнику, а по избраніи участка—крестьянскому начальнику или лицу его замѣняющему, по мѣсту нахождения избраннаго участка.

Въ удостовѣреніе чего дано сіе свидѣтельство.

1906 года, Августа 26 дня.

Земскій Начальникъ „ 3 „ участка, Земцовского уезда. В. Мисенин

СВИДѢТЕЛЬСТВО

на право проѣзда по переселенческому тарифу.

Выдано ходаку М. Масимову отправляющемуся по ходаческому свидѣтельству № 1674, Вятской губ. на станцію М. Максимовой Колонии ж. д. „ 26 „ дня Августа мѣсяца 1906 года.

Земскій Начальникъ „ 3 „ участка, Земцовского уезда. В. Мисенин

ЧЕЛЯБИНСКЪ
Выдано свидѣтельство переселенческому ходаку от Масимов

Примѣчаніе 1. Ходакамъ, возвращающимся на родину, и обратнымъ переселенцамъ свидѣтельства по этой формѣ выдаются чиновниками особыхъ порученій Переселенческаго Управленія Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, чиновниками при Приамурскомъ Генералъ-Губернаторѣ и Крестьянскими Начальниками.

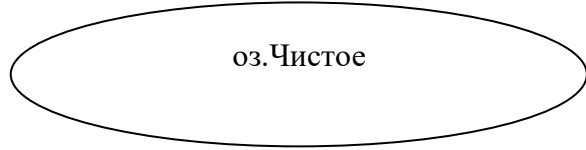
Примѣчаніе 2. При уплатѣ переселенцами стоимости проѣзда, принадлежащій сему свидѣтельству купонъ удерживается станціей отправленія для представленія въ контроль, самое же свидѣтельство возвращается переселенцу и должно оставаться у него на рукахъ до прибытія на конечную станцію пути.

Примѣчаніе 3. Каждому семейству, хотя бы и не раздѣленному въ установленномъ порядкѣ, но въ дѣйствительности ведущему самостоятельное хозяйство, а также каждому ходаку выдается отдѣльное сви-

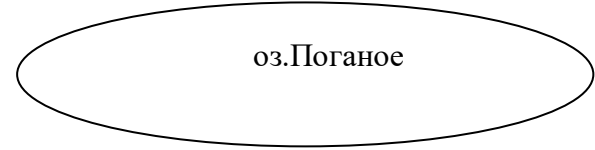
В начале XX века для интенсивного освоения земель Российской империи за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке началось переселение сельских обывателей и мещан-земледельцев из центральных губерний. Был установлен порядок. Право посылки ходоков для приискания, осмотра и зачисления свободных казенных земель в Сибири представлялось всем желающим переселяться крестьянам, независимо от их местожительства и экономической состоятельности и им выдавались ходаческие свидетельства. Ходокам от отдельных семей разрешалось зачислять землю не более, чем для трех семейств – своего и двух доверителей, а ходокам, отправляемым от групп населения и входящим в состав партий, образованными землеустроительными комиссиями или земскими учреждениями, - не более, чем для 10 семейств каждому.

Схема деревни Малиновка.
Составила Васенева Василиса Селиверстовна

р. Чулым

оз. Чистое

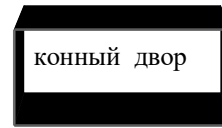
оз. Поганое

башня

ферма

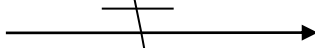
конный двор

детсад

магазин

с/совет

из Каштаково

на Черный Яр

школа

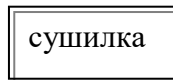
клуб

кузницы

мастерские

сушилка

амбары

лог

р. Косматка

Мангазеево
Яранского сельского Совета
(позже Окунеевского сельского Совета)

Из воспоминаний
Мангазеева Сергея Васильевича

Кто является основателем заимки Сергей Васильевич точно не знал. Сказал, что, скорее всего, им был прапрадед Александр Мангазеев, после него там хозяйничал его сын Дмитрий Александрович 1895 года рождения с супругой Варварой Андреевной, которая была с 1900 года рождения. Там у них родилось трое детей: старший Иван с 1919 года рождения, который был инвалидом с детства и хромал, дочь Евгения и сын Василий. Детей заимки кто-то обучал на дому, а домов там было с десятков и понятно, что хозяева не могли их все занимать, жили у них наемные работники. Хозяйство было большое, только пахотной земли гектаров 100, где ж одним справиться? Рабочие лошади были (5-6), много скота, коров, сбивали масло и отправляли его в Россию через Мариинск. Была в хозяйстве лобогрейка, которую выменяли на зерно, а возможно и другая техника, но точных данных об этом нет. От Яранки до Окунеево 30 км.и на этом пути был только один населенный пункт – Мангазеево, где путники останавливались на ночлег.

В сельскохозяйственной переписи 1916 года Мангазеево не упоминается. Может, оно возникло позже?

А вот Льготин Александр Никитович, ветеран войны, бывший заведующий РайОНО, рассказал, что заимку основал его дед по материнской линии Мангазеев Алексей Ефимович вместе с супругой Пелагеей. А дед Сергея Васильевича мог быть его потомком.

В ряде населенных пунктов, в том числе и в Чердатах, рассказывали историю убийства семьи на Мангазеевой заимке, что всех поубивали не то белые, не то красные.

Мангазеев Василий
Дмитриевич, родился в
Мангазеево в 1926 г.

Мангазеева Варвара Андреевна с детьми

В начале войны в Мангазеево уже никто не жил и на его территории возникло подсобное хозяйство леспромхоза. В нем Яковлев Александр Васильевич проработал до 1949 года, пока не призвали в армию. Работал на двух семилетних быках: пахал землю, боронил, развозил выращенные овощи по лесозаготовительным участкам.

Хозяйство было приличным по размерам. Его начальником был Демин Николай, а агрономом работал Чирковский. Больше всего садили, конечно, картофеля, сеяли пшеницу, горох, морковь, брюкву, выращивали капусту. Осенью урожай убирали, горох молотили зимой цепами. Позже из поселка Тайга, что в районе Черного Яра Тегульдетского района привезли движок, который работал на нефти и труд стал немного механизирован. Жили в Мангазеево круглогодично. Молодые девчата и парни никуда отсюда не стремились уехать, так как в то голодное время пищей здесь все работники были обеспечены. Женщины зимой в овощехранилище размером 10 на 50 метров перебирали овощи, там же хранилась квашеная капуста, следили, чтобы она не плесневела и была в хорошей сохранности. В хозяйстве содержали быков, лошадей и коров, которых доили. Все мужчины зимой были в обозе, то есть за каждым был закреплен участок, на который по требованию доставлялись продукты не только из Мангазеево, но и со складов ОРСа из Окунеево (крупы, конфеты, товары первой необходимости). Назад уже везли пустую тару, которую сдавали в Зырянский склад ОРСа.

У Александра Васильевича в его участок входили Яранка, Четь-Берегай, Салганы. Ездил он с напарником на двух быках. Дома в Мангазеево были старые, так как их привозили из Окунеево и Тарбыково. Из строений были два барака - женский и мужской, общежитие семейных рабочих, кухня и домик конюха размером 5 на 5 метров.

В бараках с двух сторон были сделаны нары, на них лежали соломенные тюфяки или маты, которые вязали из соломы и сена. Под голову вместо подушки клали тоже маты, но поменьше размером.

В бараках стояли по две печки-буржуйки, по форме похожие на бочки. В женском бараке жили 16 девушек из Окунеево, 4 - из Тукая и 7 - из

Симоновки. В мужском бараке было 12 человек, старик-татарин Гайсим топил печку.

В семейном общежитии жили немцы и латыши Гофман и Шнайдер, у них тоже были только нары и печка. Сами себе еду не готовили, так как была кухня, где готовили на всех работников. Каждый приходил со своей посудой и получал свою порцию еды.

Чтобы доставить продукты до населенного пункта Солганы, нужно было доехать до деревни Яранка, там груз перегрузить в лодку и по реке Четьплыли уже до конечного пункта. Там по фактуре продукты сдавали, и назад.

Просуществовал поселок Мангазеево до 1950 года.

Схема поселка Мангазеево. Составил Яковлев А.В.

98

в Симоновку

в Четь-Берегай

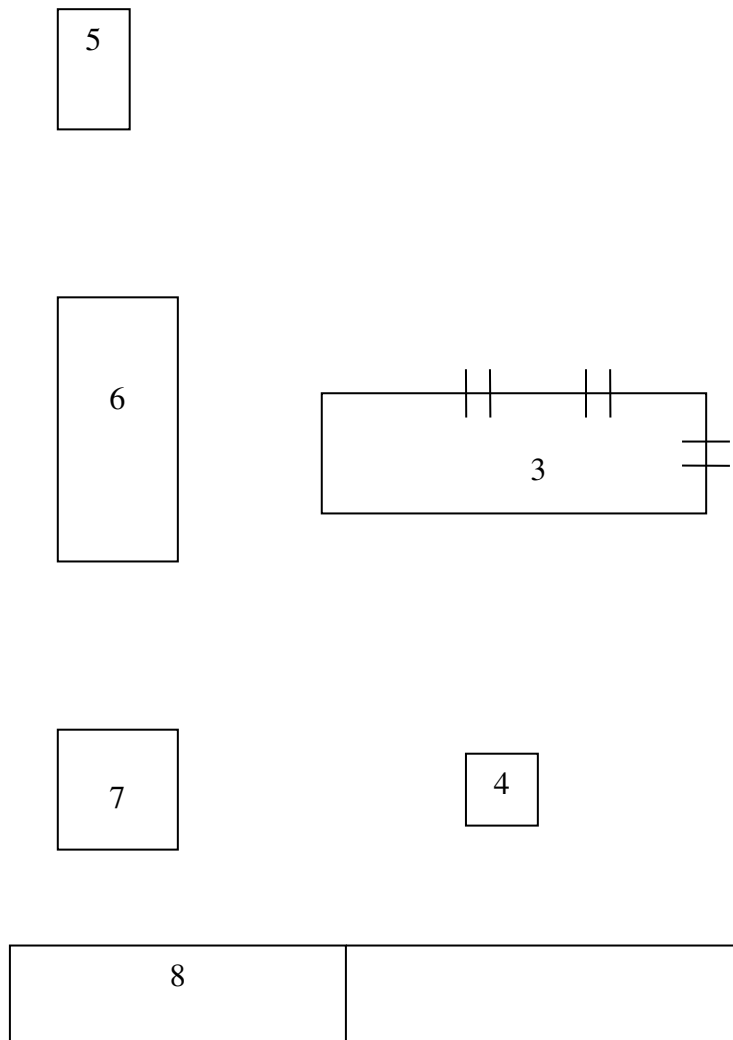
в Салфаны

в Окунево

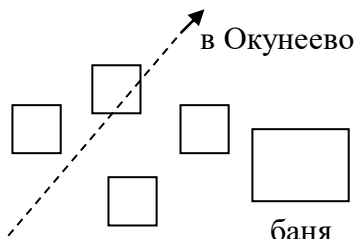
баня

в хозяйство им. VI партсъезда

в Тарбыково,
12 км.

- Условные обозначения:**
- 1 – мужское общежитие
  - 2 – женское общежитие
  - 3 – семейный барак
  - 4 – избушка конюха
  - 5 – баня
  - 6 – скотные дворы (конный двор и коровник)
  - 7 – амбар
  - 8 – овощехранилище
  - 9 - ворота

Манеево

Чердатского сельского Совета

Манеево – населенный пункт на курье Уюк, примерно в четырех километрах от села Чердаты. Появление селения в 1770 году связано с юртами Куцурлу, местом проживания чулымских тюрков. После того, как чулымцы были крещены, их селение стало называться Манеевыми юртами. В ревизских сказках инородцев Кизильдеевской II половины инородческой кочевой управы Мариинского округа от 17 мая 1858 года перечисляются все жители этого населенного пункта, носящие только одну фамилию – Манеевы. Это Василий, Демьян, Иван и Прохор с сыновьями: Василий, Егор, Семион, Терентий, Гаврило и Мартын.

В 1868 году в деревне было 7 дворов, в которых проживало 54 человека.

В сельскохозяйственной переписи за 1916 год¹⁷ Манеево уже названо переселенческим селением, где землеустройства проведено не было.

Приводим именной список домохозяйств деревни Манеево (с сохранением правописания):

1. Авраменков Сидор Поликарпович
2. Якименков Герасим Александрович
3. Заворотная Акулина Ивановна
4. Швецов Роман Иванович
5. Сакалов Петр Анисимович
6. Сакалов Ануфрий Анисимович
7. Паченкин Николай Николаевич
8. Жендик Винидикт Борисович
9. Назарова Сусанна Семеновна.

Населения в Манеево было 39 человек, 16 мужских душ и 23 женских. В хозяйстве жителей было 27 лошадей, 15 коров, 18 овец, пашни 29,1 десятины и приареновано 8 десятин.

В 1926 году было 15 дворов с населением 63 человека, в 1928 году – 14 дворов, 36 мужских душ и 32 женских; в 1934 году – 23 двора с населением 91 человек; в 1939 году проживало 35 человек.

Дальше данных о Манеево нет, но оно существовало еще какое-то время, находилось недалеко от Малиновки, там жили охотники да рыбаки и скрывались мужики от коллективизации.

---

¹⁷ Там же

Митюшкино Окунеевского сельского Совета

Из воспоминаний
Березина Николая Ермолаевича,
бывшего жителя деревни

Митюшкино. Была такая деревенька с ласковым названием, где ударение ставится на первом слоге. Деревня была маленькая, домов 16 всего стояло в очень живописном месте у реки. Рядом с ней тянулся сосновый бор до самого Окунеево.

Митюшкина деревня возникла в 1912 году, в 1939 году в ней было 39 хозяйств, проживало 184 человека, после коллективизации количество хозяйств резко уменьшилось, но в 1959 году их еще оставалось 8. По архивным сведениям¹⁸ в Митюшкино был филиал коммуны «Октябрь».

В 1930 году филиал к севу был готов, семян было достаточно, инвентаря хватало, настроение у коммунаров было хорошее.

«Второй дом от дороги наш, Березиных, где я родился, где прошло мое детство. Дом наш представлял типичную крестьянскую избу с большой русской печью почти посередине. Печка была теплая, а из чугунок на загнетке вкусно пахло. Стол, лавки вдоль стен, полаты под потолком. Родители мои переехали сюда из Высокого на свободные земли и построили себе дом, где 15 декабря 1932 года я и появился на свет. Семья у нас была большая: бабушка с дедушкой, родители и шестеро детей, двое из которых умерли. Отец мой, Березин Еремей Федотович с 1902 года, а мама Татьяна Семеновна с 1905 года. Откуда они родом я не знаю.

В деревне нашей была только одна улица. Вдоль нее проходила дорога, по которой через 3 км. можно было попасть в Усачево, соседнюю, тоже небольшую деревню. А в другом направлении через 5-6 км. – в Чарочку. В половодье Четь выходила из берегов, и деревню затопляло. Вода появлялась в домах на полу, люди делали настил, поднимая всё выше, так и переживали эту стихию. После схода воды дружно восстанавливали причиненный рекой ущерб, обновляя осыпавшуюся штукатурку. К деревне подходила не сама Четь, а старица, но она была проточная. Из нее брали воду, так как колодцев у нас не было. В ней поили домашний и колхозный скот, полоскали белье, а ребята летом с удовольствием плескались в теплой воде. От нашего дома до берега было метров 500-600, носить воду было очень далеко и тяжело.

Зимой-то мы ее возили на саночках в кадушке, а в другое время все на себе. У нас и школа была. Начальная. Располагалась она, правда, не в отдельном здании, а в большом доме одних стариков, которым этот дом стал велик и половину они отдали для обучения детей. К нам приходили учиться и ребяташки из Усачево. Занятия велись, одновременно во всех 4-х классах,

---

¹⁸ ТОЦДНИ, Ф.28, Оп.1, Д.18

моей первой учительницей была Русинова Анна, отчество которой, к сожалению, забыл. Учеба давалась мне легко, да только учиться вот было некогда. Слишком много работы приходилось выполнять детям в той жизни. На чтение книг время не оставалось, а письменные задания я выполнял при свете лучины, которую вставляли в печурку русской печи. Вот при таком освещении я и царапал ручкой в тетради. Когда закончил 4 класса, то закончилось и мое детство.

Отец мой ушел на войну прямо с казенной лошадью. С дороги он прислал всего одно письмо, где сообщал нам, что они едут под Сталинград, в самое пекло событий. А в 1943 году он погиб, вернее, пропал без вести. После войны приезжал к нам его товарищ и рассказывал такие ужасы, что волосы вставали дыбом. После первого боя они оба уцелели, еще сидели, курили вместе. В следующем бою товарищу оторвало ногу, что его и спасло, так как раненных вынесли с поля боя, а остальных смешали с землей, поэтому и тело не нашли, поэтому – пропал без вести. Товарищ только помнил, что кругом была кровь, части солдатских тел, кишки на кустах.

Мама работала в колхозе на ферме молодняка. Митюшкино, Усачево и Чарочка входили в один колхоз, который назывался «Трактор». А мы, пацаны, должны были заменить ушедших на войну мужчин. Я в 12 лет стал работать в колхозе на лошади: зимой подвозил сено на ферму, а весной пахал землю. Работа пахаря тяжелая, кто на лошадях, а кто на быках пахал, где же силы у 12-летнего пацана? И мы с напарником иногда садились на противоположные края поля, направляя лошадь в сторону другого, а сами за плугом не шли.

Во время полевых работ мы жили на культстане в трех километрах от деревни. Там стоял дом, внутри были нары, покрытые соломой. Пищу готовила повариха. Еда была незатейливая, чаще всего супы из какой-либо травы, иногда на костном бульоне. Домой нас не отпускали даже в бане помыться. Жили мы там человек 10 пацанов, еще бригадир и несколько стариков. Пахали до темна, а начинали с рассвета. Утром, когда глаза не открываются, так бригадир наш Зайцев Трофим, бывало, как вытянет нас, сонных бичом или вожжами. С перепугу или от боли мы тут же подскакивали. За день пахоты животных три раза перезапрягали:, тоже давали отдыхать. Утром работали часов до одиннадцати, затем после обеда, а вечером уже до темноты. За одну смену на двух лошадях вспахивали 1 га или 1,2 га.

Сеяли рожь, пшеницу, овес вручную из лукошка-севалки.

Во время жатвы на культстане ночевали и взрослые. После войны еще жали вручную, днем ставили суслоны, а вечером их возили и складывали в скирды, чтобы вдруг ночью дождь не промочил. Молотилка в колхозе была, поэтому цепом обмолачивать зерно мне не пришлось. На трудодни давали сколько-то зерна, дома на ручных жерновах его мололи. В хлеве у нас стояла корова, огород мы с мамой садили, поэтому не голодали, хотя вволю не всегда ели.

Магазина в Митюшкино не было, да и что, и на какие деньги в то время можно было взять в магазине? Почты у нас тоже не было, ходили в Чарочку, а если были письма, то их передавали с кем-нибудь из жителей.

Помнится мне, насколько тяжело было с дровами. Летом для их заготовки времени не было, и запасов дров на зиму никто не имел. А уж зимой на корове или бычке мы с мамой ехали в лес, сваливали сосну, а уж потом я ездил к ней и по двухметровой чурке возил домой. Вечером мы с мамой ее распиливали, я колол, а на следующий день все надо было повторить.

А когда мне исполнилось 14 лет, то нас, колхозников, отправили зимой на плотбище. Каждый колхоз имел план лесозаготовок. Мы со своими, то есть колхозными лошадьми, ехали в Бихтуил, в Четь-Берегай или другой участок. Женщины и девчонки деревья спиливали, а я был на вывозке, но и грузить тоже приходилось самому. А ведь 14 лет – это еще не взрослый мужик. В Бихтуиле делалась дорога – ледянка, по ней лошадь могла везти 12 кубометров леса! На сани крепили еще стойки. На ледянке работали грузчики, как на погрузке, так и на разгрузке, поэтому здесь было полегче. Лес связывали веревками, и чтобы лошадь могла с таким тяжелым грузом тронуться с места, ей помогали, прицепляли вторую лошадь, а уже по ходу движения ее убирали.

Морозы в те годы были лютые, даже птицы замерзали на лету. Мне через каждый километр приходилось лошади очищать морду и ноздри ото льда. Лошадь идет, а я как собачонка, трусцой за ней, чтобы не замерзнуть. Но я был обут, имел хорошие валенки, так как мы держали овец, и отец катал валенки. Когда он погиб, этим ремеслом стала заниматься мама. Она переняла опыт, когда отцу помогала.

На плотбище в Бихтуиле мы жили в бараках по 2-3 колхоза, то есть человек по 35-40. Там с двух сторон были нары с соломой да железная печка, изготовленная из бочки. Придешь из леса мокрый, где просушить одежду и обувь? Питались, кто как мог, еду нам никто не готовил. Из дома набирали провиант, чаще всего это была толченая картошка, замороженная комочками, вот ее и разогревали. Кто-то привозил замороженное молоко, а вот хлеба помнится, не было. Один раз в неделю-полторы из колхоза для лошадей привозили сено, вот тогда с ними родственники передавали что-нибудь из еды. Жили на плотбище с конца ноября, как замерзнут реки, до марта. Выходных у нас не было никогда. За бараками стояла небольшая банька, где каждому колхозу для мытья отводился свой день.

Перебирая все это в памяти, я думаю, что мы были просто рабочей силой без человеческого лица. Как быки, на которых мы работали, хотя и им тоже досталось. Отдельного женского барака не было, жили все вместе и спали рядом. Не вперемешку, конечно, каждый на своей стороне, но сейчас я думаю о бедных девчонках, женщинах, на долю которых кроме физических мук выпало немало моральных страданий.

В 1952 году в колхозе появился один колесный трактор и грузовая машина ЗИС-5. За горючим для этой техники мы ездили в Зырянку на лошадях, которых запрягали в дыры, на них ставили две бочки: одну под бензин, другую под солярку.

Кто был председателем колхоза до войны я не помню. После войны его возглавил фронтовик Снытко Кузьма Яковлевич. Был молод и энергичен, ему удалось немного поднять колхоз: стали покупать лошадей и заменять ими быков, появились трактор и машина, как я уже сказал. Снытко К.Я. забрали на работу в Зырянское, после него председательствовал Брок.

В 1952 году меня призвали в армию, где я отслужил 3 года. Когда в 1956 году вернулся, то мама с сестрой уже жили в Зырянском. Я тоже устроился на работу в промкомбинат. Позже работал трактористом в Зырянском совхозе, лесхозе.

В 1955 году деревня еще была, но в ней оставалось домов 5-6, не больше. Дольше всех там жила семья Багаевых. Ну и что, что одни! Дрова, сено, сохатые – рядом. Интересно, что они развели кроликов, те понаделали нор в подпольях исчезнувших домов и невероятно расплодились. Я как-то приехал, а они разных мастей бегают по деревне! Митюшкино наше не распахали, как некоторые другие деревни, она просто заросла. Заросла осинником и тальником, так как сосняк вокруг вырубил. Ничего не напоминает о том, что здесь жили, работали, мечтали и любили. Любили свою деревню, речку, свой дом. Любили свою малую родину, а через нее и большую – Россию.

Березин Николай Ермолаевич
с матерью Татьяной
Семеновной. Фото 1956 г.

Список жителей деревни Митюшкино в 1935 году¹⁹

- Грибов Артем Федорович, 1891 г.р.
- Евдокия, 1892 г.р.
- Глазырин М.П., 1915 г.р. – 5 человек

¹⁹ ГАТО, Ф.1506, Оп.1, Д.2

отец Петр Михайлович, 1866 г.р.

- Грибов Борис, 1881 г.р.

Ефросинья, 1883 г.р.

- Грибов Артем Борисович, 1906 г.р. – 5 человек

- Грибов Тимофей, 1911 г.р.

Мария, 1910 г.р.

- Христоролюбов Илья, 1901 г.р.

Филипп Андреевич, 1868 г.р.

Анна Осиповна, 1876 г.р.

Валентин Ильич, 1932 г.р.

- Першин Павел, 1874 г.р. – 6 человек

- Рогачков Ефим – 9 человек, в 1935 г. выбыл на производство

- Романов Андрей, 1888 г.р.

Анна, 1894 г.р. – 5 детей

Варвара, мать 72 года

- Сандапов Иван – 6 человек

- Васильев Сергей – 5 человек

- Терешин Кузьма

- Мухачева Епесколинья

- Голохватов Дмитрий, 1906 г.р. – 4 человека

- Ажусин Андрей Юзефович

- Алексеев Семен, 1897 г.р.

- Бурков Андрей, 1896 г.р.

- Березин Ефим, 1902 г.р.

- Баркалова Анастасия, 1872 г.р.

- Багаев Дмитрий, 1900 г.р. – 6 человек

- Баркалов Николай

- Грибов Иван Николаевич, 1865 г.р. – 5 человек

- Грибов Ксенофонт, 1906 г.р. – 3 человека

в Чарочку

школа

Хорошавины

Смирнова Мария

Зубаков

Баркалины

Лобанов
Василий

Ворожцовы

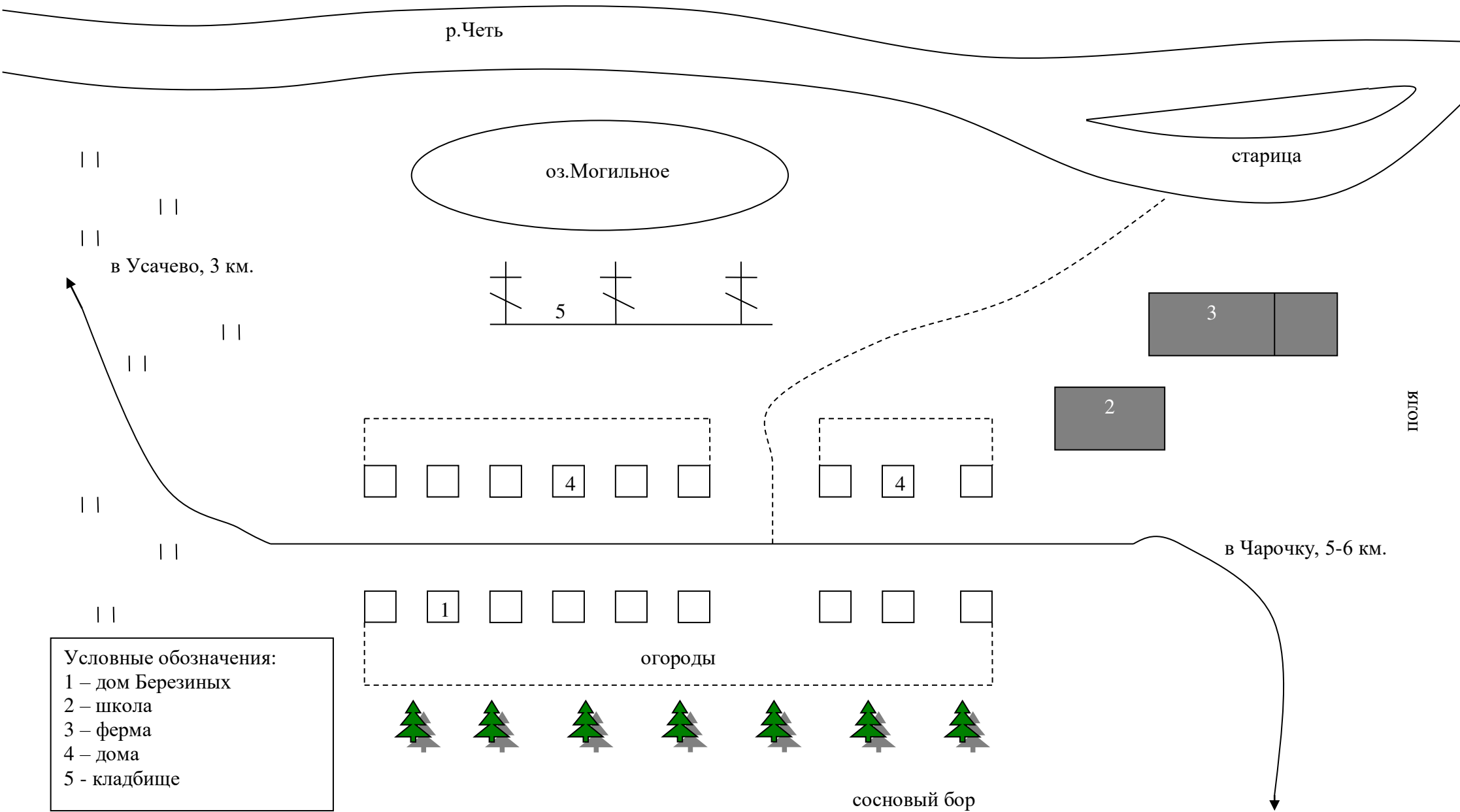
Батаевы
крест. дом

Грибовы,
крест. дом

Валовы

Березины

Схема д.Митюшкино в 40-50 гг. XX в.
Составил Березин Никола Ермолаевич

Поселок Мотофлот Зырянского сельского Совета

Из воспоминаний
Ефремова Василия Алексеевича,
бывшего жителя поселка

Родился я в Богословке и с малолетства помню, какая тяжелая и несправедливая была жизнь. Родители мои – Ефремовы Ульяна Васильевна и Алексей Никитович.

Дед мой по матери Чуриков Василий Степанович, 1876 года рождения, в колхоз не пошел. Он имел надел земли и обязан был

сдать государству определенное количество зерна, так называемое «твердое задание». Но у деда были только две дочери, причем одна из них – инвалид. Работать на земле, кроме него, было некому. Это задание выполнить он не смог, и его посадили на два года в тюрьму. Нас в это время раскулачили. Выгнали из дома на дорогу напротив дома бабушку, тетю – инвалида и меня, шестимесячного. Мама была на заработках, отец тоже где – то работал, его с нами не было. Нас, раскулаченных, должны были с этапом угнать в Симоновку. Этап все не шел, и мы долго сидели на дороге. Родственникам под страхом высылки запретили к нам приближаться. Я, говорят, не переставая, плакал, может есть хотел, может холодно был. Тогда односельчанин из бедняков Шершнев Никита Иванович, забрал нас к себе. Голос у него был резкий, и он сказал:

-Если сошлют, то пойдем все вместе!

Но нас так и не угнали.

В 1935 году в Богословке, на возвышенности по улице Луговой, был кирпичный завод. Там мама работала, и им туда возили обеды. Я уже с утра сидел и ждал эту подводку. А как увижу ее – бежал к бабушке, и мы с ней шли к заводу, где мама половину своей еды отдавала нам.

В 1938 году Василий Степанович, мой дед, работал в рыболовецкой артели на озере Марчиха. Однажды на противоположном берегу появился человек и просил его перевезти. Дедушка его перевез, за эту услугу тот дал ему верхонки. Но оказалось, что он беглый. В Зырянке его взяли, а деду приписали пособничество врагам народа и вновь забрали. Обвинили его в антисоветской пропаганде, в хранении оружия и в том, что сын был у белых (хотя сына он вообще не имел). Ему еще до суда устроили мнимый расстрел,

т.е. повели на расстрел, но выстрели мимо. От страха у деда перекошило лицо, а потом суд «тройки», и 10 лет тюрьмы и 5 лет – поражение в правах.

Второго дедушку, Ефремова Никиту Ивановича, тоже раскулачили, обвинили в антисоветской агитации, присудили 10 лет заключения. В заключении 1933 году он умер.

Голодная жизнь еще долго продолжалась, хлеба я наелся досыта, когда стал работать на Мотофлоте.

Мотофлот, как говорили, возник в 1937 году. На его территории был один из лагерей Сиблага НКВД. Томасинлаг был организован в 1937 году для освоения лесов Причулымья. Стояли вышки, территория была окружена колючей проволокой. В 1939 году всех заключенных оттуда убрали, куда, никто не знает. Отец мой устроился сплавщиком, и я помню, как мы еще собирали остатки проволоки и бушлаты. Мы, дети, то под заплатами, то в швах находили деньги – рубль или даже пятерку.

Отец в 1941 году ушел на фронт, а меня отправили в Богословку, где я жил у бабушки. Там же ходил в школу. Когда бабушка умерла в декабре 1941 года, мама забрала меня на Рейд, где тоже работала сплавщицей. Она брала меня на работу с собой, поскольку не с кем было оставить. Тогда еще катеров не было, мы плыли вверх по реке на лодках и тянули за собой плитку, т.е. плот из нескольких слоев бревен. На плитке стоял балаган с продуктами и посудой, на специальной земляной подушке горел костер, на котором повариха кашеварила. Плитку в месте зачистки тросами крепили к берегу, и я в этом балагане ночевал. Когда рабочие собирались на обед, а это человек 20 – 30, плитка начинала тонуть, так что ели по очереди. Ночевали, если повезет, в стогу, а если таковых не было, то у костра коротали ночь, кто подремлет, а кто и нет. И так, пока не пройдет зачистка. Помню, как зачистку вели уже в октябре, когда песок замерзал и по реке плыл ледок. Бревно подтаскивали к воде, но его еще нужно было столкнуть так, чтобы оно поплыло, а если это толстое бревно, нужно было глубоко зайти в воду. Сапог длинных тогда не было, мужики в кальсонах, а женщины подоткнув подол повыше, лезли в воду. На берегу разводили костер, и Федор Григорьевич Кизик шумел мне:

-Васька, таскай дрова, чтобы костер не погас!

Скатыт рабочие два бревна и скорей к костру, чтобы согреться. Рядом стояла фляга спирта, его вдоволь было. Выпьют, кто сколько может, и опять в воду. Здоровье там не один оставили. Моя мама шесть лет лежала обездвиженная.

Когда мать уволилась со сплава, мы уехали в Берегаево на лесозавод. На заводе изготавливали лыжную и ружейную болванки. Торцы у них замазывали смолой, грузили на подводки и увозили на военные заводы. После войны вернулся мамин отец, дедушка Чириков. Переехали снова в Богословку, где я кое-как закончил 7 классов. Не до учебы было, потому что страдал от голода и холода. Отец мне с фронта привез костюм. Директор школы, Лыготин Александр Никитович, фронтовик, советовал, чтобы я учился дольше в техникуме.

Послушал совета: сдал экзамены и поступил в горно-машиностроительный техникум. Там дали справку, что нуждаюсь в общежитии. В 1948 году стипендия была 285 рублей, и с каждым курсом она повышалась, а у технички зарплата была 250 рублей. Но как на беду, в этот год в некоторых учебных заведениях стипендию не стали выплачивать, и их студенты перешли в горно-машиностроительный техникум, заняли места в общежитии. Нам дали адреса квартир, которые арендовал техникум. Я поселился у бабушки с внучкой. Из одежды у меня были одни холщовые штаны и одна рубашка. В них я ходил на занятия, в них и спал. Обуви не было. Помню, однажды с товарищами мы пошли в кино в кинотеатр имени Горького. Друзей в кинозал пропустили, а меня нет, так как босых не пускали. Что делать? Город не знаю, куда идти – не знаю. Сидел и ждал их в вестибюле, но не дождался, потому что они вышли из кинозала с другой стороны. Когда ребята приехали домой, меня не нашли. Пришлось им искать меня, нашли на том же месте. Позже я купил холщовые туфли, а внучка бабушки надо мной посмеивалась, так как городские парни одеты были лучше. Вернулся я назад, в Зырянку, пошел в 8-ой класс. Но учеба не заладилась, потому что в Богословке иностранный язык был с 7-ого класса, а в Зырянке его учили с 5-ого класса. Так и бросил школу!.

В 1949 году поступил на Мотофлот рабочим. Мотофлот образовался в поселке Усть-Кия, который есть уже на карте 1937 года. В 1939 году в нем проживало всего 5 человек.

Из справки Зырянского архива к фонду № 52

Мотофлот – это часть структуры сплавоконторы. Асиновская сплавоконтора введена была в эксплуатацию 1941 году, располагалась она в с.Зырянское, производила приемку и сплав древесины от Тегульдетского, Берегаевского и Зырянского леспромхозов. В устье реки Кия были расположены ремонтно-механический и деревообрабатывающий цеха Мотофлота, производящие как ремонт, так и новое строительство самоходного и не самоходного флота, а также обеспечивали зимний отстой всего флота сплавоконторы, имея в своем распоряжении 11 катеров, ремонтно-механические мастерские и судо-ремонтный цех.

В процессе сплавных операций все суда – катера занимались вывозкой древесины (зимние плотки) и формировкой плотов, а также и непосредственно буксировкой плотов. Мастерские работали круглый год.

Судостроительный цех осуществлял строительство новых корпусов для катеров, строительство паусков и мелкого вспомогательного тоннажа – баркасов грузоподъемностью 10-15 тонн для внутреннего оборота такелажа.

В 1956 году Асиновская сплавоконтора была переименована в Зырянскую сплавную контору.

Работал я на катере кочегаром. Двигатель на катере был газогенераторным. Работал на дрова-чурочка по 40 см. Загрузочные бункеры специально были квадратные. Проработав некоторое время, ушел служить на флот, после вернулся снова в свой поселок Мотофлот. Выучился на механика и работал на катере № 120 марки Т-63, буксировал древесину.

Рабочие Мотофлота занимался изготовлением деревянных катеров и сплавом древесины. Специалисты у нас были очень хорошие. Стояли в столярной мастерской и токарные станки, имелся весь инструмент. При изготовлении катера сначала делался киль, к нему, как ребра к позвоночнику, крепились двумя болтами шпангоуты, а на шпангоуты крепилась обшивка. В зимнее время я нарезал болты и гайки. Дневная норма - 400 болтов, работали в две смены. Сами же делали коробки передач. Двигатели снимали в 1940-х годах с брошенных в тайге тракторов. В 1939 году заключенных быстро куда-то убрали, то технику вывести не успели, бросили. Эти двигатели ремонтировали и ставили на катера. Так было до 1953 года, так как с этого года начали поступать катера Т-63 (Костромич). Их заводили на жидком топливе, затем переводили на газ. Когда через год дизельного топлива стало хватать, дрова совсем отменили. В двигателе переделывать ничего не приходилось, нужно было только переключить регуляторы.

План по сплаву не только выполняли, но и перевыполняли. В 1956 году на первомайском транспаранте была написана цифра: 1 млн. 110 тысяч м³ – это наша сплав контора брала обязательство столько сплавить древесины и мы с этим справились!

Кроме деревянных катеров собственного производства было еще 30 катеров Т-63 и небольшие самоходные баржи – такелажницы, на них возили тросы, мягкий такелаж, которым связывали лес. Когда лес довозили до Асиновской лесоперевалки, то такелаж снимали и снова везли вверх по реке в леспромхозы. Еще были катера – водомёты, они поменьше по размерам, и использовались для буксировки леса до запони. Для этого делалась ошланговка – цепочка бревен, скрепленных друг с другом, внутрь которой набивалась древесина объемов 1,5-2 тысячи кубометров. Так получался кошель. По бокам его стягивали веревками и тросами, чтобы он был длинный и мог плыть, не цепляя берега. Сзади бросали тяжелую цепь, чтобы кошель хвостом не разбило о берега. Тросами кошель крепили к катеру и тянули его со скоростью 3 км. в час, а то и медленнее, до запони, где лес подвергался сортировке и шел в Асино уже в сортименте.

Был еще один катер – служебно-разъездной. Корпус его варили в Томске из металла, длиной он метров 12 – 13, на нем работали капитан – моторист и матрос – повар. Катер предназначался для директора и сопровождающих его людей.

В 1951 году я из Богословки перевез в поселок семью: маму, бабушку и тетю. Нам дали домик размером 4 на 4, в котором когда-то была гауптвахта. Дома, которые остались от Сиблага, были очень низкие, в половодье вода

доходила до окон. Ох, и намучились же бедные женщины! Они одни боролись с бедствием, так как все мужики были на сплаве. Скот угоняли к Марчихе, там место повыше, старики его караулили по очереди. Женщины в любую погоду с ведрами и кормом утром и вечером плавали туда на лодках за два с лишним километра. Позже стали ставить дома повыше, и вода заходила только в подпол.

В 1953 году я пришел из армии на побывку. Мама уговорила меня сходить к директору Анисимову Федору Григорьевичу с просьбой поставить нам дом. Он хорошо меня принял и пообещал, что дом поставят, и я уехал продолжать службу на корабле. Дом нам, действительно, поставили размером 6 на 7. наш пятистенник и теперь стоит на улице Мира в Зырянке.

Задумавшему построить дом лес отпускался по 80 копеек за один кубометр и давалось три плотника. Дом ставили, а уж отделочные работы вел хозяин. В поселке Райздрава было много таких домов. А в пос. Мотофлота дома ставили щитовые, но Черявко Антон Григорьевич, например, сам себе выстроил настоящий дом.

Как в любом поселке у нас была начальная школа с двумя классными комнатами. Помню, что учила Останкина (имени не помню), и ходила из Зырянки молоденькая учительница. Школа была в хорошем здании. Магазин, клуб, столовая тоже были. Улица длинной была километра полтора, домов на ней стояло штук 40.

Была силовая установка с двумя двигателями Д – 6, которая освещала не только Мотофлот, но и поселок Райздрава, и село Зырянское до улицы Ленина. Для разнообразных работ держали до 30 лошадей. Машин не было, а вот два трактора С – 60 и ДТ имели. На них зимой много чего возили и из Асино, и из Томска. Летом все перевозки осуществлялись по воде. Зимой дорога в Зырянское была короткой - , через озеро Райздрава.

В 1957 году мне посчастливилось побывать на шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В составе Томской делегации нас было 50 человек, как раз вагон. От Зырянского района ездило 5 человек: Яковлев Леонид Николаевич – первый секретарь РК ВЛКСМ, зав. отделом культуры - Прибытков Николай Андреевич, я, который был тогда механиком катера и секретарем комсомольской организации, один вальщик леса из Черного Яра и одна доярка из Васильевки. Это такие неизгладимые впечатления! Были представители 130 стран, только от США делегация была небольшая из не очень молодых людей, отношения наших стран были холодные. По приезду я выступал перед комсомольцами, делился своими впечатлениями.

На Мотофлоте я проработал до 1960 года, потом его соединили с Асиновской лесоперевалкой и начали расформировывать. У нас катера уже не делали, деревообрабатывающий цех с таким хорошим оборудованием простаивал.

Как-то весной приехал директор головной сплавконторы Павел Степанович Буций (до Буцего работали: в 1949 году Пушкарев Михаил

Дмитриевич, потом Анисимов Федор Григорьевич и Белан Сергей Иосифович) и сказал, что необходимо перепрофилироваться, оказывая услуги населению: делать мебель, которой в магазинах тогда не было и таким образом зарабатывать деньги.

Осенью директор приплыл снова, благодарил сплавщиков, что они сплавили 1 млн. 200 тыс. кубометров древесины и спросил, сколько заработал деревообрабатывающий цех. Лес есть, станки и специалисты тоже, но те ответили, что ничего не делали. Директор строго спросил:

«А кому это я задание давал!? Не хотите работать, будем расформировывать!»

И расформировали. Катера распределили по участкам, куда они ушли вместе с командой. Там получили люди жилье и продолжили работать. Многих специалистов уволили.

В 1954 – 1956 годах в направлении Марчихи поселок стал расширяться: дома были поставлены, покрашены, только жильцов принимай! Но в 1962 году поселок Мотофлот исчез. Пойду туда, каждую деталь помню: вот тут склад был, тут кузница, береза все еще стоит... И вся душа выболит.

Поселок Мотофлот исключен из учетных данных 15 октября 1971 года.

Зима 1957 г. пос.Мотофлот. У саней стоит Ефремов Василий Алексеевич, 1938 г.р. провожает гостей из Богословки

Рабочие сплава участка п.Мотофлот на Первомайской демонстрации в 1956 г.

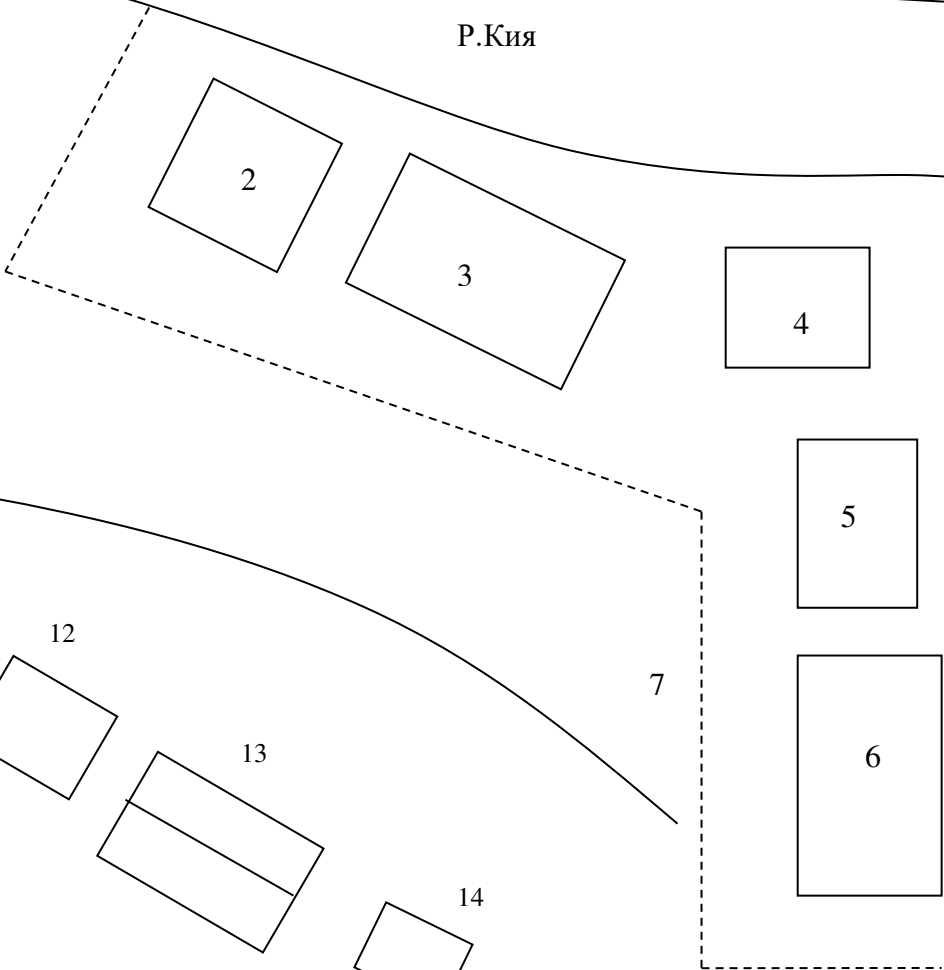
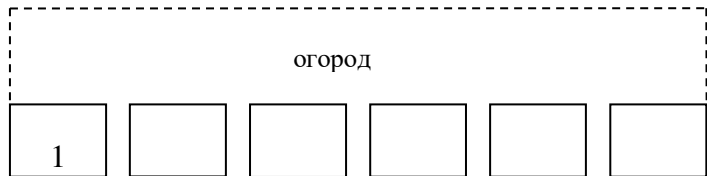
Пос.Мотофлот. 1957 год.
Службно-разъездной катер.
Женщина - повариха

Схема пос.Мотофлот.
Составил Ефремов В.А.

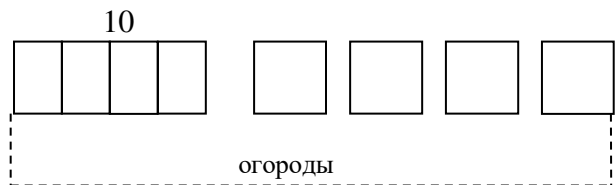
Р.ЧУЛЫМ

Р.Кия

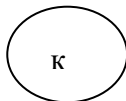
огород

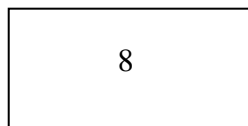
в Зырянское, 2 км.

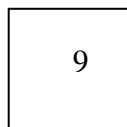
огороды

11

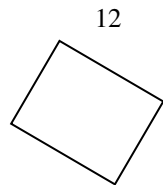

8

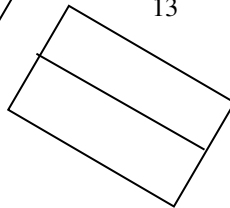

9

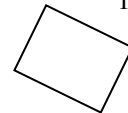
Условные обозначения:
 1 – дом Ефремовых
 2 – склад (запчасти, оборудование, аккумуляторы, постельное)
 3 – механический цех
 4 – силовая установка
 5 – кузница
 6 – гараж
 7 – выгороженная территория
 8 – школа
 9 – магазин
 10 – 4-х квартирный дом
 11 – колодец
 12 – клуб
 13 – щитовой дом

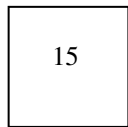
12

13

14

15

озеро Райздрава

Поселок Новосельский Мишутинского сельского Совета

Из воспоминаний
Кузнецовой Анны Никитичны,
бывшей жительницы поселка

Мои родители, Гончаровы Никита Яковлевич и Федора Егоровна, оба с 1872г.р., переселились в Мишутино в 1908 году из Могилевской губернии. У них уже было трое детей: Федос, Мария с 1905 г.р. и Василий с 1908 г.р. Василия крестили в Мишутино, но не в церкви, ее там не было, а в молельном доме. Я родилась в 1925 году и была пятнадцатым ребенком в семье! Моим родителям было уже по 48 лет. В старых моих метриках указано, сколько лет было отцу и матери и какой по счету этот ребенок у них появился на свет. Восемь детей выросли, а семеро умерли.

В 1927 году мои родители решили перебраться на высел Потекин, основателем которого был Потекин Иван Иванович. Поселились в лесу, корчевали деревья, распахивали землю. Перевезли сначала избушку из Мишутино, а потом уж поставили пятистенный дом. Окна в домах были одинарные, зимой заплывали толстым слоем льда. Тепло давали печки - «железянки», в морозы их топили днем и ночью.

На месте высела Потекина и образовался поселок Новосельский, который насчитывал 22 дома. В 1939 году в нем проживало 109 человек. Улица была одна, дом от дома стоял через 20 саженьей. В деревне был сделан пруд, куда запустили рыбу, особенно много в нем водилось карасей. Колодцы были почти у каждого во дворе. От Новосельского до Мишутино было 5 километров, до Дубровки всего 3 километра и до Берлинки – 12 километров. Если ехать по современной трассе, то от моста у Дубровки дорога шла направо высоко в гору.

Но пожить не дали: в 1930 году создается колхоз имени Куйбышева. Отец ни в какую не хотел в него идти. Братья были уже взрослые, и отец сказал, что если они хотят, то пусть заходят в колхоз. Им он выделил по лошади с телегой, а одному брату коня не хватило. Отец продал корову, чтобы купить коня, т.к. в колхоз нужно было войти с лошадьми. Но все равно отцу пришлось войти в колхоз, где он был разнорабочим. Колхоз был хороший, все жили очень дружно как одна семья. Хорошо работали, и хлеба получали немного больше, чем в соседних колхозах. Первым председателем колхоза был Юдин Иван Дмитриевич.

Я училась в Мишутино. Но еще до войны в нашей деревне из амбаров собрали здание школы. Учил детей Иван Тимофеевич (фамилию забыла),

потом Августа Лукьяновна Кудинова, после неё Мария Васильевна Иванова из Берлинки. Учеников было мало, и мои дети, как и я, учились в Мишутино.

Магазина в деревне не было, и мы ходили в Дубровку, но не за колбасой, а за керосином, да за солью и спичками. Одни девчонки старались не ходить, а в сопровождении женщин, т.к. на мосту встречали Дубровские мальчишки и стегали бичами.

Летом 1937 года отца забрали по линии НКВД. Приехали ночью с нашим деревенским исполнителем, а мы спали в горнице на полу. Я встала, чтобы пойти во двор, так дядька Кузьма пошел за мной, думал, наверное, что я что-то вынесу и спрячу. Больше от отца вестей уже не было. О был хороший человек, только Богу молился, никогда не сквернословил, никому не вредил.

Кузнецов Осип Степанович, будущий свекор, был бригадиром. Ему приписали, что он держал работника. В деревне у бабушки жил мальчишка-сирота, так бабушка просила: «Осип, возьми его с собой, все чему-то научится да где-то и подсобит». За свою сердобольность и пострадал свекор, дали ему 10 лет, отсидел он 6 лет, вернулся без глаза. На крыльцо его ввели под руки, у самого сил не было. Понемногу он оклемался, катал валенки, выделял овчины и шил шубы.

Мама в колхозе жала рожь серпом и бывало, скажет: «Нюра, к вечеру приходи помогать!» Днем снопы не стаскивали, чтобы зерно не осыпалось, а как упадет роса - ставили суслоны, сверху которого один сноп надевали как крышу. Попозже и я стала жать, пахала на конях, боронила. Воду на ферму возили в бочках. Дед Паша Нестеров был конюхом, а я помогала ему, запрягала лошадей. Сушили зерно в сушилке, в топку которой на катках загоняли трехметровые бревна.

В колхозе сеяли лен, рожь, пшеницу, держали коров, свиней, овец и кур. Я ухаживала за овцами и вырастила много ягнят. Стадо было в 50 голов. Меня в 1949 году премировали, дали овечку с ягнятами. За овцами я одна ухаживала, стадо было в 50 голов. Коров было мало, работала всего одна доярка, свинарник был хороший.

После Юдина И. Д. председателем колхоза имени Куйбышева работали Мазнев Яков Егорович из Иловки, Шалагин Николай Иванович из Михайловки, Данилин Никита Евграфович из Михайловки, немного работал брат - Гончаров Егор Никитич, Алексей Павлович Нестеров еще до войны работал.

Мой муж Кузнецов Филипп Осипович, 1922 года рождения, (его родители пришли в Мишутино из Пензенской губернии) в школе совсем не учился, но освоил специальность тракториста в Громышовке, был бригадиром тракторной бригады, работал в Берлинке, Дубровке, Мишутино.

На войну наших мужиков, детей «врагов народа», не брали. Взяли только тех, кто был с 1908 по 1912 годы рождения. Тех, кто с 1916 года рождения, отправили в трудовую армию в Сталинск (Новокузнецк). Туда попали

двое моих братьев и брат мужа, где они работали в шамотном цехе в силикатной пыли и получали неизлечимую болезнь легких. Брат мой умер.

Мы в Новосельском дожили до конца его существования. Предпоследними уехали Беликовы и моя двоюродная сестра. В конце – концов мы остались там одни: нас двое, трое детей и моя мама. Кстати, мама одного года не дожила до ста лет.

Однажды муж уехал на работу, я выхожу на улицу, а там лает чужая собака. Стало как – то жутко: откуда здесь чужая собака? Когда муж вернулся я сказала: «Так, дорогой, теперь, как поедешь на работу, мы все садимся на твой ходок и так будем ездить». Вот после этого в 1960 году мы перевезли свой дом в Мишутино. Зимой он пролежал в бревнах, а нам пока дали опустевший дом уехавших на родину мордовцев. Особенно мы радовались электрическому свету, потому что в нашей деревни были только керосиновые лампы.

Пос.Новосельский
Гончаровы Валентин
Алексеевич и Клавдия
Алексеевна

Гончарова Прасковья Осиповна,
1915 г.р.

Гончарова Федора Егоровна
1872 г.р.
из Могилевской губернии

Кузнецова Анна Никитична, справа
Беляев Иван, слева – муж Филипп

Гончарова (Кузнецова) Анна
Никитична, пос.Новосельский

Кузнецов Осип Степанович из Пензенской губернии с внуками,
пос.Новосельский

Кузнецов Филипп Осипович,
1922 г.р., пос.Новосельский

пос.Новосельский

Трактор-колесник в п.Новосельский около дома
Кузнецовых. 1950-е гг.

На улице пос.Новосельский

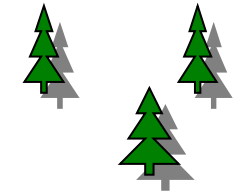
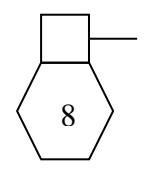
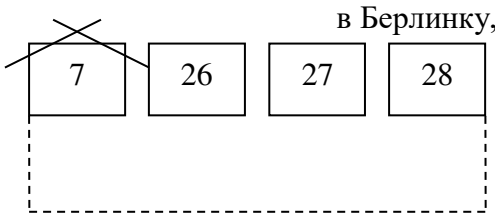
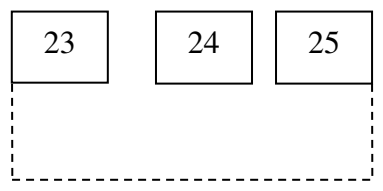
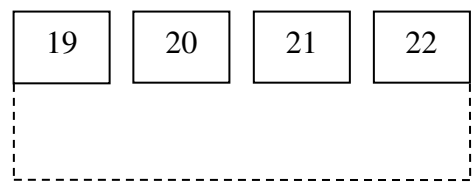
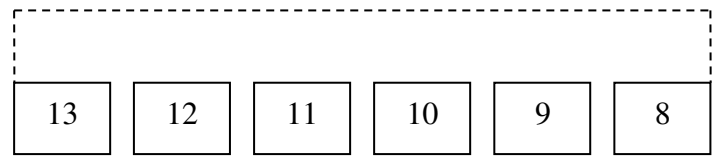
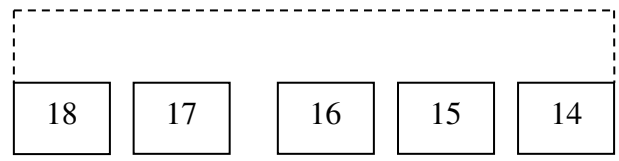
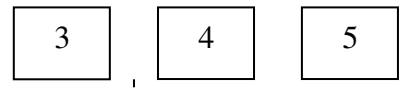
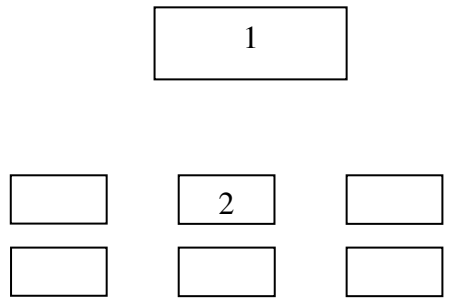
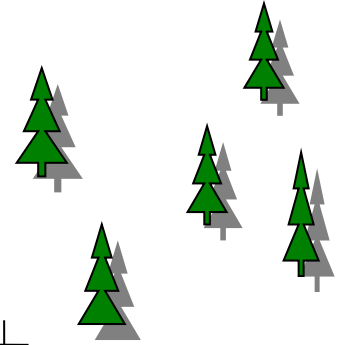
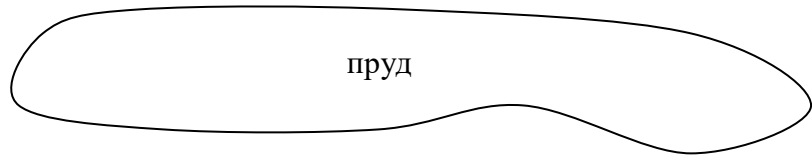
*Список жителей Новосельского высела в 1935 году*²⁰

1. Жорин Иван Алексеевич
2. Жорин Иван Васильевич
3. Шлыгин Егор
4. Пирогов Е. И.
5. Захаров Емельян
6. Мартыненко Е.
7. Пупышко Тимофей
8. Пупышко Иван
9. Гришин Петр
10. Крукцов Константин
11. Ефремов А.
12. Ефремов Владимир
13. Гончаров Ф. И.
14. Атрошпин Федор
15. Патекин И. А. – 2 коровы, 9 поросят, 5 ягнят, 4 овцематки.
16. Кузнецов И. С.
17. Глазков В. Е.
18. Кунгуров А.
19. Никитин Владимир
20. Нестеров А.
21. Беликов М.
22. Никитин А.Н. (вычеркнут)
23. Ганжсаров Е. Н.
24. Панкратов Ф.
25. Нестеров П.Н.
26. Нестеров Петр
27. Мишаров Степан
28. Мишаров Василий
29. Поведенок Иван
30. Куркин Гр.И.
31. Пупышко М.

---

²⁰ ГАТО, Ф.1501, Оп.1, Д.7,9

Схема пос.Новосельский,
Составила Кузнецова Анна Никитична

в Мишутино, 5 км.

в Дубровку, 3 км.

в Берлинку, 12 км.

- Условные обозначения:**
- 1-сушилка
  - 2-зерновые амбары
  - 3-кошара
  - 4-свинарник
  - 5-коровник
  - 6-кладбище
  - 7-школа
  - Дома: 8-Решетниковых из Дубровки
  - 9-Никитина Антона Евсеевича
  - 10-Глазкова Павла Егоровича
  - 11-Гончарова Алексея Никитича
  - 12-Нестерова Алексея Павловича
  - 13-Глазкова Василия Егоровича
  - 14-Кузнецова Осипа Степановича
  - 15-Потекина Ивана Ивановича
  - 16-Отрожкиных
  - 17-Потекина Павла Ивановича
  - 18-Гончаровых
  - 19-Гончарова Михаила Никитича
  - 20-?
  - 21-Мишарова Василия Григорьевича
  - 22-Сорокина Афанасия
  - 23-Нестерова Петра Павловича
  - 24-Нестерова Павла Павловича
  - 25-Федорова Федора
  - 26-Панкратова Василия
  - 27-Гончарова Егора Никитича
  - 28-Грошева Кузьмы Михайловича

Ново-Михайловка Дубровского сельского Совета

Поселок входил в состав колхоза «Красная Чигисла». В 1928 году в поселке было 17 домохозяйств с населением 92 человека (45 мужчин и 47 женщин).²¹ После войны поселок постепенно исчез. В похозяйственных книгах Зырянского архива за 1943-1946 гг.²²) числятся всего пять семей:

- Громовенко Матвей Михайлович, 1914 г.р. и его жена Елена Андреевна, 1914 г.р.;

- Копылова Афонася Андреевна, 1888 г.р. и пять ее детей;

- Федосеев Василий, 1916 г.р.;

- Михайлов Архип Григорьевич, 1912 г.р. чуваш и его жена Валентина А., 1914 г.р. и двое детей;

- Трофимов Марк Т., 1879 г.р., чуваш и его жена Анна Максимовна, 1892 г.р. и трое детей.

Вот такие очень скудные данные об этом поселке. Очевидцев найти не удалось.

---

²¹ ТОЦДНИ, Ф.28, Оп.1, Д.75

²²Ф.40, Оп.1, Д.7

Одринка *Дубровского сельского Совета*

Из воспоминаний
Чернова Юрия Егоровича,
жителя с. Дубровка,
Родионовой Нины Ивановны,
бывшей жительницы

В 1901 году был образован переселенческий участок Одерный с поселком Одерный.²³ В 1908 году в нем поселились выходцы из Курской, Витебской, Воронежской, Пензенской и Волынской волостей.

Название поселок получил по небольшой речушке, притоку Чигислы, Одер. Жители деревню звали Адринка. Старостой в деревне был избран Груздев Афанасий. Отец Груздевой Нины, Иван Павлович, был из Витебской губернии, а мама, Александра Ивановна, из Курской. Родители валили лес, строили себе дома. Речку запрудили и сделали пруд длиною почти в километр. Пруд копать нанимали татар. По дороге на Громышевку, через пруд соорудили мост, жители охраняли и пруд, и мост. Весной ремонтировали плотину, вода была чистая и светлая. В пруду водились караси и гольяны, воду оттуда возили в дома, поили колхозный скот и даже лоси зимой приходили попить из проруби. После объединения колхозов в этом пруду стали мочить лен, чем его и испортили, вода утратила свои качества, пруд стал цвести.

Почти у каждого жителя во дворе был колодец, вода была близко, всего два метра. Воду из колодцев не выкручивали, а просто черпали, как ковшом из кадки. Иногда ведро цепляли на крюк. Но в марте вода из колодцев исчезла, с весенними водами они вновь наполнялись. Наносило туда немало грязи и каждый хозяин чистил свой колодец до самого дна.

Дорога на Громышевку шла через Одринку, а Мишутино оставалось в стороне, но по современной трассе Одринка была бы по левой стороне дороги.

В 1916 году в ней было 36 дворов с населением 221 человека, в 1924 году уже было 49 дворов с населением 252 человека, в 1939 году проживало 211 человек. В Одринке было 105 лошадей, 43 коровы, 100 голов КРС, 155 овец и 117 свиней. Пашни Одринское сельское общество имело 284,5 десятин, покос отводился на годные мужские души с 17 лет. Передел земли осуществлялся ежегодно, чтобы не возникало раздоров. Набор культур небольшой: рожь, овес, лен, конопля и картофель.

Стояла в деревне шестобитка, куда со всей округи сдавали чесать шерсть. Во время коллективизации в деревне возник колхоз «Боевик». Был он совсем маленьким: 14 коров доила одна доярка, она же молоко

²³ ГАТО, Ф.239, Оп.1.,Д.36

сепарировала, вручную била масло и сдавала его на маслозавод. Груздева Нина пять лет пасла десять колхозных свиней, а когда их перевели в Дубровку, стала пасти овец. В 1950-е годы поголовье коров значительно увеличилось и было много лошадей.

В 30-е и 40-е годы в Одринке была начальная школа, учила всех Парахневич Мария Васильевна. Располагалась школа в доме Зевакина Михаила, семья которого из-за коллективизации уехали в Анжерку, бросив свой дом. Редко кто из детей ходил в 5-ый класс в соседние деревни, так как не в чем было ходить: зимней обуви и одежды не было. Овец держали много, но шерсть и мясо нужно было сдать государству.

В годы войны и в послевоенные годы деревня обезлюдила, мужиков не стало. Мальчишки почти все сложили головы, а некоторые мужчины вернулись, в их числе и Груздев Иван Павлович. Его с Александрой Ивановной Садгроновой (оба с 1904 года рождения) поженили в 16 лет, чтобы было кому работать, и они трудились, не покладая рук. Отец Ивана Павловича был очень экономным человеком. Он садил табак, продавал его и они смогли купить конную молотилку, веялку и трех лошадей: две рабочих, одну выездную. Деревенские жители помогали им обмолотить зерно, а потом себе брали эту молотилку. Но родителей раскулачили, все забрали, Иван Павлович ушел в Анжерку на шахту. С фронта он вернулся раненым, еще двое детей родилось (а в общей сложности их родилось 16, но взрослыми стали только 6). Его поставили бригадиром. Есть было нечего и бабы его жене все говорили: «Да мы бы такому мужику голову оторвали. Что, бригадир себе зерна не привезет?» Но он очень боялся: «Шура, если попаду, то не вернусь». Хлеба в колхозе давали от 100 до 200 граммов на трудодень. Если не вышел на работу, сразу снимали 5 трудодней. Нина Ивановна вспоминает: «Мы-то ели картошку и овощи, а для двух маленьких натаскали в карманах один улей зерна. Отец забил его досочками и сказал: «Ну, будя, дети, этого Витьке да Шурке на кашу хватит».

Кто-то на негодонес. Пришли с обыском и нашли эти 30 кг. зерна. Отцу дали 8 лет. Когда его забрали, родился еще один ребенок, который в годовалом возрасте умер. Отец отсидел 5 лет, пришел с туберкулезом и через 10 месяцев умер. До войны с нами жила бабушка, мачеха отца, мы ее очень любили. Бывало, сидит она за прялкой, а мы просим: «Бабушка, покажи, как в Расее плясали!» Она выйдет из-за прялки, пойдет по кругу: топ-топ..., да песню начнет петь. Мама моя, Александра Ивановна, мясо ей отдельно в чугунке в печке тушила, но она пожует немного и нам все отдаст, а мама скажет: «Да не давай ты им, они ведь что угодно съедят, а у тебя зубов нет!»

Устанет, приляжет на лавку, а под голову полено положит: «Детки, я маленько глаз с глазом сведу». Когда дед умер, она ушла в Громышевку к дочери, побоялась стать нахлебницей. Однажды вернулась, стоит в дверях с сундучком, такая маленькая и жалкая: «Шура, я ведь теперь совсем мало ем...»

« Да мы ж тебя не выгоняли!» - сказала мама.

Нина Груздева сбежала из колхоза в Анжерку без документов, устроилась на шахту, но через три месяца вернулась, очень соскучилась. Пришла, а там заем подписывают. Она спряталась, чтобы не увидели. И так троих из семьи подписали, а денег-то совсем не было. Она две недели сидела в подполье, пока эта кампания не закончилась.

Питание было очень скудное. Варили супы с крапивой и лебедой, деревянные ложки от такой еды становились зелеными. Если картошка в супе плавала, ее отдавали самому маленькому. Медунки, пучки, щавель, скорода... Как выжили?

Когда вышла замуж, то тоже не разбогатела. Дом мужа был слишком тесен, одна комната. Молодые спали на полу, а весной перебрались в кладовую. Постель устроили на крышке ларя – большого деревянного ящика. Однажды утром Нина открывает глаза, а на нее смотрит кто-то с бородой, с рогами, на краю постели копытца. Чуть дыша, растолкала мужа: «Ой, кто это?! Он засмеялся:

«Да это козел Тимохина Павла, он его недавно из Зырянки привез. Кто-то в сенях двери забыл закрыть, он и залез».

Построили Родионовы себе в Дубровке домик, а велась эта стройка только в свободное от работы время. Завели себе три поросенка, да тоже в историю попали. По закону, во времена Хрущева, можно было держать только двух поросят, кто-то их заложил (время идет, а люди такие же), велено было одного ликвидировать. Какой вес у маленького поросенка?! Кое – ак сдали мясо в столовую на 50 рублей, а штрафа получили на 60 рублей.

В 50-е годы XX века жили в Одринке Трубкины, Черновы, Груздевы, ссыльные латыши, Трусовы, Зевакины, Сорокины, Родионовы, Прокопьев, Степан – кузнец. Последними уехали из деревни Красноперовы в 1960 году, исключена из учетных данных в 1962 году.

Бывшие жители деревни только в памяти своей ходят по незабвенным берегам Одринки и пишут о ней стихи. Приводим стихотворение

Ивана Григорьевича Клопова.

Не знал я деревни красивой Адринки:
С огромным прудом, и с ажурным мостом...
Трудились крестьяне порой по старинке,
Следили в природе за каждым кустом.
Была небольшой деревенька родная,
Но не было скучно крестьянам там жить.
С утра до темна, расслабленья не зная,
Работали все, как положено быть.
А вечер придет, заиграет гармошка!
Девчата и парни уже на мосту.
К мосту же проложена берегом стёжка,
И слышится мелкая дробь за версту.
Поют, веселятся, всю ночь хороводят,

Но зорька рассветная гонит домой,
Влюбленные раньше подружек уводят,
Всё вместе подольше побудут зимой.
А праздник придет – весь народ на гулянках!
Играли в горелки, чижа и лапту.
И не было мысли о пьяных гулянках.
Без водки народ находил красоту.
Но жизнь обернулась с деревнею круто:
Не стало теперь деревеньки моей.
Как будто она помешала кому-то,
Погибла деревня по воле идей.
Исчезли дома, оскудела природа,
Лишь ветер осокой в пруду шелестит.
И нет уж Адринки, и нет в ней народа,
А пруд молчаливым укором блестит.

Чернов Юрий Егорович из Дубровки, бывший житель
Одринки

Одринка
Пень около амбаров, в центре
Груздева Екатерина Ивановна,
1949 год

Квардакова Васса Егоровна с
дочерью Ниной. Одринка

Александра Ивановна Груздева,
1904 г.р. Одринка

*Одринское сельское общество
Одринский переселенческий²⁴*

Ф.И.О.	Приехал в Сибирь	Губерния	Человек в семье	Пашня	Лошадь	Коров
Гуторов Антон Павлович	1912	Курская	10	13,2	3	2
Ниненко Герасим Егорович	1912	Курская	6	4,9	1	1
Пузанов Леонтий Кондратьевич	1909	Курская	6	7	3	1
Власов Прохор Антонович	1909	Витебская	8	3	3	1
Трупкин Евдоким Васильевич	1909	Калужская	7	4,7	2	1
Локтионов Иван Петрович	1909	Курская	5	3,2	2	1
Чернов Николай Петрович	1909	Курская	4	5,7	3	1
Чернов Иван Петрович	1909	Курская	10	7,6	3	2
Сохронов Иван Калистратович	1910	Курская	9	7,4	3	2
Зевакин Федор Васильевич	1908	Курская	10	8,6	6	2
Зевакин Василий Петрович	1910	Курская	4	5,1	4	2
Сухачев Ефим Демьянович	1910	Курская	7	2,5	-	1
Петренко Павел Самсонович	1908	Волынская	6	3,5	3	-
Козмин Константин Григорьевич	1908	Волынская	8	4,1	3	1
Козлик Козьма Григорьевич	1908	Волынская	6	8	3	3

²⁴ ТОЦДНИ, Ф.239, Оп.16, Д.159

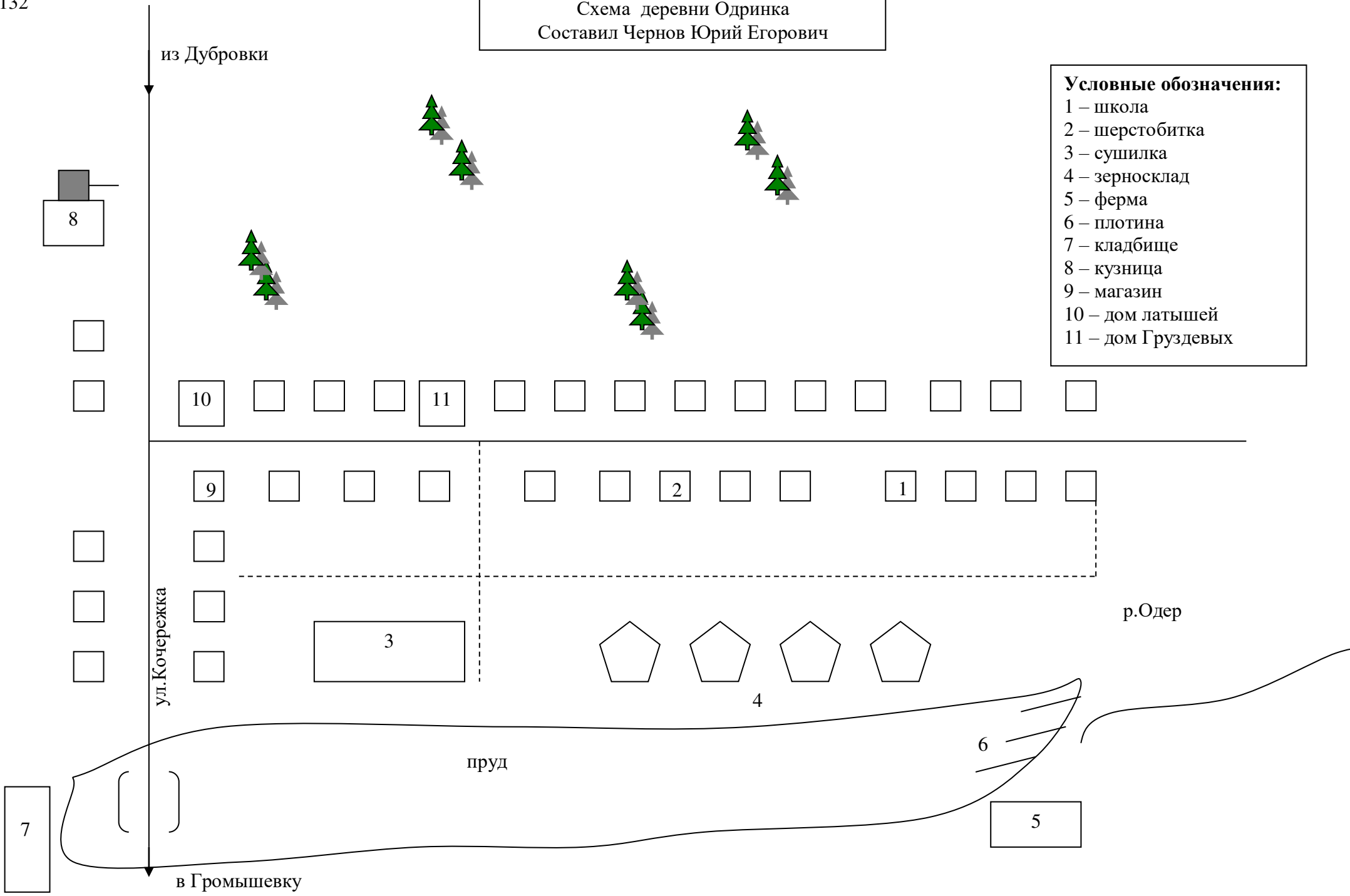
Поваренный Иван Ефимович	1911	Пензенская	7	4,1	2	2
Чернов Дмитрий Григорьевич	1908	Курская	3	2	-	1
Кожанов Александр	1909	Курская	8	9,8	5	2
Чернов Григорий Васильевич	1908	Курская	3	42	6	1
Зевакин Дмитрий Васильевич	1909	Курская	4	5,4	1	1
Митушин Яков Емельянович	1910	Воронежская	3	-	1	-
Митушин Емельян Локтионович	1910	Воронежская	5	6,5	3	-
Зевакин Проход Петрович	1909	Курская	7	12,3	4	2
Груздев Павел Исалиевич	1909	Витебская	3	3,1	3	1
Ручкин Константин Фирсович	1908	Калужская	5	2,5	2	1
Ручкин Владимир Фирсович	1908	Калужская	6	3,1	1	1
Чернявский Карп Никонович	1908	Витебская	10	9,9	3	1
Сухачев Иван Иванович	1910	Курская	2	7,1	4	-
Квардаков Николай Антонович	1912	Пензенская	7	8	2	1
Блесков Макар Иванович	1908	Витебская	4	2	1	-
Клоп Козьма	1908	Витебская	7	6,7	2	2

Григорьевич						
Чернов Иван Григорьевич	1908	Курская	4	2,1	3	2
Богданов Иван Андреевич	1909	Курская	7	11,4	5	1
Богданов Иван Иванович	1909	Курская	6	-	-	1
Трус Петр Никитоевич	1909	Курская	8	10	7	2
Кондратов Козьма Андреевич	1914	Курская	4	1	-	1

Итого: 36 домохозяев, 219 человек.

Схема деревни Одринка
Составил Чернов Юрий Егорович

- Условные обозначения:**
- 1 – школа
  - 2 – шерстобитка
  - 3 – сушилка
  - 4 – зерносклад
  - 5 – ферма
  - 6 – плотина
  - 7 – кладбище
  - 8 – кузница
  - 9 – магазин
  - 10 – дом латышей
  - 11 – дом Груздевых

Окунеевский Кордон Окунеевского сельского Совета

Из воспоминаний
Фаттахова Асипа Мухаметсалиховича,
бывшего жителя поселка

Окунеевский Кордон - это часть структуры Зырянского леспромхоза, возник он в 1939 году, где работали сосланные евреи. С началом войны мужчины ушли на фронт, евреи разъехались, были еще сосланные немцы, но рабочей силы не хватало.

Окунеевский Кордон относился к Симоновскому участку, там же получали зарплату. Ездили в Симоновку на лошади за 20 километров. Отец мой, Фаттахов Мухамет Салих Фаттыхович 1925 года рождения, был фронтовиком, дошел до Берлина в составе Сибирской дивизии, служил с 1943 по 1950 годы. Мобилизовавшись в 1950 году, он поселился в Окунеевском Кордоне. Был этот населенный пункт за деревней Тукай, в 10 километрах от него. Женился отец на 17-летней девушке из Тукая - Галие Касымовне Мухамадеевой. Ее согласия никто не спрашивал. Отец просто показал на нее пальцем: «Вот эта нравится!».

В деревне было 15 домов, а наш дом стоял на краю. Дома все были маленькие: прихожая с кухонькой и комната, крыша двухскатная. Первый наш домик был поход на небольшую избушку. Пол не крашен, из мебели только деревянная кровать да лавки вдоль стен. Позже лесхоз построил большой двухквартирный дом, на крыше его из бересты выложили заметный номер «13», чтобы с самолета его было видно. На этом участке размещался пожарный пост. Одну половину дома заняла наша семья, а в другой жили Ивонины. Не смотря на то, что поселок был маленький, в нем имелась начальная школа, где учительствовал Василий Мартынович (фамилия забылась). К тому времени, когда я пошел в школу в 1963 году, ее уже закрыли. Мы, пятеро кордонских ребят, учились в Тукайской школе. Только выходные дни и каникулы проводили дома, с родителями. Я жил у своей бабушки Мукарамы Низамутдиновны. В ее маленьком домике было полно народа - 8 человек.

Деревня наша стояла одной широкой улицей, по ней ходили груженые лесом лесовозы. Население составляли наполовину татары и русские. Все были необычайно дружны, обязательно делились с соседями охотничьей добычей.

Помню, на 1 Мая, улица вся гуляла за нашим двором, вдруг залаяли собаки у пожарной вышки. Отец схватил ружье и бегом туда, убил сохатого в

пятистах метрах от дома. Все взяли ведра, топоры, коромысла и пошли разделять тушу, разделили ее всем поровну. Прямо на костре наварили мяса и продолжали праздновать. А уж гуляли подолгу, переходя из дома в дом. После каждой гулянки колотили мужики своих жен по-черному, то ли от ревности, то ли от скуки. По утрам женщины собирались у колодца, у каждой синяки да ссадины.

С 1956 по 1966 гг. в деревне ни разу не случилось ни одной чрезвычайной ситуации: ни кого не убили, ни кого не обокрали. Милиционера я увидел впервые в 1965 году. Он поразил мое детское воображение: сидел верхом на лошади верхом в красивой форме, сбоку кобура. И я стал мечтать, что стану милиционером.

Жили у нас еще Поповы, Гайнутдиновы, Меденковы, Комлевы, Камаровы, Гизатулины, Шарифулины, Новоселовы, Мартыновы. В небольшой деревенский клуб по выходным приезжала кинопередвижка, и народ со своими стульями тянулся в кино, так как мест в зале всем не хватало.

Мы, ребята, очень любили лазать на пожарную вышку, которая поднималась вверх на 30 метров. Там, вверху, не донимали комары. Дедушка – наблюдатель поднимался туда каждый день и в бинокль отслеживал, нет ли где возгорания. Иногда он подремывал, а мы рассматривали в бинокль окрестности. А уж природа была вокруг богатейшая: кедрач, сосняк... - сплошной лес, в котором полно клюквы, брусники, черник, смородины. Жители эти лесные дикоросы собирали и сдавали, зарабатывали дополнительные деньги. В нашей семье для себя мочили кадочку брусники. Прибежишь, бывало, с улицы, пробьешь ледок сверху да напьешься холодного брусничного сока. Очень много было грибов: и солили, и сдавали. Все лесорубы были еще и охотниками, ружье всегда носили при себе, боровую дичь тоже сдавали заготовителям.

Женщины в основном были домохозяйками. Загидулин Латфулла поселился в Кордоне значительно раньше Фаттаховых. В то время никаких огородов при домах не было. За поселком были чистые, не заросшие лесом участки, вот их распахали и занимались огородничеством. Скот тоже сначала не держали. С конца 1950-х годов уже развели большие огороды и держали помногу скотины. Фаттаховы держали две коровы и, соответственно, 6 голов КРС, до 25 овец, 50 гусей, до 40 уток и свиньи. Обрусевшие татары ели свинину, а вот бабушка, мать отца Фаттахова Макфура, держала себе отдельную посуду, отдельно готовила и даже в руки не брала свиного мяса или сала. Интересно, что щук она тоже не ела, т.к. у нее где - то на голове крест, а мусульмане ничего, связанного с крестом, не употребляют.

Расскажу интересный случай про свиней. Однажды с отцом мы купили в Шиняево поросят, приехали домой и выпустили их, плохо закрыв загон. Утром поросят нигде не было. Поехали их искать в Шиняево, а они похрюкивают в хозяйском дворе. Вот и говори, что свинья - глупое

животное. До Шиняево 7 километров, и Кию ведь надо переплыть! Когда купили, мы их везли в мешке. Осталось загадкой, как же они дорогу нашли?

Мы, дети, были предоставлены сами себе, никто за нами не следил, не опекал. Я с трёхлетнего возраста плавал на обласке. А с двух лет меня отец брал на охоту, таская за плечами в рюкзаке, из которого одна голова торчала. Когда подрос, то по два дня, бывало, не виделся с родителями: убежим с удочкой утром - они еще спят, они вечером придут - мы уже спим. Как-то не боялись они за нас, и ничего с нами не случилось.

В полутора километрах от деревни стоял смолокурный завод. После выгонки смолы и скипидара оставался древесный уголь, за которым приезжали из Красноярска и увозили его в длинных полосатых мешках.

Лес сначала привозили и стаскивали в реку, сплавляли. Позже стали приходить катера с баржами и увозить пиломатериал, который производили на пилораме. Отец был начальником отделения ЛЗУ Симоновского участка.

Деревня разъехалась к 1965 году, потому что работы уже не было. Наша семья еще целый год одна жила в лесу, правда, стояло несколько пустых домов. Пожарный пост еще числился, и отец работал там лесником.

Интересно, что кладбище у нас не было, хоронили в Тукае или в Туйле, кто откуда был родом. В 1966 году в Тукае освободился дом на улице Цветочной и родители купили его за 500 рублей. Мы переехали в Тукай. Но мое детство, связанное с Окуневским Кордоном - самое счастливое время!

К этому времени я уже закончил в Тукае 4 класса и уехал учиться в Окунеево, где тоже проучился 4 года. Все 8 лет школьной жизни прошли вне дома, родители не видели меня - ученика. Как я делал уроки и все ли выполнял – это прошло без них и мимо их.

У нас дома был большой радиоприемник «Родина», и мой отец по ночам слушал передачи о хоккее и футболе. Я не понимал, что интересного в том, чтобы только слушать комментатора. А когда появился телевизор, он не пропустил ни одной программы об этих видах спорта. Служил после войны отец в Москве, возил там какого-то командира, а он брал его с собой на матчи, отец там и прирастал. Умер он в 1993 году, а мама в 1975.

Я же после восьмилетки поступил в Новосибирское ПТУ № 18, в 1973 году окончил его по специальности «электрослесарь по ремонту городского электротранспорта». Один год отработал в Кировском депо. В 1974 году был призван в армию. После армии пошел работать в милицию в Зырянке, не изменив детской мечте. Вся моя трудовая биография связана только с Зырянской землей.

Окуневский Кордон исключен из учетных данных 15 октября 1971 года в связи с прекращением разработки леса.

Окуневский Кордон
Слева направо:
Ивонина Нурия, Гайнутдинова Маптуха,
Мухамадеева Шарфи, 1960 г.

Фаттахов Асип.
Окуневский Кордон, 1960 г.

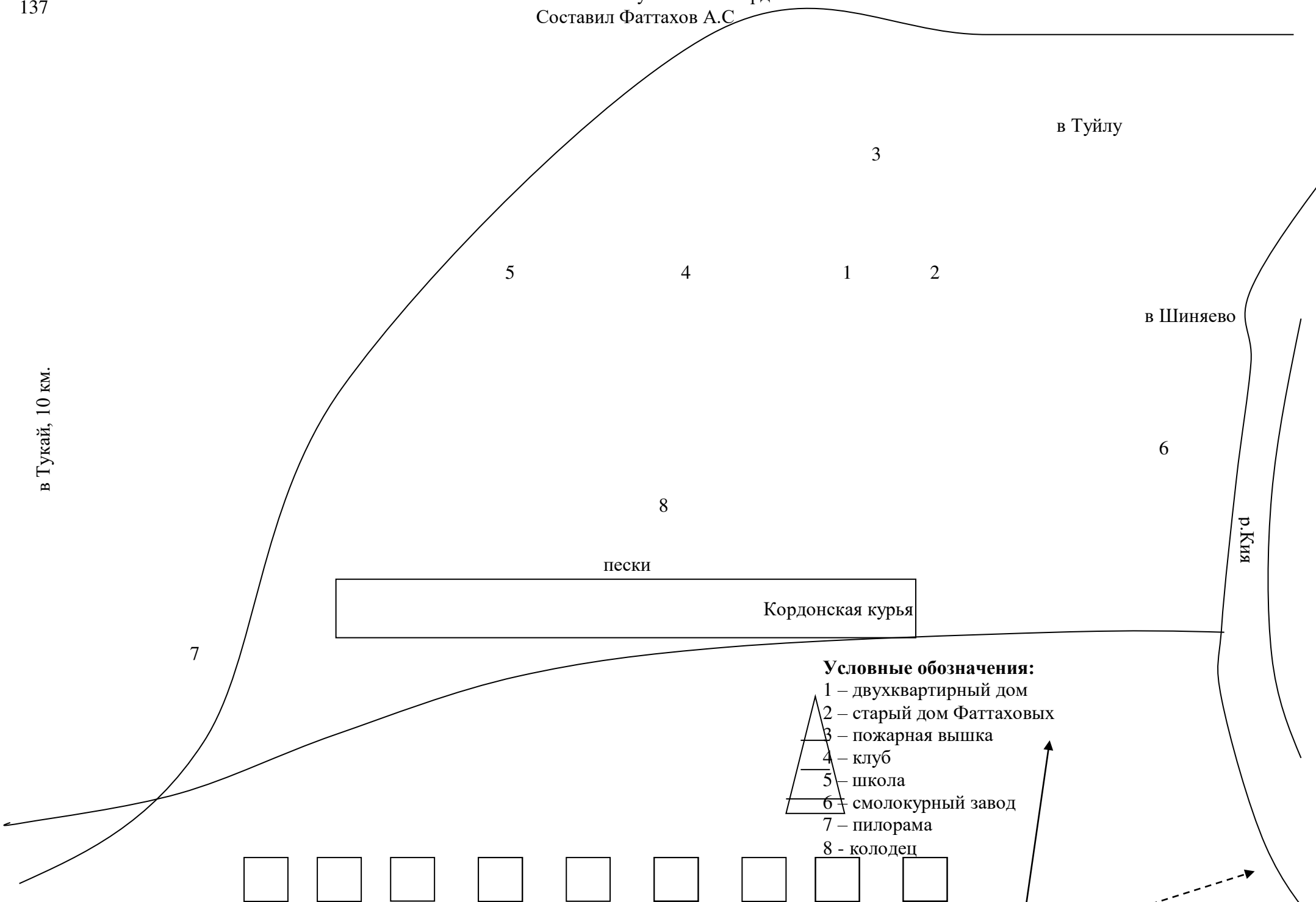
Новоселье в Кордоне.
Слева – Фаттахов Мухаметсалих, 1960 г.

Около нового дома Фаттаховых.
Слева – Мухаметсалих с женой
Галией Касимовной

Схема поселка.Окунеевский Кordon
Составил Фаттахов А.С

в Туйлу

в Шиняево

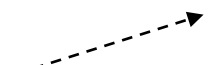
в Тукай, 10 км.

р.Кия

Кордонская курья
пески

Условные обозначения:

- 1 – двухквартирный дом
- 2 – старый дом Фаттаховых
- 3 – пожарная вышка
- 4 – клуб
- 5 – школа
- 6 – смолокурный завод
- 7 – пилорама
- 8 - колодец

Павловка

Громышовского сельского Совета

Из воспоминаний
Рябцева Геннадия Максимовича,
бывшего жителя села

Павловка, милая сердцу Павловка!

Как же могло случиться, что такая большая деревня исчезла с лица земли?

В «Списках населенных мест Томской губернии» за 1926 год назван год основания Павловки - 1912. Но Геннадий Максимович не соглашается с этим, потому что его отец, Максим Сергеевич, в Павловке родился, дед Сергей Сергеевич жил до этого здесь. А прапрадеда Геннадия Максимовича выслали в Сибирь с Кубани за то, что спалил он атамана, когда тот крепко обидел его жену. Высекли прилюдно на кругу и отправили.

Архивные материалы²⁵ говорят о том, что переселенческий участок Павловский (Кожинский) образован в 1907 году.

В сельскохозяйственной переписи населения 1917 года²⁶ назван год основания деревни – 1908. Это наиболее точная дата, потому что перепись была всего через девять лет, все еще было живо в памяти людей.

Было в Павловских хуторах в 1917 году 171 хозяйство. Его население считало лучшей формой землепользования - единоличную хуторскую. Земли на водворенную мужскую душу было отведено по 13 ³/₄ десятин, усиленного сосредоточения хуторских наделов в одних руках отмечено не было. Группы домохозяев объединялись только для того, чтобы совместно пользоваться выгоном. Работали крестьяне, что называется, не покладая рук. То ли погода не благоприятствовала, но только было за все предыдущие годы всего два хороших урожая ржи, а плохих - целых пять, а овса и льна и того больше - семь плохих урожаев, картошка всего один год богато уродилась, а семь лет отмечался плохой урожай.

Общественные расходы Павловского сельского общества в 1916 году составили 1726рублей 90 копеек, из них:

Государственная оброчная подать - 66 рублей 80 копеек

Губернские земские сборы - 41 рубль

Волостные сборы - 633рубля 10 копеек

Жалованье старосте, писарю, сторожам - 586 рублей

На содержание школы и церкви - 400 рублей

Повинность была разложена по 3 рубля 16 копеек на мужскую душу, а натуральные повинности (починка дорог, мостов, поставка подвод) исполняли по очереди.²⁷

²⁵ ГАТО, Ф.239, Оп.1, Д36

²⁶ ГАТО, Ф.239, Оп.17

²⁷ Там же

Геннадий Максимович с горечью говорит: как могла исчезнуть с лица земли моя Павловка, если в 1926 году в ней было 250 дворов и 1344 жителя! Для сравнения: в селе Зырянском в 1924 году было 270 дворов и 1330 жителей. Распад деревни начался, несомненно, с созданием колхозов, самых трудолюбивых людей раскулачили, в том числе дядю Василия Сергеевича с семьей выслали в Нарымский край (документ от Яковлевой Т.В.). Кто-то, схватив шапку в охапку, бежал от коллективизации и репрессий в рабочие поселки Кемеровской области. Среди таких был и мой отец. И перед войной, в 1939 году, Павловка насчитывала только 307 жителей.

Я жил в Новой Павловке, а на другой стороне речки изначально была Старая Павловка, в которой жили Суязовы. Когда Старая Павловка исчезла, там колхоз на ее месте построил новые дворы, фермы, конный двор, башню, кузнецу. Вдоль речки были вырыты колодцы всего полтора метра глубиной, вода в них поднималась до верхней грани и постоянно текла ручейком в речку через специальные окна в срубе. А в Новой Павловке вода была глубоко и в погребах жителей никогда не появлялась.

От деревни вплоть до Вамболинской границы тянулись по обе стороны речки хутора, или дворища. Старики говорили, что людей насильно выселяли на отруба, а они, протестуя, бросали земли и опять уходили в рабочие поселки. Я помню, кажется, все эти дворища: по одной стороне Логуновы, Парахневичи, Олейниковы, Лауткин Лог, Николайченкин, брат моего деда Василий Рябцев, Якушево, Задираново, Прокопчиково, Беликово, Козлово, Зюзиково, Коврижикино, Митяево. В этих дворищах-хуторах жили по одной семье, стоял дом и все постройки. С другой стороны реки, в направлении Вамбалов, были: Амросово, Тимофеево, Тришкино, Смертенкино, Козлово, Баулово, Логуново. В церковь жители ездили в Громышовку, в Михайловку, в Богословку. Земли на отрубках было разное количество, потому что изначально переселенцу земля нарезалась на мужскую душу, а потом кто-то ее покупал, кому по наследству переходила, а кто-то отказывался от земли, не имея возможности все обработать.

Был когда-то в деревне богатей Павлов, имя его уж никто не вспомнит. Когда я еще 9-летним ребенком возил копны на покосе, то слушал разные байки, которые взрослые травили в перерыве. Помню, рассказывали, что этот Павлов занимался разбоем. Он нанимал работников, держал их год-другой, потом разом выплачивал заработок и отправлял восвояси. Сам выслеживал, куда они пойдут, убивал и деньги забирал. Одна женщина из Колыона была у него три года в няньках, понаслышалась о своем хозяине. Получив расчет, не пошла дорогой, а пряталась в лесу, перебегая от дерева к дереву. Он мимо нее раза три проезжал, все искал, да не смог найти. Она-то эту историю потом и рассказала.

Жители Павловки заботились об образовании своих детей. В протоколах Павловского сельского Совета²⁸ в 30-е годы XX вв. часто поднимался вопрос о работе школы. Например, на общем собрании

²⁸ ГАТО, Ф.1468, Оп.1

кандидатской группы д. Павловки 18 марта 1930 года слушали доклад заведующего школой товарища Партина и в резолюции отметили, что:

1. Посещаемость занятий упала на 30 процентов.
2. В общежитии школы не принято мер к организации досуга детей и подготовке уроков.
3. За год не было ни одного родительского собрания
4. Работу по ликбезу учителя не вели.
5. Подготовка школы к весеннему комплексу работ идет слабо и не собрано ни одного килограмма семян для школьного посева.

А вот пятый пункт интересен: ведь в наше время школа обязана садить огород для собственной столовой, а в то время нужно было еще сеять и зерновые.

Отмечали оторванность учителей от нужд сельского совета и коммуны. В протоколе №20 за 1931 год постановление собрания, на котором присутствовал 61 житель: «Поставить дом в коммуне и артели, разделиться на две группы с общежитием и питанием детей из коммуны и артели. Требовать ликвидатора на 1931-1932 учебный год» (очевидно, ликвидатора неграмотности).

Ставили вопросы о постройке своей школы в с/х артели (Васильевка), о кладке печей, о подвозе дров, об уборке школьного посева и т. д.

В годы войны из каждой семьи кто-то из мужчин ушел на фронт, а вернулось всего 8 человек. В годы войны и сразу после нее в деревню прибыли ссыльные немцы и латыши, хотя про латышей говорили, что они эвакуированные. Латышей было 10 или 12 семей. Карл Эйзет работал агрономом. Они имели собственные дома в павловке и уехали только из-за того, что начался развал деревни.

Народ у нас был дружный. На воскресниках только за один год срубили клуб, помещение под станцию, гараж и пять домов для нуждающихся односельчан. В нашей семье было 9 детей! Моя мама имела все три ордена Материнской славы и награждена орденом «Мать-героиня». А она ведь не сидела дома с детьми, она еще и работала в колхозе сначала разнорабочей, потом дояркой и награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Дом был у нас крестовый, добротный, размером 9 на 13, теперь он стоит в селе Колыон Кемеровской области. Кстати, в Колыоне я учился в 5,6,7 классах, там жила моя тетья. В Павловке школа была начальная.

С началом коллективизации в Старой Павловке образовалась коммуна, председателем был Дедков в 1930 году, а в Новой - сельскохозяйственная артель. Далекое не все захотели войти в колхоз. В похозяйственной книге Павловского сельского Совета за 1935 год только 43 двора отмечены в Павловской сельхозартели, а единоличных хуторов было 62, большинство из которых - середняки. Если имелась только одна лошадь, то хозяин был уже середняк. У Горбунова Ивана семья была 10 человек, имел он только одну лошадь и одну корову. В этих же списках хуторян два кулака: Потехин

Афанасий Карпович 1895 года рождения, имел семью 7 человек, но 7 лошадей и 7 голов КРС. Для такой семьи это было «слишком много». Лаутко Егор, 1867 года рождения, с семьей из 4-х человек тоже имел по 7 лошадей и КРС. Середняков потом «раскулачили» и выслали многих. Семьи были немалые: Рябцев Семен Васильевич 1901г.р.-7 человек, Олеников Михаил Никитович, 1898 г.р., - 9 человек, Рябцева Христя Сергеевна, 1902 г.р., - 8 человек.

Коммуна себя как-то изжила, позже образовали колхоз им. Ленина (вместе с Платоновкой). В 1954 году председателем колхоза стал Васильев Анатолий Георгиевич. При его руководстве деревня воспряла, началось новое строительство, т.к. приехали новоселы из Мордовии, приобреталась техника. У нас была своя электростанция, где стоял локомотив, который топился дровами. В смежном помещении стояли трактора, там же их и ремонтировали. Колхоз пахал и сеял, земель вокруг было достаточно, раскорчевку леса под новые земли вести не приходилось.

Я работал на разных тракторах и помню все их марки. Сначала были колесники, тракторы наподобие «Белоруса», но в них не было кабины, к металлическим колесам прикручивались болтами шипы. По мерзлой земле на таком тракторе было ехать нельзя, шипы отламывались. Когда эти трактора заменили более совершенными, то мужики из шипов наделали себе топоры, колуны. МТЗ-2 тоже был без кабины, МТЗ-5 ЛС походил уже на современный трактор, но так же не имел кабины. В 1964 году получили трактор МТЗ-50, он имел качающееся сиденье и его называли «дамский». Комбайн у нас был один прицепной, по полю его тащил трактор, назывался он С-6 - «Сталинец» с шестиметровым захватом жатки, в 1965 году его списали.

В 1963 году получили два самоходных комбайна марок СК-3 и С-4М, а в 1964 еще С-4, т.е. у нас было уже три самоходных комбайна и один прицепной. У колхоза имени Ленина на счету было 450 тысяч рублей! Рядовым колхозникам платили на трудодень как механизаторам - по 4 кг. хлеб. Добровольно из Павловки никто не уезжал.

А потом началось укрупнение колхозов, и наш, имени Ленина, соединили с колхозом имени Сталина, с Громышовкой, которая находилась в семнадцати километрах от Павловки. В Громышовке было три колхоза: имени Сталина, имени Чапаева и имени Дзержинского. Наш колхоз сразу оказался в должниках, т.к. громышовские колхозы имели огромные долги. Платить колхозникам сразу стали хуже.

Здание, где была электростанция и гараж, выстроенное общими усилиями на воскресниках, увезли в Громышовку. А локомотив поставили на сани и тоже потащили туда, но дотащили только до Платоновки и перевернулись. Разве могли сани увезти такой огромный локомотив?! Маховое колесо отломилось, так оно и валялось там, пока на металлолом не сдали.

Рядом с начальной школой деревня начала возводить здание для 8-летней школы, Платоновка к тому времени уже разъехалас, их школу перевезли в Павловку. Уже рамы в косяках стояли. Так вот эту школу украли в буквальном смысле слова. Пока все были в поле, тракторы сняли с сева, и увезли здание. В Громышовке в этом здании сделали интернат, где жили потом павловские дети.

Была у нас хорошая ферма молодняка КРС, в 1967 году гурт угнали в Громышовку, и жители понемногу стали уезжать. Уехали мордовцы. Кто на родину, кто в Красноярку. Это Еремины, Моторины, Облясовы, Чесноковы.

Линию электропередач провели в 1964 году, но даже трансформатор забрали из Павловки а нам вернули допотопный движок. Потом еще гурт скота угнали, работы не стало, и в 1969 году остался 21 жилой дом. Еще жили Евдокия и Елена Татаренко, бабушка Шитакова, Суязов Никита Михайлович, Загородний Анатолий, Якушев Павел, Татаренко Павел, Тимофеева Татьяна, Иван Чуйко, Рябцева Нина Измайловна, Митяевы Мария, Марина и Анна, Баканов Александр, Михалева Варвара, Якушев Николай, Галузов Алексей, Рябцев Федор, Шнайдер Эйда....

В 1971 году из Павловки с милицией выселили «последнего из могикан» - Суязова Никиту Михайловича с детьми: Михаилом, Виктором, Верой. Вот и все, Павловка прекратила свое существование.

Исключена из учетных данных 15 октября 1971 года.

Механизатор Татаренко Валентин Михайлович у здания школы в Павловке. 1969 г.

Дети из Павловки у реки Туендатки. 1969 год

Около дома Рябцева Максима Сергеевича.
Свадьба Геннадия Максимовича. 1970 г.

**Фотографии из личного архива
Шнайдер Раисы Иосифовны**

Слева: Михаил
Константинович Татаренко,
Австрия, 1946 год.

Друзья Геннадий Максимович
Рябцев и Татаренко Валентин
Михайлович в Армии, 1967 год.

Жители с.Павловка. Слева направо:
 Вверху: Абражеев Владимир, Шнайдер Яков, Мокшеев Владимир.
 Внизу: Шнайдер Раиса, Алинкина Анна, Митяева Маша, Шаландова
 Рая.

Дети Павловки около клуба, 1961 год

Школьники с.Павловка,
учительница Галина Анатольевна Несмеянова.1967 год,

1-4 классы Павловской школы, 1948 год.
Учителя – Романова Варвара Сидоровна, Зазина Анна Георгиевна

МВД РФ
УВД ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Выдана: Яковлева - Рябцева
Татьяна Владимировна 1922 года

в том, что Управлением Внутренних дел Томской области
пересмотрены материалы архивного дела N Р-13468
" " 6 1935 году на основании Постановления
СНК и ЦИК СССР от 1 февраля 1930 года выслена из

Зырянского р-на в

Тарбагатайский р-н

Томской обл.

С учета спецпоселения снята в Томской области

" 15.02. 1941 года. На основании Закона РСФСР

" О реабилитации жертв политических репрессий "

от 18 октября 1991г. ст.3 пункт " В " признан

реабилитированным.

Начальник ИЦ при УВД
Томской области

Исп. Климова

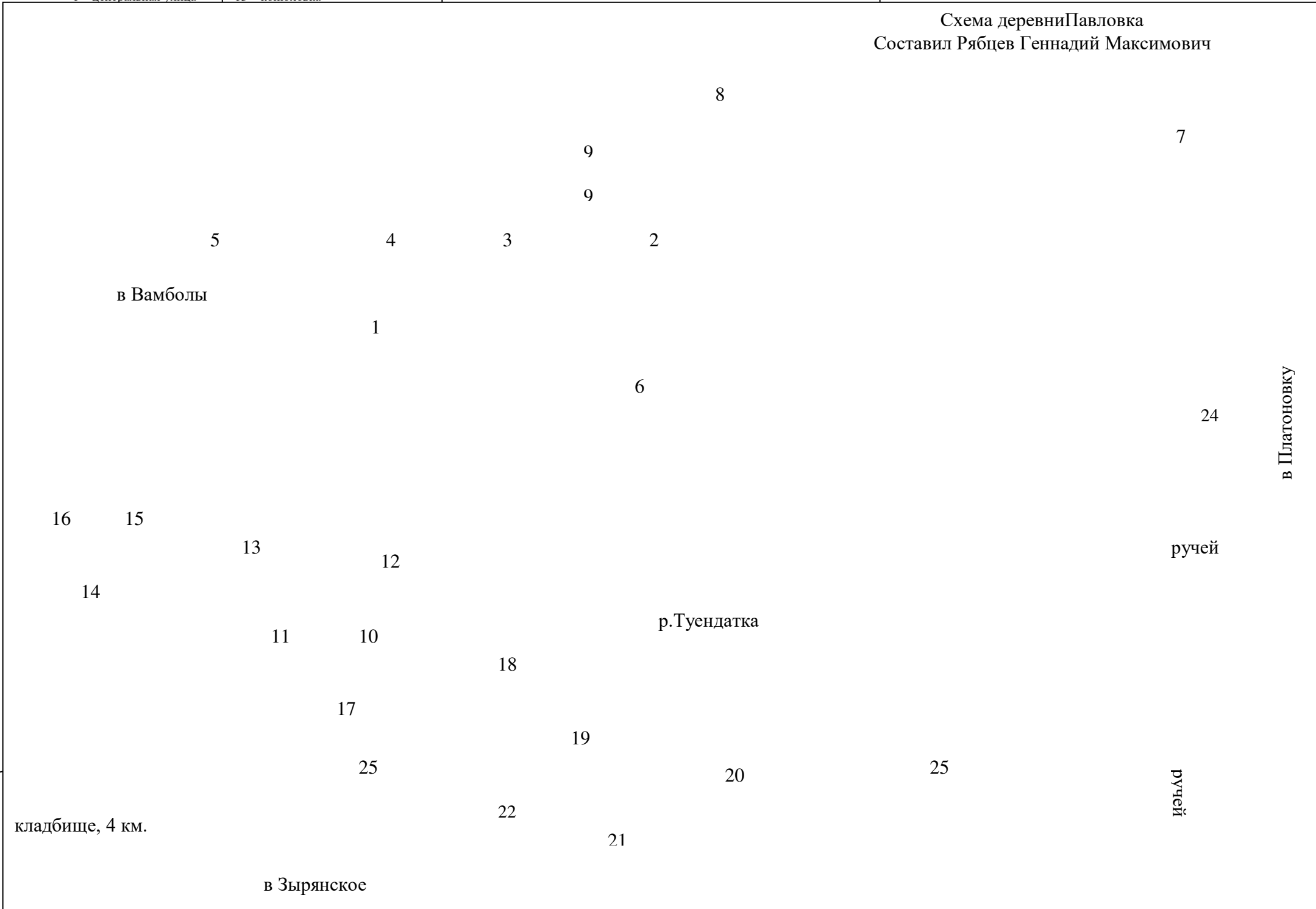
" 29.06 1993г.

Условные обозначения:
1 – центральная улица

14 – конный двор
15 – коноховка

Схема деревни Павловка
Составил Рябцев Геннадий Максимович

Платоновка Громышевского сельского Совета

Из воспоминаний
Чуйко Аграфены Иосифовны,
бывшей жительницы деревни

Две девчонки деревни Платоновка сидя за партой, обливались горючими слезами. Душила обида, непонимание. За что!? За что уполномоченные из сельсовета, придя к ним в школу, посадили девчонок на стул и, зажав

голову, обрезали косы? Они – дети врагов народа! Почему отцы враги – девчонки не знали. Их отцы тоже этого не знали. Детей врагов, а их было шестеро в Платоновской школе, садили только на последние парты, всем детям, кроме них, выдавалась форма – матроска. Не закричишь, не пожалуешься... Долго мучили.

«Приехали мои родители в 1903 году из Брянской области, села Сураж, а с ними дедушка с бабушкой мои, дяди и тети. Дедушка Медведко Михаил Романович, отец – Медведко Иосиф Михайлович, 1874 года рождения, и мама Пелагея Ивановна, 1876 года рождения.

Поселились они в старой деревне в Павловке около пруда, но приехал землемер и «разогнал» всех по хуторам. Мои родители поселились на Тереховом хуторе, основал который Терентий Алфимов. Семья как-то решила переехать снова в Павловку, но там была организована коммуна, и мама никак не хотела в нее, она никак не могла представить себе жизни, когда общая баня, общий котел. Так и жили на хуторе. В 1938 году, в августе, отца забрали по линии НКВД как вредителя и расстреляли.

Остались в доме женщины без хозяина. Воры растащили пасеку, в которой было более 30 ульев, а затем и последнего быка украли, хотя они его ставили в амбар под замок, да еще и за ноги цепью замыкали. Выйти из дома боялись, кругом лихой народ. Муж старшей сестры перевез их к себе на Митяев хутор, где было 3 дома.

Старшие сестры Арина и Анна ушли ночью в Анжерку. Брат Терентий уехал на золотые прииски в Балей, оттуда его призвали на фронт, в 1942 году он погиб в Белоруссии. Еще один брат работал на военном заводе. Было одиннадцать детей!

С хутора четверо ребят ходили в учиться Платоновку. Обуть было нечего, вили веревочки и плели их них лапти. На Митяевом хуторе зять набрал коровьей, конской да короткой овечьей шерсти и скатал Аграфене валенки, но через день такие валенки уже расползлись.

Школа в Платоновке была из красного леса, веселая, светлая, вокруг красивые посадки. В Платоновке Аграфена закончила 4 класса. Первыми ее учителями были Василий Павлович Головин и его жена Анна Алексеевна, дом которых стоял недалеко от школы. В непогоду Василий Павлович разрешал детям заночевать прямо в школе. Аграфена Иосифовна вспоминает его, как хорошего человека и хорошего учителя. Учились в Платоновке дети из деревни Багулиной и из Александровки. В 1940 году Медведко переехали с хутора.

Историческая справка²⁹

В Платоновке в 1935 году проживало несколько семей Платоновых:

- Платонова Анна Васильевна, 1890 года рождения, с сыновьями: Иваном 1916 г.р., Леонидом 1922 г.р., Петром 1924 г.р. и Дмитрием 1926 г.р.

-Платонов Андрей Ильич, 1912 г.р., который был секретарем сельского Совета, его жена Мария с 1914 г.р. и сын Виталий, 1934 г.р.

Платоновке, или на Павловских хуторах, проживали еще

- Платонов Илья Михайлович 1874 г.р. с женой Анастасией 1873 г.р., у которых было пятеро детей (Екатерина, Егор, Клавдия, Илья, Ефросинья) и

-Платонов Самуил с 1906 г.р. с семьей в шесть человек.

Кто-то из них был основоположником деревни. А может они родственники и прибыли почти одновременно?

Интересно, что в 1932 году в Платоновке был еще и колхоз имени Платонов. 26 августа 1932 года в нем проходило общее собрание женщин, которые приняли решение об организации женского красного обоза.

В последующем в Платоновке было две сельхозартели: им.Эйхе и им.Энгельса, а затем колхоз им.Энгельса.

В декабре 1920 года в деревне была организована комсомольская ячейка, секретарем был избран Митя Прокопчик, по уличному – Амбарский. Он был очень активным комсомольцем, вел агитацию, привлекая новых членов в ряды РКСМ. В 1922 году, когда он вел собрание в д. Гагарино, Митя был тяжело ранен противниками советской власти. Отрядом комсомольцев и коммунистов бандиты были уничтожены. После выздоровления Митя Прокопчик работал в советских и хозяйственных органах Томской губернии.³⁰

В лапти из лыка обувались все лето, в Васильевке один старичок плел лапти всем желающим. В войну председателем сельского Совета была эвакуированная из Ленинграда Нелюбина Нина Алексеевна. Захотелось и ленинградке походить в лапоточках: «Дедушка, сплети мне!» Он ей сплел маленькие, аккуратненькие, она выйдет, да, все глядит на них, очень уж ей нравились!

После войны председателем сельсовета работал раненный фронтовик из Усманки Алексеев Николай Матвеевич.

²⁹ ГАТО, Ф.1468, Оп.1, арх.4

³⁰ Ковалев А.Ф.// Сельская правда, октябрь 1973 г.

Пятый, шестой и седьмой класс училась Аграфена в Калыоне, затем снова вернулась в Платоновку. Хуторяне уже разбежались кто куда, бросали все нажитое: дома, посев. Чтоо могли погрузить на телегу, с тем и уезжали. Многих сослали.

В Платоновке Аграфена вышла замуж за Чуйко Ивана Малофеевича, родители которого тоже были «расейские».

Жилось в Платоновке ох, как тяжело! Уже двое детей родилось, накрыть которых было нечем: соломенный матрас, тулуп и одна подушка.

После войны в колхоз им.Энгельса вернулось трое или четверо мужиков. Пришли в основном те, кто был в трудармии. Пришлось женщинам сесть на трактор. Аграфена три зимы училась в Анжеро-Судженске, а летом была на практике, в 1945 и 1946 гг. сама сеяла. Помнит, что в мае 1945 года, когда девчонки пахали поле, скачет к ним нарочный с флажком. Они выскочили из тракторов: «Что случилось?!» Мужчина прокричал: «Война кончилась!»

Работала Аграфена на колесном тракторе – ХТЗ, на НАТИ (гусеничном), три года работала в Громышевской МТС, НАТИ таскал две сеялки. Кабины-то не был. Вспоминает: сидишь как кукушка, и дождь тебя сечет, и ветер хлещет. А завести трактор могли только пять мужиков вожжами. Подшипники были деревянные, не доглядишь – сгорят. Скорость у трактора была черепашня.

План вспашки на ХТЗ был 3,6 га, на тракторе НАТИ - 5 га, эту вспашку переводили на мягкую пахоту, и получалось в реальности меньше. За работу получали хлеб, а в конце года какие-то мизерные деньги. Хлеб возили молоть на лошади в с.Зырянское на вальцовую мельницу.

Прожили Чуйко в Платоновке 20 лет. Появился там со временем клуб, в котором вдоль стен стояли длинные скамейки, а в углу огромная печка. Балалайка была, а из деревни Кожина, что была за Васильевкой, приходили парни с гармошкой.

Была в деревне изба – читальня с подшивками газет и журналов, так как в дом себе эти издания никто не выписывал, не на что было.

Посреди деревни был один колодец, воду из которого черпали крюком. А дома были разные: и плохие, и хорошие.

В 1939 году в деревне было 149 жителей, через 20 лет – только 48. В 1961 году семья Чуйко переехала в Павловку, а в Платоновке еще оставались две старушки и Пелагея Ивановна - мать Аграфены Иосифовны. Здание школы перевезли в Павловку и отдали под сельский Совет. В 1962 году Платоновка исключена из учетных данных населенных мест.

В Павловке семье под жилье дали колхозную контору, которая была ветхой, к тому же в ней жили куры. Нужно было дом приводить в порядок. Когда они переселились, то от бывлой Павловки тоже мало что осталось. Народ уехал в соседнюю область, в большое и «очень хорошее» село Сурженка.

У Чуйко уже было четверо детей. Аграфена Иосифовна поведала то ли интересную, то ли смешную, то ли трагическую историю о рождении детей-двойняшек. Шел уже 1967 год! В пятницу приехал в деревню врач Догановский Владимир Иванович, осмотрел ее и выписал бюллетень, чтобы больше не работать, а в субботу начались роды. В Павловке был фельдшер, но вечно находился в полупьяном состоянии, и руки у него всегда были грязные. Не захотела Аграфена, чтобы он к ней прикасался, а велела возить ее хоть куда, только не к нему. Сели в машину, погнали. Около Вершинки попросила остановиться. Только зашла за кузов, как ребенок шлепнулся на землю. Мужики выскочили, ребенка завернули в покрывало, а ей стало плохо. Кто-то сидел с новорожденным под березой, роженицу оставили в кукурузном поле. Шофер помчался искать телефон в ближайшей деревне. В Рассвете позвонили в Зырянскую больницу, выехала «скорая», а шофер мчался по полям навстречу, чтобы дорогу показать.

Аграфена потеряла сознание. Очнулась, когда ее несли на носилках. Узнала, что у нее сын и дочь. Дочь весила 900 гр., а сын Владимир (конечно, Владимир, ведь спас ее Владимир Иванович Догановский) – 1 кг. Лежала с ними в больнице, пока дети не набрали вес. После выписки сын начал расти, а девочка никак есть не хотела. Ее снова отправили в больницу, где она одна пролежала семь месяцев и стала там уже сидеть. Когда дочь забрали домой, она никак не хотела признавать родителей.

Платоновка исключена из учетных данных 20 октября 1962 года.

Чуйко Иван Малофеевич 1932 г.р. бывший житель
Платоновки

Схема деревни Платоновка на конец 1950-х гг.
Составила Чуйко Аграфена Иосифовна

р. Туендатка

в Александровку,
Кемеровской обл.

ферма

свинарник

конный двор

колодец

изба-читальня

сельсовет

магазин

Шепелевская

Старовойтовы

Плющенко

Седюков
Андрей

Порошкова
Евдокия I

Сударев
Самуил

Коробова

Малиновские

Чуйко Дарья

Петухова Ольга

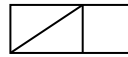
Порошкова
Евдокия II

Старовойтовы

Крих

Гергель

Кобычевы

в Павловку, 5 км.

из Громышевки

Давыденко Михаил

Голузов Терентий

Кравченко Яков

Голенко Афанасий

Платонов Илья

Платонова Анна

Якушева Екатерина

Горшечникова Татьяна

Боканова Мария

Якушева Кристина

Митяева Елена

Сафронова Ольга

Панутриев Демид

Лапикова А.И.

Медведко А.

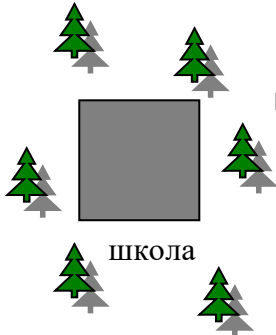
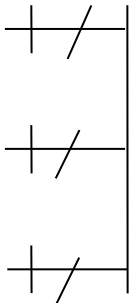
МОЛОКАМКА

КУЗНЯ

кладбище

школа

Прохоровка, Чердатского сельского Совета

*Из воспоминаний
Мальшевой Таисии Ефимовны,
бывшей жительницы поселка*

Мы переехали в Прохоровку до войны. Это был участок лесников, и отец работал лесником. Проживало в поселке всего три семьи, кроме нас Алины и Ефановы. Дом лесника был крестовый, вдоль Чети стоял длинный барак, очень старый. Здесь когда-то работали заключенные. Когда мужчины ушли на фронт, то их жены остались работать лесниками. Ефанов М.К. с войны вернулся Героем Советского Союза, а до войны он тоже работал лесником. У него с женой Анной трое детей было. Когда он пришел с фронта, то семью бросил. Я с мамой жила. На войну у нас ушел отец, два брата и зять. Все четверо погибли. Отец Сандаков Иван Константинович, братья: Володя и Алеша, 1926 года рождения.

Когда на Прохоровке жили, нужно было в год сдать 10 кг. сливочного масла, 100 яиц – есть куры или нет – значения не имело. Корову держали, но масла не ели, только вытопки. Если скотину зарезали, то шкуру нужно было обязательно сдать. Не дай Бог не сдать! Накажут. Чуни шили из шахтерских галош, а сверху тряпки. Эти галоши толстые, в магазине их покупали. Когда работала на сплаве в Заломной, то как-то раз сбежали с девчонками со сплава из-под Батурина, что в Асиновском районе. Десять дней шли до Зырянки. Чтобы нас не поймали, днем прятались, а ночью шли. Ума не было, надо было работать. Прохоровка не разрослась, домов так мало и оставалось. Был в ней пихтовый завод, работали на нем пацаны 12-13 лет из Яранки. Мы там всю войну прожили, собирали ягоды, грибы сдавали.

Отец лесником был, зарплату получал. Сосну садили, а мама, Сандакова Анисья Николаевна, помощником у отца была. После войны жить было страшно: кругом дремучая тайга, в домах одни бабы и дети. В магазин ходили на Лесозавод, лесников там обеспечивали: давали по 10 кг. крупы сечки и хлеб. Он был очень тяжелый, возможно с травой. В 1970-е годы народ ездил в Прохоровку за брусникой и черникой. Дома стояли заброшенные, в них ягодники и останавливались. Через Прохоровку проходила дорога Из Усачево в Чердаты. До Чердат 12 км. Сейчас этот поселок был бы расположен с правой стороны по Тегульдетскому тракту.

Происхождения названия неизвестно. Последними жителями поселка были Яков Иванов и Глазырин. Одно время жил Иван Радченко. Он мало там пожил, его посадили, потому что по пьянке застрелил зятя. Случайно, ружье было заряжено. Дом их развалился. Иванов с Глазыриным переселились в Чердаты. Свою мать Глазырина оставили там жить одну. Она уже плохо ходила и плохо видела. Зимой оставалась без воды: выйдет на крыльцо, ковшиком снега зачерпнет и растопит его. Сын за зиму ни разу старуху не поприветствовал. Ее навещали Яков Пивоваров и Георгий Кислицын, возили хлеб ей. По весне стали заставлять Глазырина, чтобы он мать забрал. Он посадил ее в сани и повез. Уже лужи были, одежда на бабке до груди вымокла. Он заехал к кому-то на пасеку, загулял, пил медовуху, а старушка сидела мокрая в санях. Интересно, как в старости к нему относились его дети?

Жил в Прохоровке лесник Федоров с женой, там и похоронены. В Прохоровке кладбища не было, только эти две могилы.

Рассвет

Цыгановского сельского Совета

Из воспоминаний

Илюшиной Татьяны Ивановны, бывшей жительницы
деревни

Тимофеевко Евдокии Григорьевны,
Андрянова Петра Ефимовича, бывшего жителя деревни

В 1932 году случилась беда в Новосибирской области: саранча уничтожила все посева. И люди, погрузив свой нехитрый скраб на подводы, потянулись кто куда. Пять семей из деревни Гаревка Искитимского района прибыли на земли образованной в 1929 году коммуны «Рассвет». Это были Матовниковы, Коротеевы, Алуевы, Илюшниковы, Коноплевы. Строилась деревня на семеновских полях, где стояли гумно единоличников, в трех километрах от Цыганово. Не всем пришлось Сибирь по душе. Остались Илюшниковы да Матовниковы, остальные уехали.

Семья Андрянова Петра Ефимовича приехала в 1929 году из Казани. Петру было 14 лет, он с 1915 года рождения. С ними пришло еще 10 семей, в том числе Черемисы и Зуевы. Всех расквартировали в Семеновке, но, перезимовав, половина из них уехала назад. Петр Ефимович рассказывал, что первыми в Рассвете поселились Ковалевы из Мордовии. Подробности вспоминать он не хотел: «Не поселок, а проходной двор был!». Приезжали, уезжали, жили год - другой, не задерживались, не нравилось. «Какая жизнь была? А 35 лет работали за палочки, вот и все!» - говорил он. Селились в Рассвете люди из разных мест европейской части: вятичи, белорусы, украинцы, вотяки, но никто из них в Сибири не остался. Евдокия Григорьевна отмечает: «Расейские отличались от местных по одежде, ходили в «борчатках» (шубейка, присборенная у талии). Дом Андряновых был перевезен в Рассвет из Семеновки Зуевым Михаилом, уезжая, он продал его Смирновым за 2 000 рублей. Затем те, уезжая в 1934 году, уговорили мать Петра, Анну Степановну, купить его за 500 рублей. Она смогла набрать только 300 рублей. Когда поселок распался, свой дом Андряновы перевезли в Цыганово, в котором живут по сей день.

Магазин был на дому. Первыми продавцами были Зуевы, после них торговали Анна Степановна Андрянова, а за ней ее сноха Мария Егоровна.

В 1934 году в Рассвете еще жил единолично 41 домохозяин, но тех, кто не захотел вступить в колхоз, стали давить налогами. Один налог только заплатишь, а тут уже второй, и так далее. Или же выселяли из деревни, лошадей забирали. Житель Цыганово Герасимов Максим Ефимович порезал скот и поехал продавать мясо в Анжерку, но пока он отсутствовал, его дом разобрали и перевезли в Рассвет, осталась одна баня, в которой продолжала жить семья. Так наказывали тех, кто не пожелал колхозной жизни.

В годы войны и сразу после нее вся работа выполнялась вручную, даже сеяли на невспаханную жниву из севалки. Урожай известно какой был. В Рассвете было хорошее здание начальной школы, которое сейчас стоит в

Цыганово по улице Чапаева, дом 120. Татьяна Ивановна вспоминает, что учила Пелагея Пантелеевна Старозубцева, позже – Мария Александровна Зорина (Сливкина), эвакуированная из Курска, которая была очень хорошей учительницей. Она устаивала с детьми разные игры. Позже учительствовала Екатерина Сергеевна из Зырянки и Смирнова Надежда Константиновна.

В 1950-е годы жизнь как-то стабилизировалась, народ перестал разъезжаться, работой были обеспечены все: колхоз имел молочно-товарную ферму, конеферму, овчарню. Зарплату платили немного деньгами (16 рублей у Татьяны Ивановны), и хлебом от 12 до 20 центнеров. Его мололи сначала на водяной мельнице на берлинском ручье, а когда она перестала действовать, то ездили в Зырянское. Там мельница стояла в начале улицы Ленина, а мельником работал Ажусин.

Татьяна Ивановна 17 лет проработала звеньевой в льноводстве и бригадиром в бригаде. За свой добросовестный труд она награждена Орденом трудового Красного знамени и именными позолоченными часами. О своей деревне Рассвет очень сожалеет: «Если бы сейчас возродилась наша деревня, то не задумываясь уехала бы туда. Места вокруг красивые. За огородами озеро Коровье, через которое был наплавной мост, на покос по нему переезжали на другую сторону. В 4 км. от деревни в Челбаке собирали шишки кедровые, там же заросли смородины...».

В деревне был небольшой клуб, куда привозили фильмы. Хотя работа была тяжелая, но молодость есть молодость. На «точке» собирались, танцы под балалайку! Или с гармошкой ходили в Цыганово.

Баня была общая, топилась по-черному, и топили ее группами по очереди. Воду грели железом, накаляя его в печи и опуская в кадку с водой. В этой же бане сушили лен, а рядом стояли мялки.

Ну, а потом общий сценарий: укрупнение колхозов, скот угнали, школу закрыли. У кого были мужья – уехали в город, многие переехали в Цыганово. Это Минаевы, Илюшниковы, Сливкины, Митрошины, Дроздовы, Кудигечевы, Андрияновы. Мария Егоровна Андриянова еще пекла хлеб в печи, когда приехали ломать её дом. Она вынула горячие караваи, да пошла в Цыганово, где уже была поставлена избушка. В 1968 году уехали Андрияновы, а вскоре и последние жители Рассвета – Просковья и Мария Чуносковы. Из учетных данных Рассвет исключен 15 октября 1971 года.

Звеньевая – льновод Илюшникова
Татьяна Ивановна. 1965 год

Дом по улице Чапаева № 120 в Цыганово. В пос.Рассвет это было зданием школы

Слева Илюшникова Мария Павловна, справа Винникова Мария. пос.Рассвет

Илюшникова Надя в п. Рассвет, 1962 год

Сельская артина. Пос.Рассвет

Слева направо: Шутова Валентина, Илюшникова Татьяна, Илюшникова Надежда. 1962 г.

Жители пос.Рассвет

Дом Илюшниковой Т.И.

Ясельная группа пос.Рассвет, 1950-е гг.

Женская бригада на покосе, пос.Рассвет

Празднования 7 ноября в пос.Рассвет

Свободинка Вамбалинского сельского Совета

*Из воспоминаний
Адамсон Эрны Югановны,
жительницы села Вамбалы*

Когда по Столыпинской реформе (1907-1911гг.) началось заселение свободных земель Сибири, в суровые края ехали люди разных национальностей в надежде на лучшую жизнь. Не испугали морозы и эстонцев, на родине которых, в Прибалтике, климат мягкий. Но там исторически ложившееся помещичье землевладение не оставляло им надежду на свободу. Землей владели немцы, а эстонцы были только прислугой и батраками. У многих из них желание стать хозяевами на земле было сильнее боязни сибирских морозов.

«Вабадус» - свобода по эстонски, именно так называли они родину своих детей в 1907 году. Поселились там семьи Тиик, Глюк, Касперсон, Эбрук и другие. В 1924 году было уже 22 хутора, в 1928 году – 29 хуторов, 64 мужнины и 61 женщина.³¹ Тиик Юган Густавович, 1893 года рождения, его супруга Мария Абрамовна, 1896 года рождения, были уроженцами Лифляндской губернии Юрьевского уезда Пурмонской волости. В Свободинке у них родилось 4 детей: Эрна, 1922 г.р., Карл, 1924 г.р., Эдуард, 1926 г.р. и Анне, 1928 г.р. В 1930 году Юган Густавович переехал в Вамбалы, вступив в колхоз им.Кингисеппа. Эрне Югановне было тогда всего 8 лет, она поныне живет она в Вамболах и здравствует. Но о Свободинке ничего рассказать не может. Во-первых, мала была, а во-вторых, ребенку не положено было спрашивать и лезть в дела взрослых, а тем более слушать разговоры старших. Помнит только, что уехали из Свободинки, когда их обворовали, оставив только стены, даже грязное белье унесли.

Вместе с Юганом пришел в Сибирь и его брат Карл с семьей. Их дочь Алита, 1908 г.р. была еще грудным ребенком, в замужестве она стала Касперсон. Ее первая дочь родилась в Свободинке, а две другие – уже в Вамболах.

Эйя Августовна Лангемец, известная жительница Вамбалов, внучка первопоселенцев Тиик. В 1939 году в Свободинке проживало еще 86 человек. Эрвин Августович Крузе говорит, что Свободинка исчезла в одночасье 1940 году. Он был еще ребенком, но помнит, что именно в этом году жители Вамбалов ездили в Свободинку ухаживать за скотом, который остался безнадзорным. Жили там животноводы, меняясь через неделю.

Значит, люди ушли разом, побросав все, утратив иллюзии по поводу вольной и свободной жизни в своей Свободинке. Ушли

³¹ ТОЦДНИ, Ф,28, Оп.1, Д.75

в шахтерские поселки Кемеровской области. Только две семьи переехали в Вамболы: Касперсон Августа и Эбрук Мартына Гансовича.

Тиик Юган Густавович, 1893 г.р.,
Тиик Мария Абралеовна, 1896 г.р.,
Тиик Эдуард Юганович, 1926 г.р.

Касперсон Алита
Карловна 1908 г.р

Форма № 7.

По 31 декабря 19²⁴ г. состоит в запасе 1-й очереди.
В дальнейшем по 31 декабря 19³³ г. состоит в запасе 2-й очереди.

 С.С.С.Р.

Не военной учетной специальности **III**

ЛИЧНАЯ КНИЖКА
ЗАПАСНОГО Р.-Н. К. А.

Фамилия Тиик Год рождения 1893
Радобин Род войск Пехота
(разной или какой-либо части состав) Военная учетная специальность и ее № М. Едроски
Партийность е Должностная квалификация Секретарь

Кан. числится до переучета:
(разной, какой-либо или, или, тех. или.)

№ воинской категории 1
Должность Секретарь

- 2 -

РАЗДЕЛ I. Общие сведения о записном.

1. Фамилия Тиик
2. Имя Юган
3. Отчество Густавович
4. Время рождения 1893г. Сентябрь 26дн
(год, месяц и число)
5. Национальность Эстонцы - Эстонцы
6. Уроженец губернии Лифляндской
уезда Дорвешского
волости Пурлонской
города, села, деревни Зутар
7. Место жительства д. Свободинки,
Зырянского Района
(поселковый пункт)

8. Семейное положение (холост, женат) _____
9. Образование военное нет
гражданское Сред. Вет. Школа
10. Партийная принадлежность _____
11. Гражданская основная профессия Секретарь
12. Прохождение общей и специальной допризывной подготовки _____

Алита Карловна Касперсон
и. п.
Август Карлович Касперсон
Подпись
31. 12. 19²⁴г.

Солганы *Яранского сельского Совета*

Из воспоминаний
Малышевой Таисьи Ефимовны,
бывшей жительницы поселка

Солганы – это небольшой поселок лесозаготовителей, удивительно красивый, в окружении соснового бора. Находился в такой глуши, что до него добраться было не просто, только по реке Четь.

Сначала туда уехала моя сестра Великоречанина Прасковья Ефимовна с мужем. Он в 1943 году пришел раненый с фронта и устроился работать лесником. Поселка еще не было, место называлось «кордон». На крыше единственного дома (большого, двухквартирного) был написан номер, это был пост лесхоза. Вот там они и жили, а недалеко стоял домик дедушки Солганина. Он рыбачил и охотничал, но никто не знал, откуда он родом, почему жил в тайге один.

Сестра ему еще что-то стирала, но я его уже не застала, он умер.

В апреле 1948 года я «завербовалась» на лесозаготовки в Солганы на целых четыре года. Тогда выдавались «подъемные» деньги не только на работников, но и на иждивенцев. Я разошлась с мужем, должен был родиться ребенок, и надо было как-то жить. Люди селились, ставили маленькие домики. Колхозники начали ездить на лесозаготовки, для них поставили три барака – общежития.

Я пилила лес пилой «краскот», у которой зубцы были разной формы: один треугольный, другой как флажок. План мы старались выполнить, иначе приходилось работать без выходных. Никакого обмундирования не получали, это пришло уже позже. Одежда быстро изнашивалась: То у костра прожжешь, то за сучок зацепишься. С обувью вообще была беда: покупали шахтерские калоши из толстой резины и из тряпок пришивали голенища, которые со временем были из одних заплат. Привязывали обувь веревочками.

После рождения ребенка никакого декретного отпуска не полагалось. Через неделю я снова вышла на работу, но меня перевели на «легкий» труд - техничкой в общежитие колхозников. «Легкого» там мало что было: некрашенные полы и столы нужно было скоблить, воду носить из-под яра. К приезду колхозников бараки белили, прибирали в них. Как и везде, в таких бараках вдоль стен делались нары, которые застилались сеном. Стоял длинный стол, печка из бочки, вокруг натягивались веревочки да проволоочки, на которых люди сушили одежду.

Работающим на лесоповале хлеба давали не по 500, а по 900 гр., был он тяжелый, то ли с травой, то ли с картофелем. У колхозников была только замороженная еда из дома. Придут из леса, всю печку уставят посудой для разогрева. Позже я ушла работать штабельщицей. Работа тоже тяжелая: укладывать бревна в штабеля. Техники ни какой не было, все вручную. Четыре лошади вытаскивали бревна из леса, а мы на берегу складировали его.

Головная контора была в Яранке, а у нас жил мастер леспромхоза Пупков Александр, который руководил всем этим процессом. Жили в Солганах кроме нас, Малышевых, Сысоевы, Алины, Алаяровы, мать которых работала пекархой.

Довелось поработать мне и гребцом. Путь до Яранки был 31 км. по воде. Туда регулярно мы плавали на больших лодках с четырьмя гребцами и одним рулевым. В Яранке получали груз, хлеб, а на второй день плыли назад. Вот где мучение! Сколько кровавых мозолей набили! Назад-то против течения надо грести. Чтобы как-то облегчить свою участь, у песков останавливались и тянули лодку веревкой, как на картине И. Репина «Бурлаки». Овес для лошадей возили так же. Гнус заедал, везде разводили курево. Тайга! Сначала я жила в бараке, а когда вышла замуж за Малышева Павла Васильевича, то стали жить в «кордоне». Домишки были все маленькие, штук 8, рубленные. У всех жителей были маленькие дети, еще нешкольного возраста. Детей не регистрировали в Солганах, сельсовет был в Яранке. Все семейные держали коров, но покосов вокруг не было, ехали по Чети туда, где пески. Ставили копёшки сена, а зимой на нартах вывозили на себе.

В магазине в начале 1950-х годов появились сахар, масло. Хлеб начали есть до сыта. Огороды тоже все сажали. Росло все, кроме капусты. Уж и земельку в лунки сыпали, но чего-то не хватало ей, капуста не хотела расти.

Около Курьи бил родник и все ходили к нему за водой. Чтобы было легче на яр подниматься, сделали перила. Лесхозу доводили план по сбору ягоды, грибов, дичи, орехов. Брусники мы собирали по сорок ведер! Мальчишки добывали рябчиков, за которых платили по 30 коп., а позже стали давать даже по 50 коп.

Около озера стояла общественная баня, своей ни у кого не было. Хозяйственного мыла выдавали по половине печатки на месяц.

Сразу же за Солганами начинался, так называемый Малый Борик. Зайдешь в него – как в светлицу попадешь! Сосны как свечи, красота сердце радует, не хочется уходить. Но лес в округе выпилили, детям нужно было учиться. Люди понемногу стали разъезжаться. Мы уезжали почти последними, погрузили все свое имущество на плоты и спускались по реке до Яранки. Шел 1950-ый год. В Солганах прожила я семь лет, мы так привыкли к своему поселку, что, уезжая, плакали.

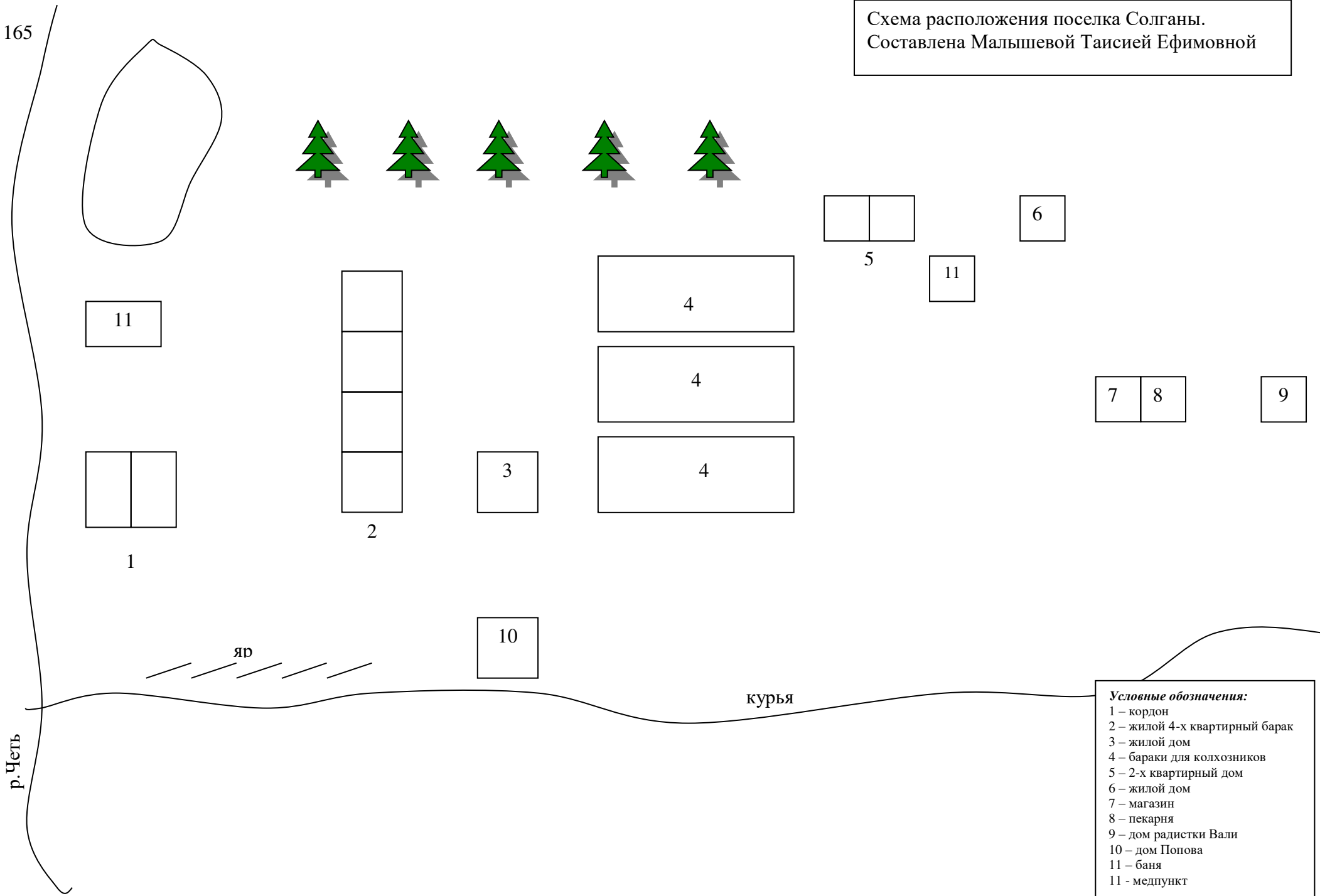
Наш дом «кордон» до сих пор стоит. Когда плывешь по Чети – его издали видно, высоко стоит, но уже весь перекосялся.

В 2013г. рыбаки построили в Солганах баню. Они ездят туда по бездорожью на тракторе и остаются на два месяца. Собирают грибы, бруснику, ловят рыбу. Простор и абсолютная свобода!

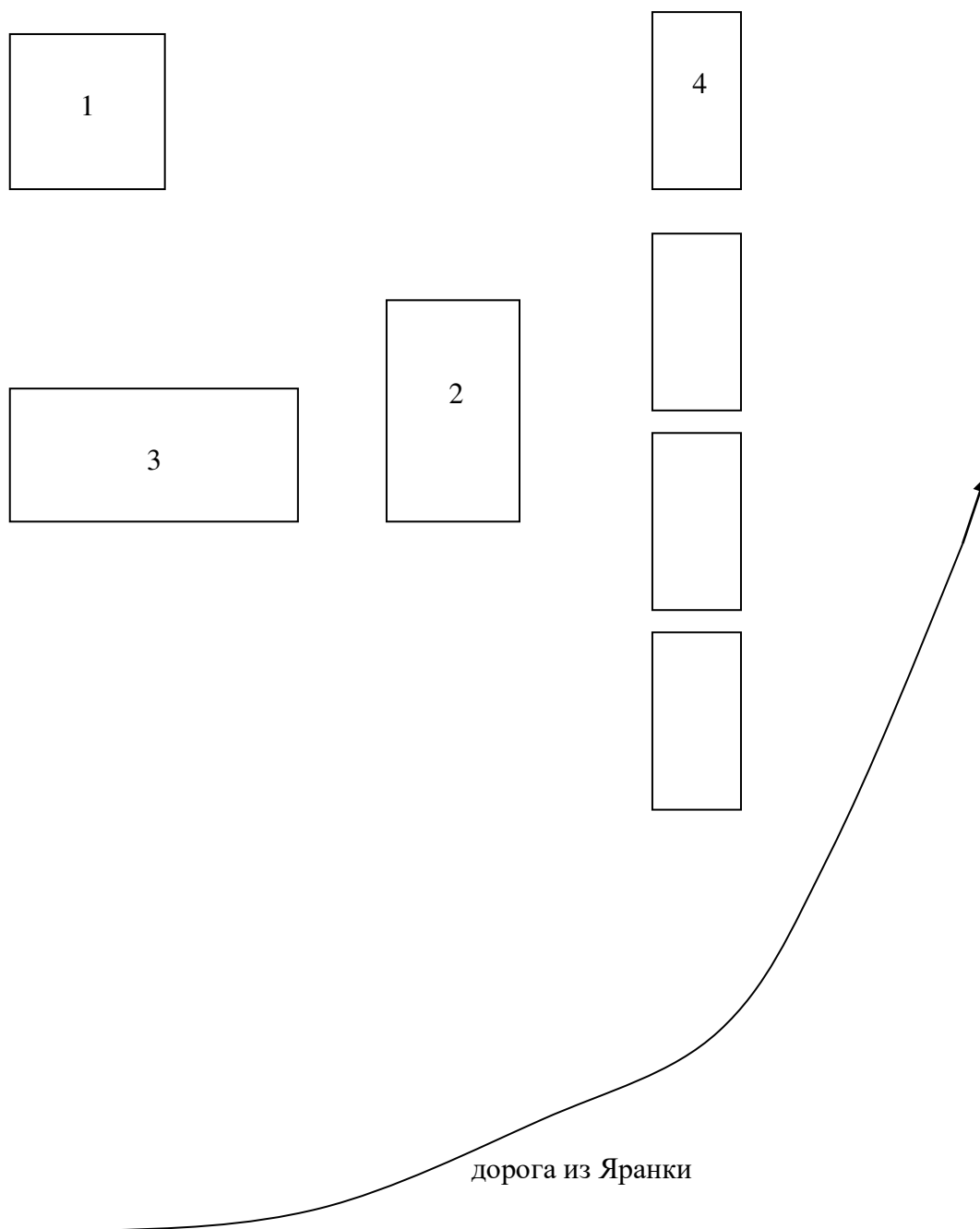

Дом-барак по ул.Крупской № 25
с.Зырянское, перевезен из п.Солганы

Схема расположения поселка Солганы.
Составлена Малышевой Таисией Ефимовной

- Условные обозначения:**
- 1 – кордон
  - 2 – жилой 4-х квартирный барак
  - 3 – жилой дом
  - 4 – бараки для колхозников
  - 5 – 2-х квартирный дом
  - 6 – жилой дом
  - 7 – магазин
  - 8 – пекарня
  - 9 – дом радистки Вали
  - 10 – дом Попова
  - 11 – баня
  - 11 - медпункт

- 1 – дом лесника
2 – пекарня
3 – склад
4 – жилые бараки

Из воспоминаний
Яковлева Александра Васильевича,
бывшего жителя поселка

Александр Васильевич, как уже упоминалось, жил и работал в подсобном хозяйстве в Мангазеево. Он был круглой сиротой, родители умерли в Чердатах в 1935 и 1936 годах. Еще до призыва в армию работал в подсобном хозяйстве леспромхоза и не однажды доставлял продукты в Солганы. Солганы – поселок лесозаготовителей на реке Четь, до Яранки от него 46 км., а до Четь-Берегая по реке 22 км. Кругом сосновым бор. Дорога была только зимой, а летом добраться можно было только по воде. Лодок в Солганах было 20 штук для рабочих. Рабочие обычно жили одну неделю, а на выходные разъезжались по домам, помыться в бане и продуктами запастись. В поселке была своя пекарня, к ней примыкал склад, где у Александра Васильевича и принимали привезенные продукты. Стоял еще дом лесника и четыре барака, каждый по 50 м. длиной. Как видим, размерами населенный пункт не поражал. В бараках стояли железные печки – буржуйки, были двухэтажные нары, на которых лесники отдыхали ночью от тяжелого трудового дня. Условия, конечно, ужасные. Посушить одежду негде, помыться негде. Зимой сюда на лесозаготовки приезжали колхозники с лошадьми, так как каждый колхоз тоже имел свой план лесозаготовок. Они в Солганах жили, заготовленный лес сами и вывозили. В марте люди уезжали, чтобы заняться привычными делами, но не раньше, чем выполнят план.

В 1950-е годы леса в районе поселка Солганы не стало, на лесозаготовки ездили в Черный Яр, ныне Тегульдетского района.

Однажды в Солаганы для работ на лесозаготовках привезли ссыльным молдаван. У одного из них был аккордеон, он все играл и пел песню «Широка страна Болгария». И вот решили они сбежать. Стали скрытно делать себе плот. Мастер участка это заметил, но никому не сказал. Он знал, что перспектив у них нет: в 10 км. от Солганов русло Чети резко поворачивало. В половодье пробила река себе путь напрямую, там образовались большие завалы из бревен, и в том месте довольно сильное течение. Беглецов вместе с плотом затянуло под завалы, плот разбило, и люди почти все погибли. Мужик из Яранки рыбачил на берегу, видит, что на бревнах плывут мужчина с женщиной и взывают о помощи. Он подплыл на лодке, убил обоих веслом, а вещи забрал себе. Жестокое время, жестокие нравы и люди.

Симоновка Яранского сельского Совета

Из воспоминаний
Кузнецовой Пелагеи Ивановны,
бывшей жительницы поселка

Бежит по улице крепенькая и большеглазая девочка, подставляя солнцу лицо, а жаркий ветер Алтая обнимает ее со всех сторон, и Полинка заливисто и счастливо смеется. Смеется так, как могут смеяться дети. Полине пошел шестой год, но она востра да смышлена. Знала, что село ее

называется Грязново, оно в Тюменском районе недалеко от города Каменьна-Оби. Родители девочки работящие и самостоятельные. У них в хозяйстве две коровы, лошадь, есть самосброска. Долго Полине бегать нельзя, дома ждут няньку брат и сестренка. А потом... Потом они тряслись на двух подводах по ухабистым дорогам. Детей на одной телеге укрыли периной, а на другой везли какой-то скарб. Видела Полина скорбь и боль в глазах родителей, слышала, как отец, опустив голову, напевает: «Ох, налетели ветры злые да с восточной стороны...». Что за восточная сторона – она не знала. Понимала, что какая-то сила вырвала их из родной земли и как перекасти-поле горит на чужбину. Остановились в Томске на Черемошниках. Вечером объявили, что их высылают дальше. Так они доехали до Малиновки Зырянского района. Отца отправили в Симоновку валить лес. Зимой они кое-как перебились. Весной их тоже отправили в Симоновку. До Зырянского – 30 км., до Окунева – 24 км. Страшно Полинке, кругом лес могучий, сквозь который светится дыра в небе, домов нет. Вдоль речки стоял длинный барак, куда поместили всех ссыльных с Алтая. Каждая семья стала себе выгораживать коморку, чем могли: шаль, одеяло. Как-то Поля с мамой пошла к землякам Мальцевым, которые жили в землянке. Тропка узкая и девочка отчаянно цепляется за подол матери, чтобы не утонуть в глубоком снегу. Кроме землянок там стояла бревенчатая избушка, в которой находили патроны и записки. Дочь Мальцевых, Варя, была уже девушкой, она читала записки и рассказывала ребятам, что здесь прятались воины-колчаковцы и это их землянки. Ребятишки собирали патроны, но родители их тут же отбирали, боясь за жизнь детей.

Ссыльные прямо зимой начали строить дома – пятистенники. Вместо мха использовали солому, которую привозили из Окунево. Как только были готовы стены, пол и потолок – дом заселяли, остальное доделывалось потом

жильцами. Спириных привезли в 1931 году, селиться было некуда и на берегу речки они поставили шалаш. Полюшка с девчонками бегала на речку и хорошо запомнила на берегу могильный холмик с небольшим деревянным крестом, на котором было вырезано ножом: «Здесь покоится раб Божий Симонов». Были инициалы и даты, но их Поля не помнит, мала еще была. Речка же была быстрая и шумная, особенно весной, как горная, но не широкая, а когда выходила из берегов, то деревню не затопляла.

Селились люди по обеим сторонам речки, переезжали через нее на плотках, а когда вода спадала – вбивали колья и делали мост – настил.

Детство у Полины было короткое, как у многих детей того времени. Она училась только четыре года. В 1938 году отца забрали по линии НКВД. Отца звали Воробьев Иван Осипович, он с 1895 года рождения. Мама, Лукерья Прокопьевна, была старше его на два года. У нее первый муж погиб в гражданскую войну. Она была сирота и жила у брата, ее силой сосватали за отца, когда еще и года не прошла после гибели мужа. В 1938 году брали всех подряд: Спирина, Емина, Мезенцева, Литвина, Боровикова – из Симоновки, из п. Лесозавод, из Сухого Лога... Этап формировался на Лесозаводе. Отца еще не увезли, Лукерья Прокопьевна пошла к нему на второй день с передачей, а в дом уже пришли с конфискацией имущества: стайку открыли, угнали корову, нетель, овец и свинью. А в доме кроме Полины еще трое детей, мал мала меньше. Потемнело в глазах у Полинки, не детское горе навалилось тяжелой глыбой на ее плечи, и задумала она страшное, не хочется ей больше жить... Но в затуманенном сознании вдруг мелькнула мысль: «А как же мама одна?!». Только это и остановило.

Но мир не без добрых людей. Фельдшер Карпов надоумил маму написать заявление в прокуратуру. Оттуда пришло указание, чтобы корову вернули, так как четверо детей. Но корову Воробьевых уже успели продать начальнику ЛПХ. Там ее чем-то накормили, корову раздуло, и ее прирезали. Но нетель все-таки вернули, дальше без коровы семья уже не жила. Как остались без отца, то пошла Полина работать. Сначала нянькой на Лесозаводе, где весь день сидела под замком. Очень боялась, ведь там заключенные – сибулонцы! Потом уборщицей в клубе и школе, затем - на подсобных работах, возила на лошади хлеб и разные грузы. Взясась первый раз запрягать лошадь, да неправильно надела хомут, дядька Егор увидел и шумит ей: «Ой, Полюшка, что делаешь-то, ты ведь так не уедешь!». Он показал ей, как надо запрягать. Отчаянная была Полина девушка! В войну возила почту, которую забирала в Окунеево. Почта была большей частью для ссыльных. Назад возвращалась уже ночью. Знакомый мужичок спрашивает: «Поля, ну как же ты не боишься ночью-то ездить?» А она отвечает: «А чего бояться-то, у меня литовка с собой есть!» На Лесозаводе была узловая почта, откуда корреспонденцию распределяли по конечным пунктам: Бихтуил, Яранка, Симоновка, Сухой Лог. Доставляла ее туда тоже Полина.

Уже подрос у Воробьевых брат Алексей, стал помогать. Мужик в деревенском доме – главный работник. Но в 17 лет его взяли на фронт, и он

удачно прошел войну. Удачно, значит не погиб. Полина стала работать в артели «Ударник Севера», которая имела большое производство: 3 смолокурных завода, перегонный завод по очистке скипидара, два пихтовых, дёгтекурный завод; было мебельной производство. Делали стулья, лыжи и лыжные палочки для фронта.

В деревне существовала гончарная мастерская с изготовлением крынок, корчаг (латок) и емкостей для сбора смолы. Была пимокатная мастерская. Летом Полина работала на сборе живицы вздымщицей. Вздымщица весной в апреле снимает с сосны скобелем кору, ей одной нужно сделать четыре тысячи кар, т.е. окошек без коры. На одном дереве делали от двух до четырех кар в зависимости от диаметра сосны. Если сосна стройная да высокая, то даст мало живицы, а если не очень высокая да ветвистая - то продуктивная, их Полина стахановками звала. В руке у Полины орудие труда – хак. Хак - это палка с очень острым стальным загнутым ножом, которым на коре нужно процарапать «усы» - желобки, по ним стечет смола. Ведь если желобок получится неровным – смола застынет. Поэтому утром и вечером делался обход и «усы» процарапывались, чтобы смола не засыхала в них. Рано утром она с напарницей, сборщицей смолы, старались обойти свой участок. Сборщица смолу из глиняных емкостей выбивает в деревянное ведро. Потаскай – ка его! По тайге было три стана, где смолу уже сливали в бочки. Полина идет по высокой траве, а хак держит перед собой, раздвигая им траву, чтобы не наступить на змею, лес-то кишел ими. Гнус заедал, репеллентов никаких, это около дегтярного завода комары не кружили, запах отпугивал, а в тайге...

Только присядет Полина хак точить, облепят так, что кожи не видно. Она смахнет их, да не тут- то было. От безысходности наворачиваются слезы, но она не плачет, она сильная. Через три дня процарапывали новые «усы» елочкой, по ним можно было сосчитать, сколько раз за лето они тут прошли. Полина была настолько старательной, что ее труд был отмечен областной грамотой и ее тоже звали «стахановка».

Когда Полина работала с Тасей Боровиковой, то, заходя в тайгу, она ей громко кричала: «Тася –а –а, в какой день Благовещение было?» А та, идя рядом, еще громче отвечала: «Ой, Полинка, что-то я забыла, не помню!» Говорят, что когда медведь слышит голоса, то уходит. Вдруг она хватает Полину за руку и шепчет: «Поль, ты слышишь, кто-то пыхтит?!» Раздвинув траву, увидели, что на их тропе медведь роет земляных пчел, да так, что треск стоит, и корни по сторонам летят. Тася шепчет: «Бежим скорее!», а Полина ей: «Зачем, все равно догонит!» Они отскочили в сторону, и давай шум поднимать. Слышат, что медведь пошел в противоположную сторону, к болоту. Видно его было хорошо: большой, бурый. Он ушел своей дорогой, а девчонки своей тропой подались дальше в лес. А что делать? Уйти нельзя, накажут.

Однажды, на закате дня, шла Полина и заметила: черемуха гнется в разные стороны, шумит, а под ней медведь раскапывает муравейник. Она

свою напарницу, Полинку Рушеву, позвала, чтобы та посмотрела, что медведь делает.

Подружки забрались на вывороченную березу, стали орать да стучать, песни горланить. Мишка посмотрел в их сторону, серый, с длинной мордой, а по ней белая полоса и, наверное, подумал: «Вот бестолочи, если захочу, то одним ударом сомну!» Но и на этот раз хозяин тайги их не тронул. Трижды сталкивалась Полина с медведем. Она вспоминает, что не слышала ни разу, когда бы медведь задрал скот или напал на человека. Видимо, в лесу ему хватало пропитания.

Рассказывает Пелагея Ивановна, как работала на дегтярном заводе. Деготь гнали из бересты, с живых деревьев ее снимать было нельзя, за это штрафовали. Население деревни заготавливало бересту в тайге с упавших берез и пней, упаковывая ее по одному кубометру, а возчики на быках собирали эти вязанки да возили к заводу. На его территории стоял большой сарай, так называемый «тепляк», в котором были большие обмурованные емкости-казаны. Эти казаны открывались, в них плотно укладывалась береста, дверцу закрывали и обмазывали глиной для герметичности. Печи топили, огонь обнимал казан со всех сторон, нагревая его. Постепенно по трубе, отходившей от казана, начинал течь деготь. Трубы проходили через емкости с водой, так называемые «поруши», большие деревянные корыта. Входило в это корыто до 100 ведер воды, которую носили из реки. Зимой в поруши добавляли снег для снижения температуры, а летом приходилось ее просто менять. Кто же считал, сколько раз нужно было спуститься с ведром к реке? На жаре эти поруши лопались, затыкали, чем могли. В стороне от тепляка стояла избушка, в которой обитали следившие за этим процессом девушки. От Симоновки до завода было четыре километра. Зимой, когда рано темнеет, приходилось идти по лесу при свете луны. Когда сменщица Ульяна Ситникова уходила, Полина оставалась одна. Зажжет лучину, вставит в светец, а уж в тепляк с огнем ни в коем случае! Противопожарная безопасность. Дойдет Полина до тепляка, а дальше ползет на коленях, на ощупь проверяет трубы: если еще горячие, значит, деготь еще не вышел и надо подложить в печь дров. Если трубы уже остыли - процесс закончился. Утром казаны откроют, выметут их метелкой, обрызгают водой, чтобы искр не осталось. Снова на санках начнут возить бересту, очищать ее от мха и лишайников, и плотно набивать казаны. Чем больше выйдет бересты, тем больше получится дегтя. Когда во всех четырех казанах сделана пересадка, затопляли печь. Деготь стекал в бочку, оттуда черпаком его переливали в другую. Итак, пока не накопится 5-6 бочек. Приезжали грузчики и увозили их в Ижморку. Позже перевалочная база стала в Асино, деготь уже везли до Окунеево на лошадях, а там приходил катер и забирал бочки.

Из девушек мало кто шел работать на завод: не на женскую силу и здоровье была та работа рассчитана. Но у Полины мама больна, младшие дети учились, а ей нужно зарабатывать на жизнь.

И на смолокурном заводе довелось работать Полине. Там тоже были огромные казаны, выложенные кирпичом, но в них закладывали «осмол» - сосновые пни, которые сначала корчевали. В войну уже подрывали аммоналом, для чего специально обучали взрывников. Взрывчатку закладывали так, чтобы пни летели все в одну сторону. Давался предупреждающий свисток, и население уже знало: надо прятаться. Осмол плотно укладывался в решетки объемом 2-3 кубометра, три женщины ее поднимали воротом, а одна клюшкой направляла к казану. Решетку опускали, тяжелой крышкой, которую они могли поднять только вчетвером, закрывали казан. Его края засыпали землей, чтобы газ не выходил. Посмотрите на фото смолокурного завода №1, на котором корреспондент из областной газеты запечатлел лучших работниц в 1951 году.

А дальше процесс проходил так: без доступа воздуха шел нагрев, газ проходил по трубам через поруши, и в разные емкости стекали смола и скипидар. Печи находились под землей под котлами, а сборники сырья в разных помещениях. Когда процесс заканчивался, решетку с горячим углем доставали и опускали в сушилку – цементированную яму, которую тоже закрывали крышкой и засыпали землей, чтобы уголь потух и остыл. Получался древесный уголь, за которым приезжали со всего района. Его использовали и в кузницах, и для топки электродвижков. Дисциплина в промартели «Ударник Севера» была военная, все работали по гудку, который подавали три раза в день. Утром гудок – беги сломя ног, успеешь повесить свой номерок на щиток в проходной. Через пять минут после гудка шкафчик закроют и если кто не успел – осудят, посадят или другое взыскание получишь. Вечером с работы можно уйти только после гудка, чтобы там не случилось. Из-под комендатуры людей освободили в войну. Тогда же стали брать на фронт и Симоновских ссыльных мужиков.

Многие были осуждены с поражением в правах, так называемые «лишенцы», их брали только в трудармию. Но солдат стало не хватать, ушли и бывшие «лишенцы».

Тот день Полина не забудет никогда! У нее сломался желобочник, работать нечем, а раньше времени никак нельзя уйти! Увидят, донесут.... Идут они с Лукерьей Холодовой и вдруг слышат – гудит гудок. Гудит без перерыва, не останавливаясь. «Неужели пожар?» - думают женщины и стали украдкой пробираться огородами. Тут их заметила дочка Лукерьи, бежит к ним и кричит: «Мама, мама, говорите « Слава Богу!» Они, ничего не понимая, смотрят на деревню, а там взмывают красные полотнища: на клубе, на школе, на домах вывешивают флаги. Девочка крикнула: «Война – а- а кончилась!» И Полина побежала. Она бежала так, как никогда в жизни еще не бегала, ее ноги едва касались земли, она не бежала, она – летела!

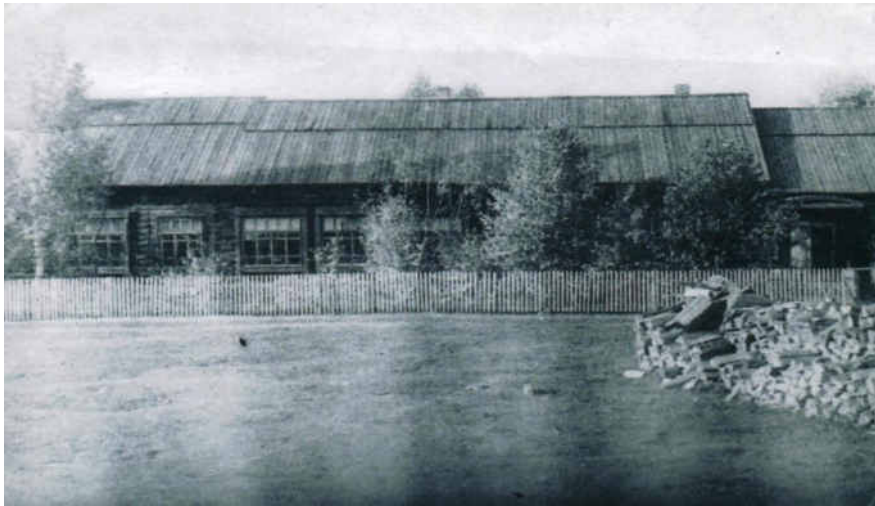
Около клуба уже шел митинг. Кто плачет, кто поет, словами описать совершенно невозможно, какая была радость! Директор школы Готев Петр Ильич увидел их, обнимает, поздравляет. Агриппину Максимовну Ерышкину отливают водой, только накануне у нее погиб сын Анатолий. С Агнией Мезенцевой тоже отваживаются, и у нее перед победой погиб сын. Полина плачет от радости, а боль сжимает сердце, ее жених Горшков Федор Георгиевич, тоже погиб в боях за Родину.

Трудовая жизнь Полины продолжалась. Стала трепать ее малярия, и перевели девушку на «легкую» работу в кочегарку, таскать дрова да кидать их с древесным углем в топку локомотива – движка «Ланг». Движок большущий был, как паровоз, он вырабатывал электроэнергию и давал свет в деревню. Работали станки, пилорама. До войны пилорама не было, лес лежал у дороги, бревно накатывали на высоченные козлы и мужчины – один сверху, а другой снизу – маховой пилой распиливали бревно вдоль на плахи. Как-то Полина сдала свою смену, предварительно вымыв «Ланг» как тарелку, со всех сторон, для чего приходилось взбираться по лестнице, и побежала на Четь. Весна, шумят вешние воды, будоражат молодую кровь, река так разлилась, что казалась морем. И по этому морю, со стороны Яранки, плывет избушка, а на ней поет петух во все горло! Чудно!

Сорок два года прожила в Симоновке Пелагея Ивановна, там она вышла замуж, вырастила двух дочерей. Поговорив со мной так разволновалась, что никак не могла уснуть, а память все водила ее по улицам милой сердцу Симоновки.

Справка. Хутор Симоновский Яранского сельского совета основан в 1916 году, в 1924 году было шесть хозяйств, 34 человека; в 1926 – 5 хозяйств и 23 человека. В 1939 – 1556 человек, в 1959 – 311 человек, в 1970 – 140 (137), а в 1979 – 7 человек. Уехали в 1972 году, Кузнецовы, Шишкины, Липуновы, Хмарины. Пилорама еще работала.

Деревню распахали, подсобное хозяйство Томского приборного завода там выращивало такой хлеб, что колосья гнулись до земли.

Симоновская школа

Коллектив сотрудников Симоновского участка комендатуры УНКВД, 1937 год.

Из воспоминаний
Шкорлухановой
Надежды Алексеевны,
 бывшей жительницы поселка Симоновка

Я из сосланных в Симоновку. Сослали, конечно, моих родителей как кулаков, когда мне был всего один год. У мамы на руках была трехнедельная девочка, моя сестра. Жили мы в Красноярском крае в Шушенском районе в селе Шумеры. Отец мой возил в Монголию грузы, какие – не знаю, возил на лошадях. Домой вернулся – семьи нет. Он бросился вдогонку и нагнал только в Громышовке. Шел проливной дождь, мама пряталась под телегой, закрывая собой новорожденную. С ней была ее свекровь, мать моего отца, ей было 80 лет. Мать моя Спирина Арина Михайловна, 1895 года рождения. С ней были еще два моих брата – Иван и Владимир.

Выслали родителей в 1930 году, ехали на лошадях. Отец – Спирин Алексей Ефремович, 1897 года рождения. Пригнали их в Зырянку, где они простояли два дня на берегу Чулыма, а дальше – в Симоновку. Раскулачили вроде бы за то, что держали няньку-домработницу, она была племянница одного из родителей. Еще держали лошадей, т.к. отец занимался извозом. Когда мне было 8 лет, отца отправили работать в Малиновку заведующим опять обозом. Там возили рабочие сено, и корова колхозника как-то попала в яму. Они, чтобы за нее не отвечать, завалили яму сеном. Весной все обнаружилось и отца забрали, и расстреляли. Мамин брат был сослан на Лесозавод. В Симоновке стояли дома – двухквартирные бараки. Квартира из одной комнаты, в ней кровать, русская и железная печь, стол, шкафчик для посуды, полка для чугунов и кастрюлей и лавки у стены. Сенки и кладовка. Вот и весь набор интерьера. Два окна.

Мы в школу ходили в войну за пять километров в д. Сухой Лог. Обуть было нечего, когда я училась в шестом классе, мне скатали валенки. Я все уроки сидела и смотрела под парту на эти валенки, и не могла наглядеться. Учитель скажет: «Спирина, ты что там под партией потеряла?» Отвечу: «Ничего». И опять под парту на валенки смотрю. Голода я не видела, на Першиной заимке была артель, и мама там пекла хлеб. Уж кусочек нам был обеспечен.

Я окончила семилетку в Сухом Логу в 1947 году, приехала в восьмой класс в Зырянку, жила у брата. Брата старшего в Зырянке в школу не приняли, потому что из ссыльных. Таких ребят собрались человек восемь, они уехали в Кемерово, чтобы поступить в техникум. Директор оказался хорошим, принял их, но техникум брат не закончил, т.к. призвали в армию. Младшего убили в первом же бою. Иван прошел всю войну, был контужен.

На поселении бабушка, 3-хнедельная девочка и еще одна, рожденная в Симоновке, умерли.

В Симоновке в начале войны была начальная школа. Когда началась война, то на столбе колодца - журавля прикрепили объявление на красной бумаге. Когда война закончилась, все выбежали из класса на площадь перед школой, а я не пошла и проплакала на парте, жаль было погибшего брата Володю. Когда Володю призвали, ему было 17 лет. Я в это время на печи читала «Муму» и сильно плакала от жалости к этой собачке и Герасиму. Пришла повестка, он залез на печку и говорит: «Надя, ну что ты плачешь. Меня же на войну берут...».

Восемь классов закончила, лето проработала в Зырянке и уехала в Томск в библиотечный техникум, проучилась три года и вернулась в Зырянку. Библиотека была там, где в саду угол ул. Калинина и Советской, там когда – то стояла церковь, из нее сделали дом культуры (деревянный), в этом здании была библиотека. Но ее я не захватила, а в доме белом около администрации была детская и взрослая библиотеки. Потом ее перенесли на угол улицы Смирнова, где сейчас лесхоз. Потом детская библиотека была в здании восьмилетней школы, где сейчас магазин «Поляна», потом перевели в здание РК КПСС, которое сгорело от поджога.

Детская библиотека стала самостоятельным учреждением в 1967 году.

Вверху слева: Спирин Алексей
Ефремович 1897 г.р

Спирина Ирина Михайловна, 1895 г.р.

Из воспоминаний
Рыжовой Галины Александровны,
ветерана педагогического труда

Галина Александровна закончила Саратовский пединститут, по распределению в 1961 году попала в Зырянское. Заведующий РайОНО товарищ Киселев предложил поехать в Симоновку, соблазнил тем, что это рабочий поселок и есть два магазина. Ехала на грузовой машине в кузове. По дороге познакомилась с белокурым парнем-попутчиком, который стал потом ее мужем. Когда подъезжали, увидела заводскую трубу. Подумала: «Ага, значит правда, предприятие есть». Магазины тоже были. Поселок оказался небольшой: 3-4 короткие улочки, но выстроен он был по-городскому, кварталами. В поселке был клуб, библиотека, медпункт. Когда приехали, то жена директора встретила, показала дом для учителей: хороший, аккуратный. Дверь была на замке, потому что учительница-хозяйка была на полевых работах. Тогда ведь все сельские жители, кроме своей основной работы, были заняты на полевых работах. Влезла Галина Александровна в окно, жена директора принесла картошки и огурцов, накормила новую учительницу. Школа была аккуратная, светлая, просторная, самое красивое здание в деревне. В восьмилетней школе было 56 учащихся, детей в классах училось по 10-15 человек. При школе находился интернат на двадцать человек. Через восемь лет пришлось Галине Александровне уехать в Чердаты, т.к. не стало работы. Люди после амнистии стали уезжать, да и леса оставалось мало. Перед закрытием осталась начальная школа. В 1960 году здание школы перевезли в село Михайловку, оно служило до 1970 года, затем из-за ветхости было снесено.

Народ был из сосланных и раскулаченных. Кажется, они бы должны затаить злость и обиду, но люди были исключительные, столько было доброты и внимания. К школе у населения было особое отношение: надо дрова – все в лес их готовить, надо делать ремонт – все в школу. Учитель был непререкаемым авторитетом, была учительская самодеятельность. Учителей было 7-8 человек, учеников 70-80, в поселке приблизительно 400 человек. Учителя были агитаторами, у каждого – своя десятидворка. И вот я, комсомолочка, собрав в одном из домов свою десятидворку, стала выступать, что кулаки такие – сякие.... Встала бабушка Минько, на ней была домотканая черная юбка с золотыми цветами и говорит:

-Ткни в мою юбку пальцем! Ты прошлась по деревне?

-Да, прошлась.

- Посмотрела?

-Да, посмотрела.

-А привезли нас на голое место. Кругом был только лес, нас выгнали из своих домов, а мы их снова построили. Мы живем и будем жить, бесконечно работая. Вот такие мы кулаки!

Насчет «ткни пальцем» она, очевидно, хотела сказать, что мы сейчас такую ткань не сумеем выткать.

В Чердатах давила по Симоновке тоска, все там было родное и близкое. Все учительницы там вышли замуж. Фамилии жителей были: Ивановы, Городковы, Вервальд, Першины, Маняшины, Шишкины, Низамутдиновы, Вороновы, Горр, Воронкины и другие. Яранка была в 12 километрах от Симоновки и яранские дети жили в интернате, до Лесозавода было четыре километра, дети ходили пешком домой. Бывало, оставляли после уроков до вечера, а в школе никто не кормил, а еще нужно было идти по темноте.

Галина Рыжова

Тебе, Симоновка

Здесь когда-то шумел дикий бор,
Проложил зверь таежные тропы,
Да лягушек несобранный хор
Раздавался над топким болотом.

В неглубоком овраге ручей
Не спугнет тишину боровую,
Край таежный, когда-то ничей,
Собирал всех в годину лихую.

И в весеннюю песнь глухаря
Человеческий голос пролился,
Топоры говорили, звеня,
На ладонь сок березовый лился.

Отступил молча сумрачный бор,
 На опушке белели березы,
 Строит дом молодой Вася Горр,
 Прячет жинка невольные слезы.

Ее сердцу не мил этот двор,
 Да куда от судьбы было деться?
 На гармошке простой перебор,
 Чтоб напевом знакомым согреться.

Вон Обухов домишко стоит,
 Рубят избу себе Тырковых,
 И работа народ не страшит,
 Много их, мужиков деловых.

Не по воле своей поселились,
 В стороне, им совсем не родной,
 А иные, как ветром, прибились,
 С многоликой смешавшись толпой.

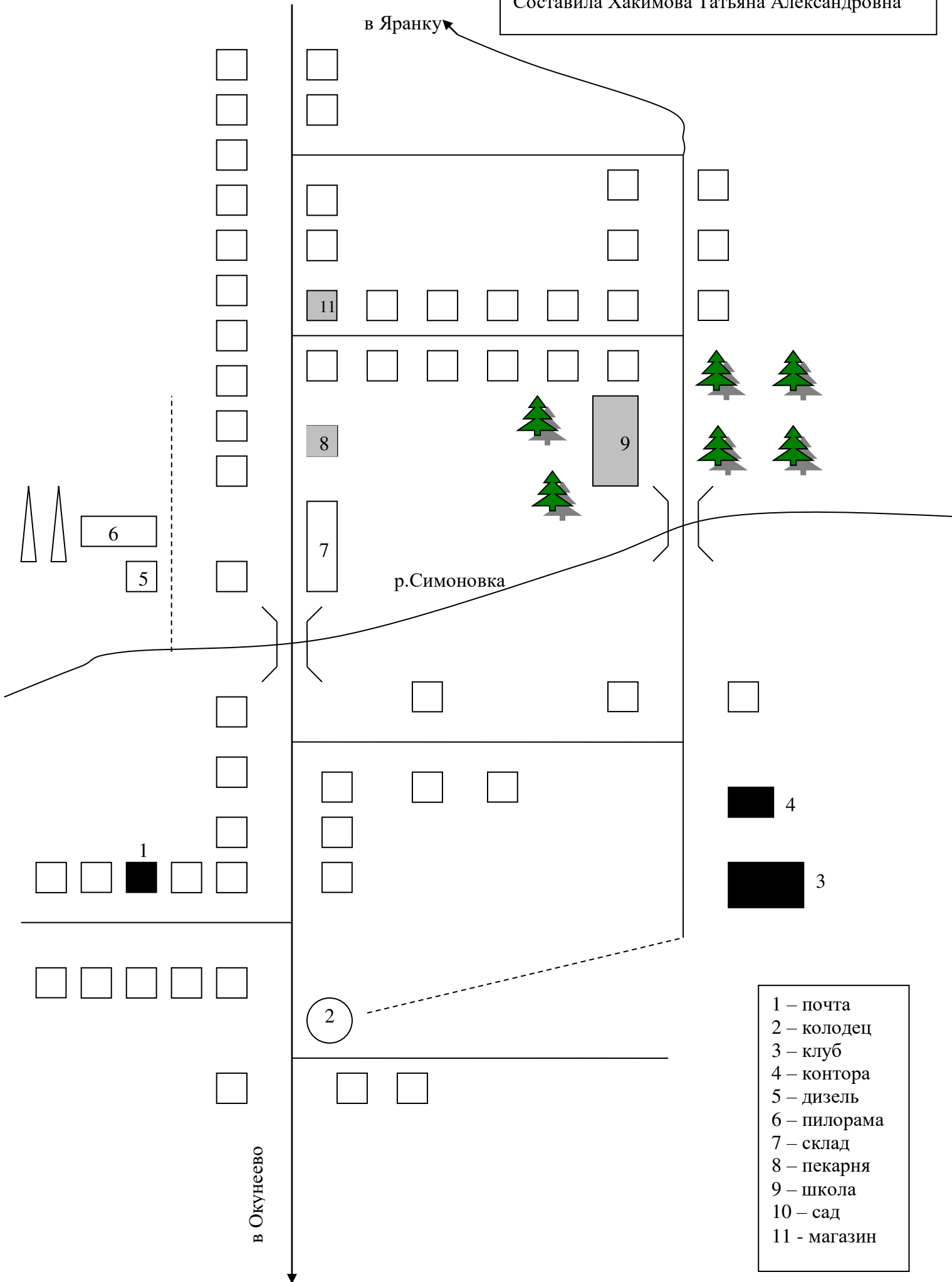
И влюбились в сторонку свою,
 Позабыв о печалях и бедах.
 Вот и я тебя крепко люблю
 Хуторок мой, что словно и не был.

Лист осенний над полем кружит,
 Здесь стояла веселая школа,
 Но звонок там давно не звенит,
 Где шагаю девчонкой веселой

В моей памяти, в класс торопясь.
 Солнца лучик на парте играет,
 И от детских бесхитростных глаз,
 Доброю душа прорастает.

Нынче там трын - трава до небес
 Поднялась на непаханом поле.
 Села русские! Тяжек ваш крест
 На равнинах российской юдоли.

Схема расположения пос.Симоновка
Составила Хакимова Татьяна Александровна

- 1 – почта
- 2 – колодец
- 3 – клуб
- 4 – контора
- 5 – дизель
- 6 – пилорама
- 7 – склад
- 8 – пекарня
- 9 – школа
- 10 – сад
- 11 - магазин

Сухой Лог Яранского сельского Совета

Из воспоминаний
Шайхутдиновой Мафрузы Сахобеевны,
бывшей жительницы поселка,
Хакимова Виктора Халимовича,
бывшего жителя пос. Торба.

Сухой Лог – поселок лесозаготовителей, который был создан в 30-е XX века. Строили его ссыльные. Раскулаченные из этого контингента были самыми работающими людьми. Они себе сначала наделали землянок, а позже уж возвели дома и материально жили довольно не плохо. В Сухом Логу создали леспромхоз, смолокурный завод и предприятия по производству пихтового масла и дегтя, артель называлась «Новый быт».

Сбор кедровых шишек в Сухом Логу.
Справа – Шайхутдинова Мафруза Сахобеевна. 1960-е гг.

Сначала построили начальную школу, где обучали два учителя, а директором работал Попов, а затем Емельянов Николай Николаевич, отец которого, Николай Гаврилович, тоже учительствовал в с. Зырянское. Домов в поселке было не менее 40, улица тянулась одна, а учеников в классе учителя Филиппова Николая Вуколовича было более 20 (в школе – около 50).

Домов в поселке было не менее сорока. Улица сначала была одна, а в 1950-е годы уже две улицы. Вся молодежь работала на заготовке пихтолапки для завода. В это время было много ссыльных: молдаване, украинцы, латыши, немцы.... Но жили все дружно, делились картошкой, больше дать было нечего. Кто-то держал кроликов, и на деньги, вырученные за шкурки, покупали хлеб.

В начале 50-х годов в Сухом Логу была открыта семилетняя школа, первая на всю округу, в ней учились дети из Зырянского и Пышкино-Троицкого районов. Сухой Лог стоял на высоком, сухом и красивом месте, а вокруг лога. Колодцы были очень глубокие, заглянешь в него, а там, где-то

внизу, вода чуть блестит. Через поселок протекала речка Кузьминка. Был небольшой магазинчик, торговала Ольга Осипова, в конце 1940-х годов случилась денежная реформа. Люди на имеющиеся у них деньги скупили все, что было в магазине, а Ольгу посадили в тюрьму, т.к. деньги уже нельзя было принимать.

По Сухому Логу и в Симоновке оставалось много пней, которые взрывали, а куски летели во все стороны. Перед взрывом производился предупредительный свисток, люди прятались и закрывали окна. Однажды один старик строил погреб и не ушел после предупреждения:

«Да меня тут не достанет!» - сказал он.

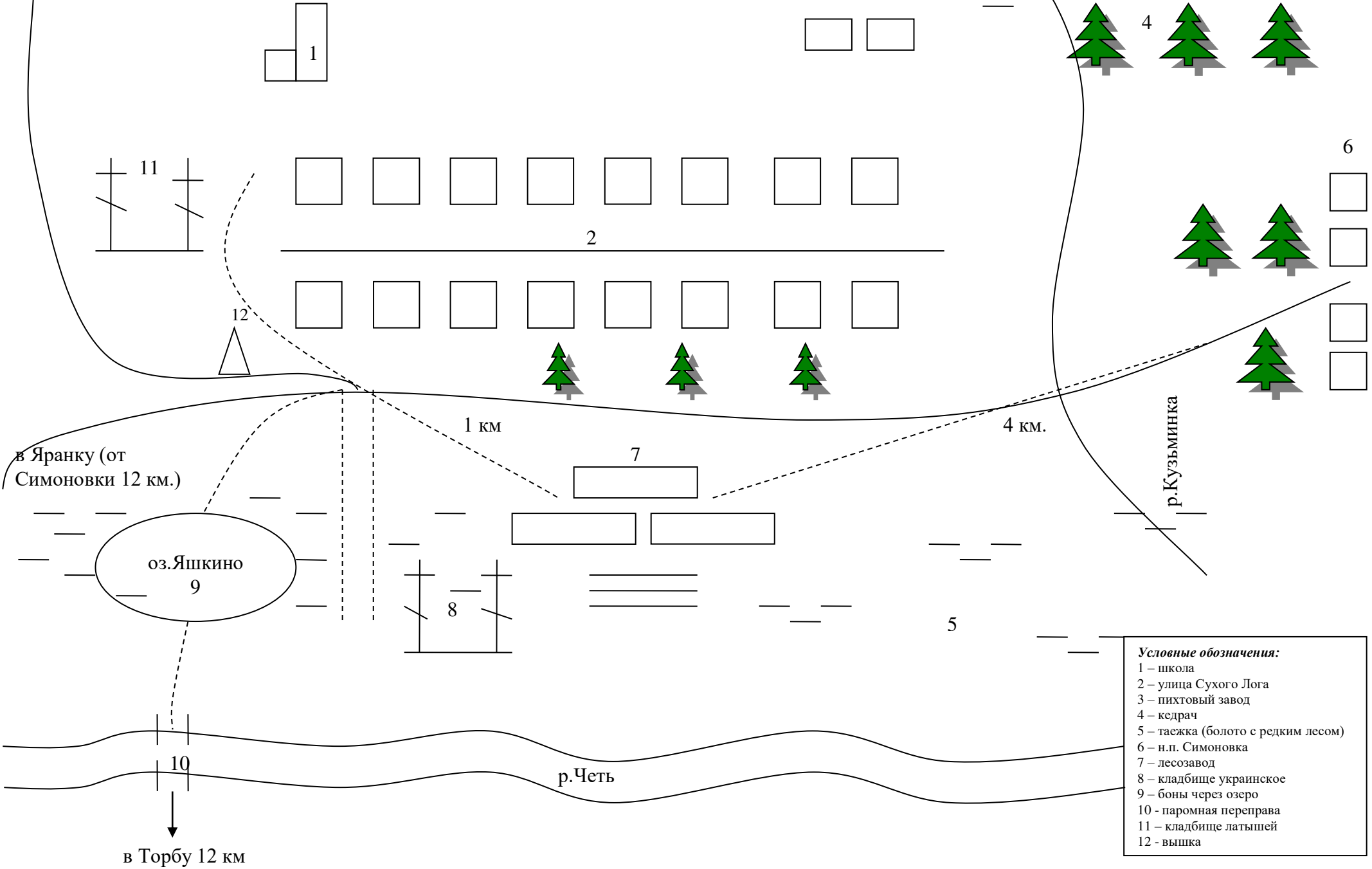
Но как назло, корень упал прямо в погреб ему на голову. Старик погиб. А в Симоновке как-то пробило крышу школы. Этот осмол собирали в кучи, измеряли их кубатуру, а возчик собирал и увозил на смолокурный завод. Воронки по деревне были как от бомбежки в войну, но их не заравнивали, потому что нечем было, тракторов не было. В конце 50-х годов жили в поселке Низамутдиновы, Зыряновы, Пименовы, Ушаковы. В 1959 году еще проживал 31 житель. 20 октября 1962 года Сухой Лог Яранского сельского Совета исключен из учетных данных в связи с прекращением разработки леса.

Сухой лог. Низамутдинова Мафруза
и Хмара Валя на бревне через речку
Кузьминку

Схема поселка Сухой Лог Я на 1958 год.
Составил Хакимов Виктор

183 в Бихтуил
(3 км. от лесозавода)

- Условные обозначения:**
- 1 – школа
  - 2 – улица Сухого Лога
  - 3 – пихтовый завод
  - 4 – кедрач
  - 5 – таежка (болото с редким лесом)
  - 6 – н.п. Симоновка
  - 7 – лесозавод
  - 8 – кладбище украинское
  - 9 – боны через озеро
  - 10 – паромная переправа
  - 11 – кладбище латышей
  - 12 – вышка

Тарбыково
Богословского сельского Совета
(позже Окунеевского)

Из воспоминаний
Комаровой Дарьи Евдокимовны (Ковалевой в
 девичестве),
 бывшей жительницы деревни

Деревню Тарбыково основали в 1927 году переселенцы из Орловской области Красногорского района, деревень Батуровка, Заборье (возможно и других). Это были представители четырех фамилий: Снытко, Ушаковы, Грибовы и Гайдук. Поселились они на берегу озера Умай, где уже стоял один дом и фамилия этого жителя была то ли Тарбыков, то ли Торбеев. Отсюда и название деревни.

Строились новоселы одной улицей вдоль озера. Улица эта была односторонняя, то есть дома стояли только по одной стороне. Особенно много было Ушаковых, домов одиннадцать. Прибывали переселенцы, конечно, не все разом. Например, Брат Снытко Леона Павловича, 1888 года рождения, и Снытко Прасковья Тимофеевна, 1889 года рождения, приехали только через три года после первопоселенцев. Жили очень трудно, полей было мало. Например, между Тарбыково и Чарочкой было поле под названием Голодный Бугор, поскольку его засевали, а урожая почти не получали. Дети росли сами по себе, времени у родителей на их воспитание не оставалось. Взрослые день работали на основной работе в колхозе, а в ночь еще работали на сушилке.

Из предприятий в 1930-е годы была в Тарбыково артель имени XVII партсъезда, в которой занимались заготовкой живицы, смолокурением и изготовлением бочек. Бочки заполняли смолой и отправляли в Асино. Предприятие имело свой статус, поэтому во время войны некоторым из мужчин давали бронь.

Список жителей деревни Тарбыково в 1935 году,
колхоз имени «17 партсъезда»

1. Грибов Иван Григорьевич 1897г.р, Анна Яковлевна 1899г.р.
2. Гайдук Яков Устинович 1898г.р, Федосья Даниловна 1898г.р, 5 человек.
3. Ковтунов Марк 1897г.р, Варвара 1891г.р.
4. Грибов Алексей
5. Грибов Прокопий
6. Грибов Иван
7. Ковалев Евдоким 1911г.р, 5 человек.
8. Коновалов Максим 1884г.р.
9. Гайдук Иван 1904г.р.
10. Заборский Михаил 1909г.р.

- 11.Снытко Матрена А.1860г.р.
- 12.Снытко Максим Гаврилович 1902г.р.
- 13.Снытко Яков Т. 1876г.р, 5 человек.
- 14.Сонин Алексей Д. 1893г.р, 7 человек.
- 15.Снытко Леонтий Павлович 1895г.р, 6 человек.
- 16.Сонин Николай 1915г.р.
- 17.Снытко Гавриил 1870г.р, 3 человека.
- 18.Сербан Трофим 1886г.р, Евгения 1882г.р.
- 19.Отец Терентий С. 1836г.р.
- 20.Ушаков Терентий 1887г.р, Мария 1888г.р.
21. Ушаков Афанасий
- 22.Мулин Петр 1850г.р.

В 1934 году в колхозе числились 15 хозяйств, работало 74 колхозника, был свиновод и ферма крупно-рогатого скота. Всего в 1934 году в Тарбыково было 36 хозяйств, жителей 184 чел., мужчин - 94, а женщин - 85³² Коров было 26, телок - 6, свиноматок - 6, овец - 17. Как видим, было мало, значит, жили голодно.

Школа в деревне была начальная. Учил детей Лобанов Сергей Дмитриевич, позже из Красноярска приехала талантливая учительница Кристинина Лидия Дементьевна. Школу посещали 43 ученика. По словам Дарьи Евдокимовны в ее четвертом классе за партами сидело 17 учеников. С пятого по седьмой классы дети учились в с.Окунеево. Жили в доме из двух комнат, в одной 9 девочек, в другой мальчики. У каждой около кровати стоял мешок с картошкой. Как дети питались - это их вопрос, никто не варил, и печку тоже топили сами. В доме была русская глинобетонная печь и железная печка, которую топить воспитательница Вера Ильинична не разрешала. Дети прибегали голодные из школы, чистили картошку и ставили варить на «железку», так как есть очень хочется, а русскую печь быстро не натопишь. На дрова привозили мерзлую сосну, кто-то ее пилил (не дети), но такими дровами надо было топить. Когда картошка закипала, и запах ее разливался по дому, а дети глотали слюну - появлялась воспитательница. Ребяшки хватали чугуны и прятали его под шесток русской печки, а Вера Ильинична садилась и долго сидела. То ли воспитывая, то ли наказывая (а может, издеваясь). Испытывая муки голода, дети подолгу ждали, когда вредная тетка уйдет из комнаты, а они смогут поесть.

Домой и в школу ходили пешком (семь километров). Тогда обязательным было 7-летнее образование, а чтобы учиться дальше, нужно было платить 75 рублей. Поскольку у Комаровой Д.Е. отец погиб на фронте, то она училась бесплатно, а за погибшего кормильца государство платило 7 рублей (это приходилось на четверых). В 8, 9, 10 классы Дарья Евдокимовна ходила учиться в Зырянку. Директором школы был Хахалкин. Из Тарбыково до Зырянки не ближний свет, да и к тому же пешком. Как-то она опоздала на

³² Архив Зырянского района

лен. Дарью Евдокимовну исключили из школы, ей целый год пришлось просидеть дома, а потом снова пойти в 8 класс. Когда она закончила 10 классов, то решила поступать в сельскохозяйственный техникум. Для этого нужно было справить паспорт. Как он получала паспорт – запомнила на всю жизнь. За один день прошла десятки километров. Из Тарбыково пошла в Красноярку за справкой, что она из колхоза. Потом шла в Богословку за бланками для паспорта, так как там был сельский Совет. Оттуда пошла в паспортный стол в Зырянку. Пришла уже к закрытию, но начальник его, Пугачев, еще был на месте и выписал ей паспорт. Снова пошла пешком домой, в Тарбыково. Это было в августе 1958 года.

Дарья Евдокимовна полтора года отучилась в техникуме и приехала работать в Окунеево, но жила в Тарбыково. В 1963 году купили дом в Окунеево, где было отделение колхоза «Советская Россия». Всю жизнь она проработала бухгалтером, заработав за 40 лет мизерную пенсию.

Вся история колхозной жизни в Тарбыково состоит из перемен и реорганизаций. Особенно много изменений случилось, когда пошла серия объединений.

Сначала объединили хозяйства Тарбыково Чарочки. В 1940-е годы в Чарочке держали коров, а в Тарбыково – овец и свиней.

В 1950-е годы прислали тридцатитысячника Долгова Владимира Ефимовича, он стал председателем колхоза. Земель вокруг было мало, поэтому объединение хозяйств продолжили. Создали колхоз «Советская Россия», в который вошла еще и Красноярка. Но жизнь колхозников оставалась нищенской. В 1960 году Красноярку объединили с Богословкой.

В 60-е годы объединяют колхозы деревень Тарбыково, Чарочка, Тукай, Окунеево. Председателем назначили Доронина, семья его жила в Зырянке, он проработал всего 1 год. Следующим председателем был Володин, при нем произошел некоторый подъем. Он людей не обижал, к праздникам дарили подарки. После из Иловки прислали председателем мужчину, который сумел организовать первичную обработку льна. В 60-е годы в Тарбыково выращивали лен, но ума ему придать не могли. Теперь же его мочили, стелили, мяли, а сырье отправляли в Асино на льнозавод. Тогда все получили неплохие, по тем временам, деньги. Ковалевы купили велосипед, и Дарья теперь везде ездила на велосипеде.

В 1968 году колхоз «Советская Россия» опять укрупнили за счет присоединения к нему Михайловки и Туендата, он стал называться «Россия». Его возглавил Швайко Константин Егорович. До 1967 года жили без электрического света.

Из Тарбыково вывезли в Михайловку водонапорную башню, свинарник. В Чарочке ликвидировали ферму. Людям стало нечем жить, большинство из них переехали в Чердаты.

Лугов в Тарбыково тоже было мало, косили для колхоза, а частникам почти ничего не оставалось.

Дарья Евдокимовна вспоминает, как косили хвощ по воде, складывая его в кучки. Однажды пошли дожди и водой это «сено» унесло. А зимой эти кучки так заносило снегом, что с большим трудом удавалось их отыскивать. Вспоминает старожил, как на одном из покосов нашли окровавленные тряпки-бинты. Это однорукий участник войны, крадучи, косил себе сено. С двумя-то руками это трудно делать, а он как-то прилаживал литовку к себе и умудрялся косить одной рукой. Когда его кошенину обнаружили, председатель велел собрать сено и отвезти его на колхозный двор.

Из Тарбыково ушли на войну 37 мужчин, а вернулись 18. Дарья вспомнила всех, кто вернулся.

Это:

1. Ушаков Михаил Терентьевич
2. Ушаков Матвей Григорьевич
3. Кривошاپко Василий Петрович
4. Кривошاپко Марк Петрович
5. Ушаков Алексей Ефимович
6. Шилов Иван
7. Гайдук Тимофей Михайлович
8. Ушаков Гавриил Терентьевич
9. Гайдук Яков
10. Снытко Максим Гаврилович
11. Овчинников Иван Дмитриевич
12. Стынко Савелий Леонтьевич
13. Снытко Федор Леонтьевич
14. Сербай Ларион Иванович
15. Брок Карл Иванович
16. Снытко Кузьма Яковлевич (был потом председателем колхоза им. Молотова в с. Зырянское)
17. Лобанов Сергей Дмитриевич (учитель)
18. Грибов Дмитрий Георгиевич (военный корреспондент)

Исчезла деревня в 1971 году.

Ученики Тарбыковской школы. Фото от 14 сентября 1947 года
Учителя: Лобанов Сергей Дмитриевич и Кристинина Лидия Дементьевна

Потомок Тарбыковских переселенцев
Ушакова Нина Алексеевна. Фото 2009

Грибова Варвара Тимофеевна с внуками:
Тамарой, Сашей, Олей и Лешей. Фото 1954
года

Грибова Валентина , фото 1950-х годов.

Мельникова
Галина Васильевна
1950-е годы

Точилкина Наталья Георгиевна с
подругой 1950-е гг.

Шалагин Алексей Васильевич с
бабушкой Грибовой Варварой
Тимофеевной, начало 1960-х годов

Шалагин Василий Григорьевич
рыбачит на оз. Умай, 1950-е годы

Жители Гарбыково в 1950-е годы.
Слева направо: Грибова Валентина, Шалагина Анастасия с дочерью Ольгой,
Грибова Мария, Грибова Варвара, Грибова Елена, Ушакова Ульяна

Южская
 (область, край, АССР)
 Звездный
 (район, городской, поселковой администрации, колхоза)
 8-3, Советская Россия
 (наименование колхоза)

Пенсия назначена по старости, по _____ группе инвалидности, по случаю потери кормильца на _____ членов семьи в соответствии с Законом о пенсиях и пособиях членам колхозов и п. 8. Подожения о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов из среднемесячного заработка _____ руб. _____ коп.

В размере двенадцать руб.
 (цифрами)

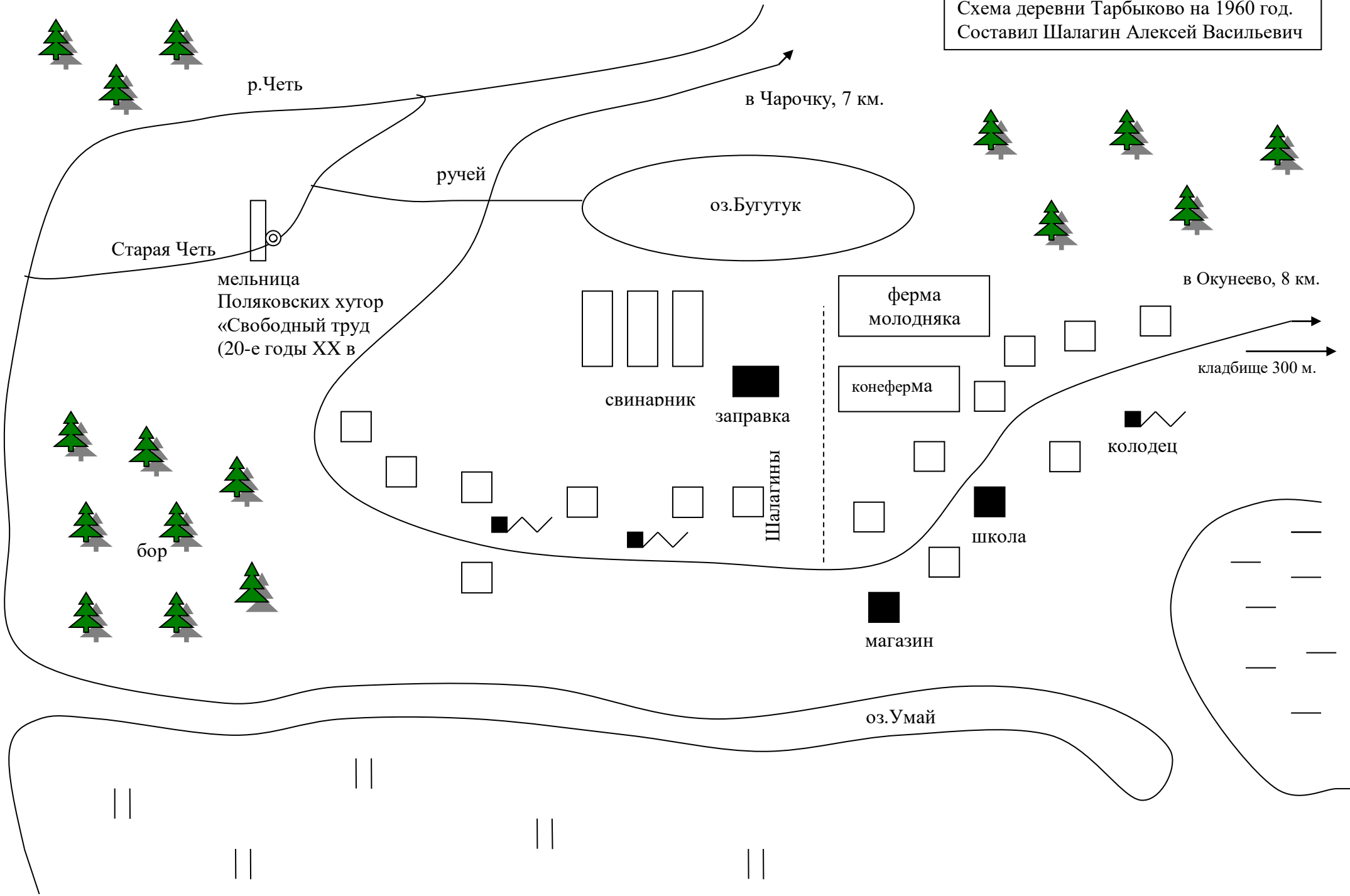
Пенсия назначена с 26.10.65 г.
 по исключено 19 ____ г.
 Удостоверение выдано 17 1965 г.

348 отделение
 м. п. _____
 Ст. инспектор _____

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 294
 Фамилия Снытко
 Имя Павеловна
 Отчество Михайловна
 Год рождения 1888
 Вид пенсии по старости
 (образец подписи выдателя)

Пенсионное удостоверение члена колхоза
Снытко П.Т.

Схема деревни Тарбыково на 1960 год.
Составил Шалагин Алексей Васильевич

Торба Яранского сельского Совета

Из воспоминаний
Хакимова Виктора Халимовича,
бывшего жителя Сухого Лога
и Торбы.

Поселок Торба был небольшой, как и многие поселки лесозаготовителей, но удивительно красивый. Стоял на песчаном месте, сухом и чистом. Машины по поселку не ездили. Вокруг сосновый бор, в котором ягоды - хоть ковшом черпай,

грибы искать не надо, сами на тебя глядят. И дичь никем не пуганная. Например, Русинов Иван ходил на охоту только с мешком и приносил его полный рябчиков да капалух (самка глухаря). Пелагея Ивановна Кузнецова в 1936 году ездила в Торбу с отцом за брусникой. Поселка еще там не было, но два барака стояло. Леспромхоз выстроил поселок с несколькими бараками и двухквартирными домами. Квартирки были маленькие: прихожая с кухней и комната. В бараках расположение было как в общежитиях: длинный коридор, по обе стороны которого комнаты. Говорят, что жило в бараках по 40 семей.

Обустроивали поселок на берегу старого русла Чети – Курьи, где вода летом прогревалась до дна. Местная ребятня целыми днями плескалась в теплых волнах, или, задрвав ноги, грелась на чистом песочке. Вспоминая свои детские годы в благополучные пятидесятые, Виктор восклицает:
-Ах, до чего же там было хорошо!

Как и в любом поселке, подспорьем был огород. Никто не ленился тогда сажать для себя овощи да картофель. Это сейчас народ избаловался. А картофель приходилось садить так: в песке делалась ямка, в нее бросали горстку перегноя и картофелину. Вырастало! Клубни были мелкие, но десять соток семью обеспечивали. Зато помидоры росли отменные. Кто-то пасеку держал (например, Втюрин Александр).

Жилось в Торбе совсем не плохо. Заработки были в те годы уже стабильные, снабжение орсовское. На такой поселок целых четыре магазина: два продуктовых, два промтоварных и один скобяной (железный, как звали его жители). Стояла контора, хороший клуб. Помните фильм «Девчата?» Так вот в Торбе все было очень похоже, даже столовая такая же.

Улиц в поселке было пять. Они имели местные названия: Центральная, Клубная, Школьная, Молдавская (жили на этой улице молдаване, сосланные за религиозные убеждения). Молдаване жили в полуземлянках в районе станции. Все улицы сходились к станции, где стоял подвижной состав лесозаготовителей. Примерно в одном километре от поселка, на нижнем

складе, лес, доставленный по узкоколейке на паровозах и мотовозах, складировали, а весной его сплавляли по Чети.

В первой половине 1960-х годов лес на Торбинском участке очень пострадал от нашествия непарного шелкопряда. Сырьевая база для лесозаготовок истощилась, леспромхоз закрылся. Весной 1965 года из поселка уехали последние жители. Школа была восьмилетняя, и 15 учеников выпускного класса доучивались и сдавали экзамены, живя уже без родителей. Выпускного вечера, конечно, не было. Сдав последний экзамен, Виктор Хакимов сел на велосипед и покатыл в Симоновку, куда перебрались его родители.

Но солнце поселка Торба все еще притягивает к себе бывших жителей. Нина Бессонова (Иванкина) собирает их у себя в поселке Черный Яр, и они шумной и дружной толпой едут в Торбу, где ходят по бывшим улицам, отдыхают на песочке Курьи и говорят, говорят... Им есть что вспомнить.

Хакимов Федор Халимович у
здания школы. 1963 г.

Торба.
Хакимов Халим Каюмович

Купол часовни

Часовня в пос. Горба над могилами
Алексеевой Валентины Алексеевны и
Алексеева Семена Тимофеевича.

Алейка

барак

школа

в Черный Яр

3

мастерская

оз.Цыганок

3

9

барак

барак

барак

гаражи

конный двор

3

3

7

8

2

1

6

узкоколейка

узкоколейка

5

Условные обозначения:

1 – клуб	6 – магазин продуктовый
2 – контора	7 – магазин продуктовый
3 – жилые дома	8 – магазин промтоварный
4 – магазин скобяных товаров	9 – станция
5 – столовая	10 – водочка

4

ПЛЯЖ

10

курья

нижний склад

р.Четь

Усачево
Чарочкинского сельского Совета
(позже Окунеевского)

Из воспоминаний
Валегжанина Григория Григорьевича,
 бывшего жителя

Я родился в Усачево в 1930 году, а через три года отец с мамой разошлись, отец уехал в поселок Уйданово Первомайского района (в то время – Пышкино-Троицкого). Мама нас оставила и уехала куда-то в Минусинск. Мы, четверо мальчишек, остались одни. Мамина сестра, наша тетя, жила недалеко, в Митюшкино, и пришла как-то посмотреть на наше житье-бытье. А мы лежим на холодной печке, прижавшись друг к другу, и молчим, потому что на разговоры не было сил от голода. Тетя, видимо, сообщила отцу и он всех четырех нас забрал к себе. У нас появилась мачеха и сводные две сестры, ее дочери. Жили мы неважно, как и многие в то время.

В начале войны отца взяли на фронт. Я хорошо помню, как он уезжал на лошади, а мы бежали за телегой и все кричали:
 -Тятя, приезжай! Тятя, возвращайся! Тятя, мы будем тебя ждать!

Но отец не вернулся, в этом же 1941 году мы получили похоронку. Помню: сядем ужинать, мачеха поставит длинный лист с картошкой, на свой край положит масла или еще чего-нибудь. Нам туда со своей ложкой соваться было нельзя, тут же получишь по рукам или по лбу.

Мама наша, Анастасия Игнатьевна, вернулась из Минусинска, устроилась работать дояркой в подсобное хозяйство на Лесозаводе, а жила в Сухом Логу. Она взяла к себе сначала двух старших братьев, а попозже и остальных. Из отцовского хозяйства нам выделили корову, а больше и дать было нечего. Мы вновь вернулись в Усачево, там стоял наш пустой дом без окон и печки. Как восстановить дом, когда кроме рук никаких инструментов не было? Мы взялись мешать глину и делать кирпичи, кое - как печку слепили, а чем окна заделали – уж и не помню, но стекла немного где-то достали.

Чтобы огородить огород, по одной жердине таскали из леса, благо, он был не так далеко. Вбивали колья, перевивали их прутьями и укладывали жерди, т.к. гвоздей тоже не было. Земля, пока в этом доме никто не жил, превратилась в залежь, поросшую бурьяном. Сколько же было пролито пота, чтобы ее перекопали! Семян картофеля для посадки тоже не было. Нанялся я пастухом, чтобы заработать картошку для посадки, и два лета пас коров.

Когда мы жили в Усачах, там было всего 9 домов. Около дома Русиновых, на веселой лужайке, молодежь собирались на вечерки, а я играл на балалайке. Научился как-то сам, азы игры перенял у старшего брата. Играл я вальс, фокстрот, «Барыню», «Камаринскую». Под эту музыку танцевали все, а уж девчонки не сводили с меня глаз.

Хутор Усачевка возник в 1914 году на реке Четь и назван по фамилии первопоселенца, но я о нем ничего не знаю. Когда-то жителей в Усачево было значительно больше, например, в 1934 году 78 человек, там даже был организован колхоз, который назывался «Трактор». Люди говорили, что в деревне жили почти одни ссыльные. В 1959 году в нем оставалось девять хозяйств, но в 1962 году населенный пункт исключен из учетных данных. Магазина в Усачево не было и мы за 8 километров ходили в Симоновку за продуктами. Школы тоже в поселке не было. Нас на дому учила Филиппова Вера, она была из Зырянки. Детей я насчитал 21, не помню, все ли они были школьного возраста. Позже ученики из Усачево учились в Симоновке, а жили в интернате или по квартирам.

Работу пастуха я оставил и стал работать в леспромхозе маркировщиком. В трудовой стаж это время мне не вошло, потому что я был несовершеннолетним, а записей никаких не сохранилось. Я умудрялся маркировать лес, пока его везли по ледянке, поскольку когда бревна свалят у реки – я уже не успеваю. Что такое ледянка? Это ледяная дорога, которая устраивалась зимой для лучшего скольжения саней СЛЗ (лесозаготовительных). На сани ставили емкость, в которую из Чети наливали воду. Потом, по ходу, открывали в ней пробки, и вода лилась на снег. Лошадь шла по узкой тропке по снегу, а полозья саней скользили по льду, иначе лошадь не могла вытянуть сани с лесом. А сани были широкие, из двух телег, которые связывались цепями крест накрест, чтобы на них могли помещаться длинные бревна.

Обуть мне было нечего, валенки совсем порвались, вечером почию их холстиной, но этой заплате часто на день не хватало. Когда открылся Торбинский леспромхоз, ушел работать туда. Вальщиками были в основном женщины. В 1950-х годах появились электрические пилы «Вакоп», которые работали от передвижной электростанции. Я работал десятником, т.е. приемщиком леса. Вывозили весь лес на лошадях. Когда я работал вторую зиму, пригнали лошадей из Монголии, которые были очень выносливые. Из Торбы до Зырянки порожняком ехали день, а назад, с грузом горючего, уже два дня.

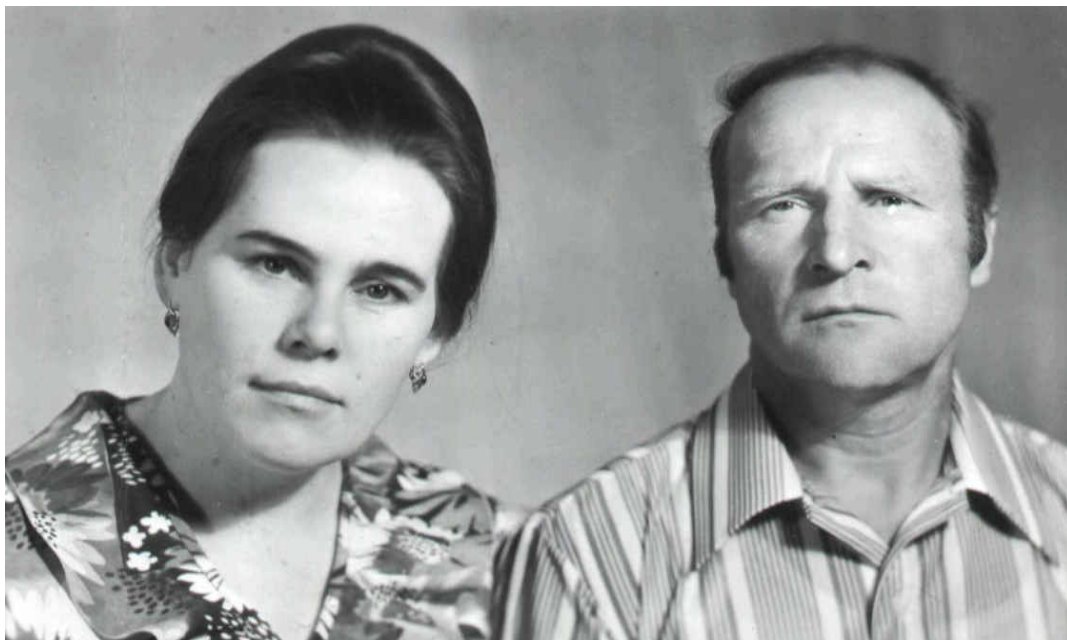
Затем в Тимирязевском ЛПХ я учился на лебедчика. В Торбу привезли лебедку, при установке которой в тросе лопнула какая-то проволочка и воткнулась мне прямо в правый глаз. Кровь из глаза течет, очень холодно, ноги примерзают к снегу. Поехали в Зырянскую больницу, и добрались до нее только в первом часу ночи. Света уже не было, потому что движок работал до 24 часов. Пока упростили механика, пока свет дали.... Врач Каменева эту проволочку удалить смогла, но началось воспаление глаза и пришлось ехать в Томск, где мне сделали операцию, но спасти зрение не удалось.

Позже я работал в поселке Мотофлот, выучился на моториста, на механика и, наконец, на капитана – механика. Спросите, как я умудрился пройти медицинскую комиссию? А упростили дружка пройти осмотр у

глазного врача вместо меня! Вот так до пенсии и работал капитаном – механиком, а в жены взял красавицу из деревни Митюшкино, что была в четырех километрах от Усачево. Вырастили мы двух детей, все перестройки и реформы пережил безболезненно, потому что работал не жалея сил, и до сих пор держим хозяйство. Но о своем детстве в Усачах без слез вспоминать я не могу.

Справка³³

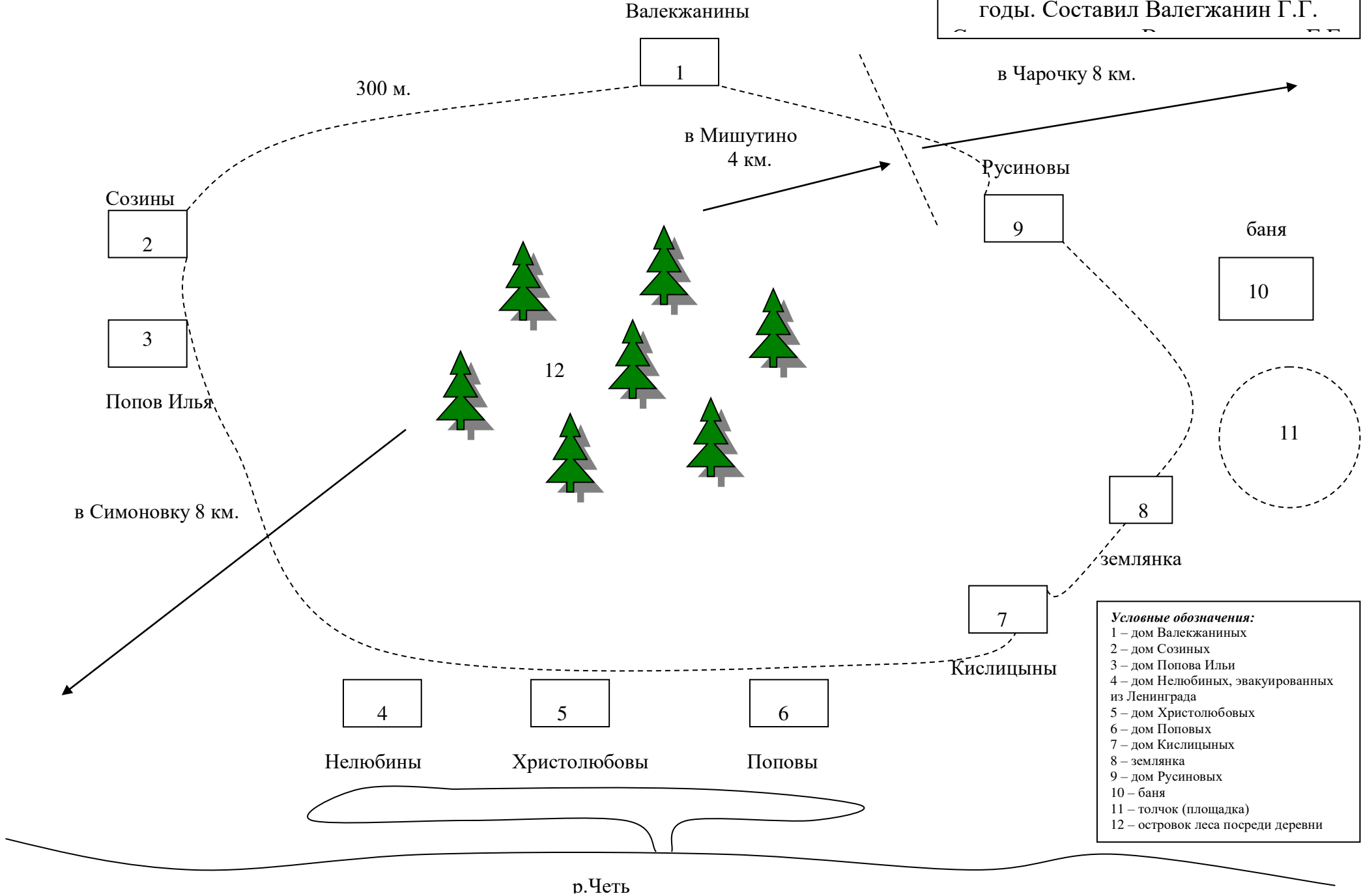
В Усачево в 1930 году был создан филиал коммуны «Октябрь». Его члены не знали, сколько они получали зарплаты и сколько должны получать. Центр не следил за жилищными условиями рабочих завода по выработке смолы и скипидара, условия для работы были очень плохие, спецодежды не было. Жители Усачево хотели выйти из коммуны «Октябрь», потому что денег за проданную смолу центр не выдавал.

Валегжанины Григорий Григорьевич 1930 г.р. из Усачево и Валентина Фроловна 1938 г.р. из Митюшкина

³³ ТОЦДНИ. Ф.28, Оп.1., Д 118

Схема деревни Усачево в военные годы. Составил Валегжанин Г.Г.

Усманка
Мишутинского сельского Совета
(до 1959 года)

Из воспоминаний
Абражеевой Валентины Иннокентьевны,
Черниковой Тамары Иннокентьевны,
бывших жительниц

Усманка была очень живописной деревенькой, тянулась одной улицей над яром, поднималась «в гору». Основана она в 1856 году. Мама Абражеевой Валентины Иннокентьевны с Тамбовщины, Бадягины были из одной с ними деревни. Жители заботились об образовании своих детей и в 1909 году общими усилиями построили школу (одноклассное училище), на содержание которой казна отпускала 700 рублей в год. Кстати, в этом здании школы перучились все ученики деревни, оно простояло до исчезновения Усманки. Первой учительницей этой школы была Мелентина Венедиктовна Волянская, муж которой был из политссыльных.

Этот материал взят из книги Льва Пичурина «Битва в пути», Томск 1986 год. Хранится эта книга в школьном музее с. Мазалово, именно туда пришлось поехать за историей Усманки, а почему – станет ясно в ходе рассказа. Кстати, в этом здании школы переучились все ученики деревни, оно простояло до исчезновения Усманки.

В 1916 году в сельскохозяйственной переписи населения отмечено, что в Усманке - 57 дворов, до Ишима 14 верст, до Мазалова – 4. Последний передел земли на то время производился в 1912 году на 20 лет, подати разложены на душу по 7 рублей 70 копеек. Набор культур, которые выращивали жители, совсем мал: рожь озимая, овес, конопля и картофель.

Колхоз «Красный Сибиряк», по словам Валентины Иннокентьевны, был довольно крепким, жили не жалуясь на житье-бытье, хлеба получали достаточно. Она вспоминает, что дома в деревне стояли плотно друг к другу, огороды не более 15 соток, поэтому картофель еще сажали на полях, а когда копали, то грузили его в огромные плетеные короба, установленные на телеги.

Окрестные леса были необычайно богаты ягодой, «бруснику хоть лопатой греби», много собирали дикого меда. Колодцев в деревне не было, вся вода только из реки, зимой ее для скота возили в огромных бочках.

Об истории Усманки много знает завуч Мазаловской школы Черникова Тамара Иннокентьевна, бывшая жительница деревни:

«Жители Усманки встречали 1941 год как всегда с размахом, с шутками да плясками. Столы ломились от изобилия, потому что колхоз «Красный Сибиряк» был хозяйством, крепко стоящем на ногах. Беду почувствовали только тогда, когда в половодье Яя неожиданно сменила русло. Вода прибывала стремительно, унося постройки, избышки и улья, погибло много

скота. Река разделила деревню на две части, связь между которыми осуществлялась на лодках (в последующем из-за такого неудобства жители перебрались в ту часть деревни, где была школа). Бабы в деревне судачили, что все это не случайно, быть беде. И действительно, беда не заставила себя ждать, грянула война. За годы войны деревня так обнищала, что дети ходили в соседнюю деревню Барнашово просить милостыню. А после войны трудно было подняться, деревня осталась без мужчин.³¹ её житель не вернулся с полей сражений, среди которых целый ряд Черниковых и Баскаковых. Валентина Иннокентьевна - единственная из детей войны Усманки, награжденная медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945г.г.»

В 1949 году деревню наводнили ссыльные латыши: Кабуцис, Озолин, Карклиньш, Путкинш, Эглитэ, Лапинш, Видауска, Приедитис, Болодис, Боярс, Эйклон, Божа, Павул, часть из которых были преклонного возраста (1885 – 1887 годов рождения).³⁴ В 1956 году они почти все вернулись на Родину.

Усманка, как деревня Зырянского района, имела невыгодное географическое положение из-за того, что река препятствовала связям с Мазаловым, куда дети ходили учиться после начальной школы. До Мишутина, не говоря уж о Зырянском, слишком далеко. Через Яю когда-то строили деревянный мост, но его однажды в половодье унесло. Затем долгое время тянули паром, а уж к 1970-м годам стали перевозить людей на лодках. После объединения колхоза с Мишутинским имени Свердлова объекты деревни стали перевозить туда. Школу и магазин закрыли, деревню передали в границы Мазаловского сельского Совета. Усманка, по плану развития совхоза «Заря», подлежала сносу. До конца жили в деревне Крутиковы и Веретенниковы, но и им в конце-концов пришлось переехать в Мазалово, где в конце 60-х в начале 70-х годов усманцам давали совхозные квартиры.

И все-таки Усманка была очень известной деревней в России, ведь в ней родилась Галина Евгеньевна Волянская (псевдоним – Николаева). Это ее музей – комната в Мазаловской школе, где бережно хранят каждую строчку об известной советской писательнице и поэтессе. Она дочь той самой первой учительницы Мелентины Венедиктовны, с которой Тамара Иннокентьевна переписывалась в школьные годы и теперь увлеченно рассказывает не только о биографии Галины Николаевой, но и об ее творческом пути, т.к. все созданное писательницей вошло в золотой фонд советской литературы. Это роман «Битва в пути», по которому был поставлен двухсерийный художественный фильм, пьеса в 3-х действиях «Первая весна», ее произведения «Человек со стороны», «Премия», «День деньской». Замечательные стихи Галины Николаевой на военную тему были очень востребованы в советское время. Умерла Галина Николаева очень рано, в 1963 году. В 1965 году Томский облисполком принял решение о строительстве клуба имени Галины Николаевой на ее родине. Клуб был

³⁴ Зырянский архив. Ф.19, Оп.1, Д.100,101

Федоровка Тавлинского сельского Совета

*Из воспоминаний
Мельникова Ивана Васильевича,
старожила с.Высокое*

От Федоровки не только следов не осталось, но и никого из жителей найти не удалось, хотя исчезла эта деревня относительно недавно, в 1971 году. В «Списках населенных мест» Томской губернии за 1926 год Федоровки нет, значит, она образовалась позже, году в 1929. По воспоминаниям же - год образования деревни 1920-ый. В 1939 году в ней проживало 85 человек. Федоровка – Тавлинский высел, т.к. крестьянам земли не хватало, а в 12 км. от Тавлов были хорошие залежи.

Иван Васильевич Мельников, житель с. Высокое, бывал в Федоровке. Он смог не только немного рассказать о ней, но и нарисовать расположение деревни. Стояла она на возвышенности, примыкая к тайге, а в низинах скапливалась вода. Колодцев в деревне не было, за домами люди выкопали либо ров, либо яму (гать), сделали настил и всей деревней только там и черпали накапливавшуюся воду.

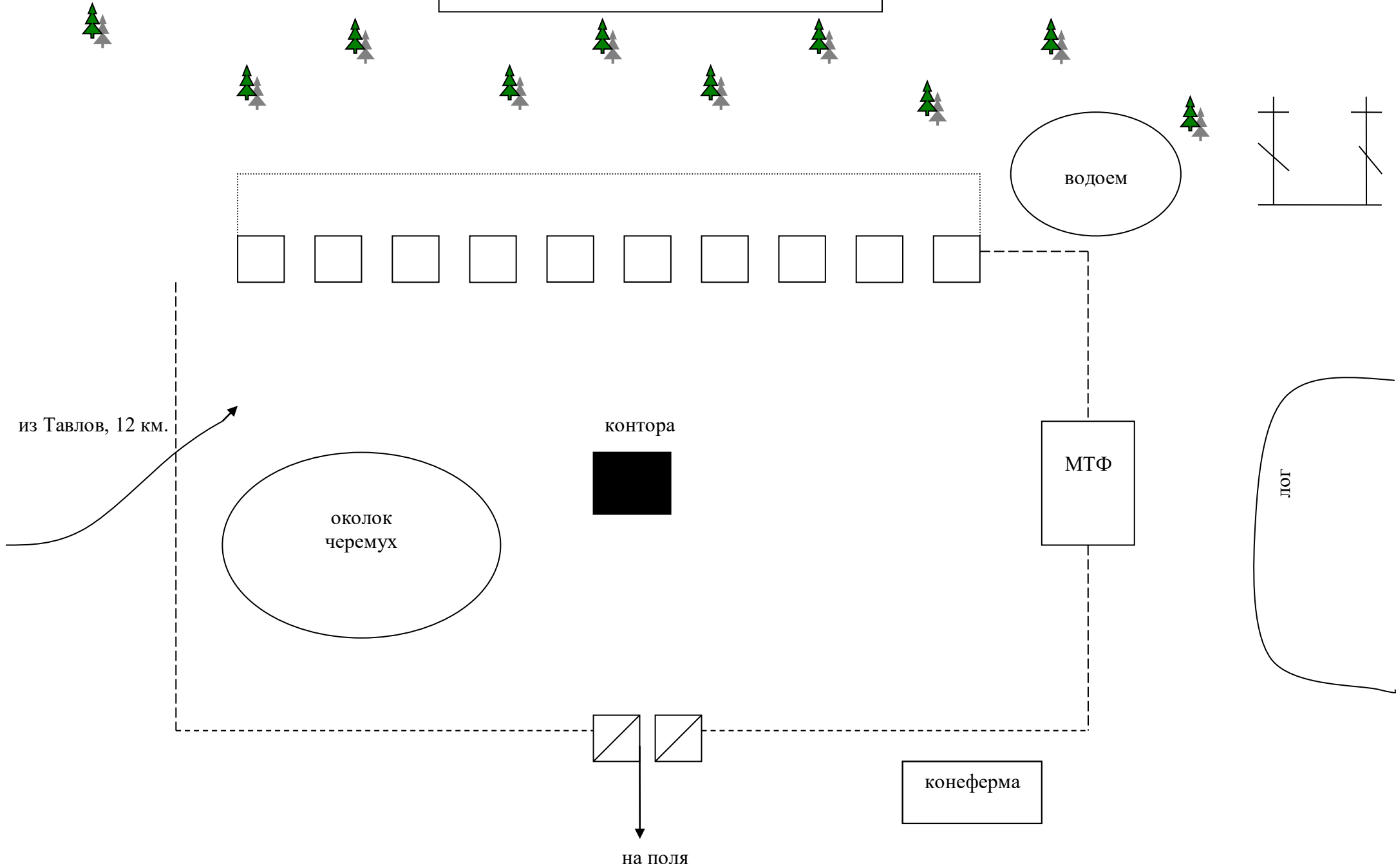
Избенки были убогие, стояли в один ряд. Была выгорожена поскотина с воротами в сторону полей. Ни школы, ни клуба с библиотекой.... Ларек, правда, был. Был и колхоз, который назывался «Красный просвещенец». Его бессменным руководителем которого был Рузавкин Михаил, колхозники его очень боялись и звали «Князь». Колхоз был маленьким, но имелась и конеферма и молочно – товарная ферма. Сколько было скота - Иван Васильевич не знает, но для примера называет колхоз «Трудовой просвещенец», в котором было всего 13 коров.

В 1947 году в деревне появилось много сосланных латышей, жили с мордвой дружно (Тавлы – мордовская деревня). Уважали друг друга, вместе работали и вместе гуляли в праздники. В начале 1950- х годов, перед укрупнением центральных усадеб, в деревне было 25 домов. Когда пошло укрупнение колхозов, то колхозы деревень Тавлы, Высокое и Федоровка («Колос», «Трудовой просвещенец», «Одбрямо», «им.Войкова», «Красный просвещенец») соединили в один колхоз имени Кирова. В 1951 году председателем был Мазнев Степан Мартынович.

Латышам разрешили вернуться на родину, из деревни с 1955 года народ начал потихоньку разъезжаться. Дети подрастали, нужна была школа. В 1959 году в Федоровке еще проживало 46 жителей. Домов из Федоровки вывезли 2 или 3, нечего было перевозить, никудышные избенки, поэтому деревню сожгли и растолкали бульдозером. Из жителей Иван Васильевич вспомнил Рузавкиных Михаила и Павла, Яковлевых, Жилкина.

Федоровка исключена из учетных данных 15 октября 1971 года.

Схема деревни Федоровка Тавлинского с/с.
Составил Мельников Иван Васильевич

Чарочка

Чарочкинского сельского Совета

(позже Окунеевского)

Из воспоминаний
Лёвкиной Лидии Семеновны,
Сандаковой Ирины Семеновны,
бывших жительниц

Чарочка, как русское поселение, возникла в 1910 году. Первыми туда пришли Пестовы Семен Григорьевич, 1890 г. р., и Евдокия Алексеевна, 1886 г. р. Но прежде здесь находились юрты Ярайлы. После крещения ясашных юрты стали называться Чаршины (А.Ф. Плотников указывает на это) Кизильдеевской второй половины инородной кочевой управы, названных по фамилии аборигенов, которая изменилась в Чарочкины. В «Ревизских сказках» за 1858 год указано, что там жили Тимофей и Иван Чарочкины и 15 душ мужского пола с фамилией Каштаков.

Когда пришли Пестовы, то стоял всего один дом. Семен Григорьевич поставил себе дом, а в стороне еще построил смолокурный заводик, который в народе так и назывался: Пестов завод. Он представлял собой дом с печью, в нее был вмурован котел, куда закладывался осмол. Полученную смолу Семен Григорьевич продавал. В 1930 году в Чарочке был филиал коммуны «Октябрь», в который входило всего четыре хозяйства с 12-ю рабочими лошадьми.³⁵

Родилось у Пестовых две дочери, старшая из которых Лидия. Вспомнить ей что-либо хорошее из жизни никак не удастся. Злосчастная судьба, когда сестры в 13 и 10 лет остались одни в этой глуши, родители оба умерли. Они девчонки, совсем еще дети, жили вдвоем и вели свое хозяйство. Лидия уже закончила 5 классов, четыре класса в Чарочке, где учила Орлова Валентина Андреевна. В школе обучалось 32 ученика в две смены. В пятый класс ходили в Чердаты за 10 километров, где жили на квартирах.

После смерти родителей сестры держали корову, овец и поросенка. Сами косили, сами дрова готовили и все вывозили на саночках, была война, всем было тяжело. Лидия пошла работать в колхоз имени Маленкова, сначала ухаживала за овцами, а в 16 лет уже доила коров. Работали, что называется, «за палочки», сложили поговорку: работай день, получишь трудодень. На ферме работало шесть доярок, у каждой по 16 коров; овец было штук 250. Всю работу делали женщины: сами чистили, сами корм раздавали, сами пешней на водоеме долбили зимой лед, делая желоб длиной 4 метра, куда два раза в день гоняли поить скот. Молоко на месте сепарировали, били масло и увозили его на маслозавод в деревню Красноярку. Свиной в колхозе тоже держали.

³⁵ ТОЦДНИ. Ф.28, Оп.1, Д.118

После войны норма на покосе была 50 соток. Если справишься с нормой, то 500грамм хлеба получишь. Налог на масло составлял 8 кг. в год, шерсти – 1кг. с одной овцы, 150 яиц, 40 кг. мяса. Когда исполнилось 18 лет, то добавился еще и «холостяцкий» налог в 500 рублей. Шкуру от свиньи нужно было снять и сдать тоже в зачет налога. Но какое же сало без шкурки?! Вот некоторые умудрялись угнать поросенка в лес, чтобы никто не увидел да не доказал, там его заколоть и опалить.

Довелось работать Лидии и на заготовке осмола для смолокурного завода, когда лопатой выкапывали пни. Стоял завод в полутора километрах от деревни. Только после войны появились на нем мужчины. Закрылся завод в конце 1940-х годов. В 1950-х годах появился в колхозе трактор, хлеба стали давать по 4-5 центнеров, молот его каждый дома на ручных жерновах, позже и мельницу построили. Была в деревне шерстобитка с машинами, которые приводились в движение вручную. Был пимокатный цех с пятью работниками. Старики еще помнили, как плести лапти, на покос их не меньше двух пар надо было. А вот веревочные лапти носились дольше, были крепче.

Деревня стояла на возвышенном месте в окружении соснового бора и не затоплялась в половодье. Улица всего одна, довольно длинная, примерно 1км, дома с двух сторон. Штор на окнах не было, не из чего их было тогда делать. Были небольшой клуб, магазин, контора.

Когда произошло укрупнение колхозов, колхоз имени Маленкова объединили с колхозом «Советская Россия».

Сандакова Ирина Семеновна родилась в 1941 году. Ее дед по материнской линии – Шилов Аксен, бабушка – Шилова Аксиныя приехали с Брянщины. Они вырыли себе землянку и стали работать от зари до зари. Поднялись и зажили довольно богато, нанимали работников. Дедушка Ире рассказывал, что приезжали агитаторы колхозной жизни, в клубе ставили стол, покрытый скатертью, и желающих записывали в члены колхоза. Дед вступать в него не хотел и уполномоченный ему говорит:

-Что ж, Аксен, придется тебя раскулачивать, ведь ты – кулак!

А он в ответ:

-А ты – дурак!

Его забрали и увезли, но закончилась эта история благополучно, вернулся Аксен живым и невредимым.

Отец Ирины, Правдин Семен Корнеевич, ушел на фронт, когда дочке была всего одна неделя. С фронта не вернулся, пропал без вести. Мама, Екатерина Аксеновна, с 1909 года рождения, замуж больше не вышла. Они переехали жить к ее родителям, отца мама называла «тат». Ира стала школьницей, учил ее все четыре года учитель по фамилии Лукашенко. И детство свое она вспоминает как счастливое. Один ребенок в семье, не голодала, ела хлеб. Но у соседей стояла в очередь к железной печке, где выпекались «тошнотики», лепешки из замороженной прошлогодней картошки. Хотелось попробовать. Мама была передовой дояркой и дочке

даже велосипед купила, с сеточкой на заднем колесе, так что все мальчишки тогда бегали за ней! Жил в деревне столяр Василий Столяров, который изготавливал хорошую мебель. У Правдиных стояло трюмо с зеркалом до самого потолка.

Маме очень хотелось, чтобы Ирочка получила образование и

пропускать школу не позволяла. Однажды, в пятом классе, ей пришлось идти без компании, одной. Идет и вдруг слышит, что зовет ее подружка Люда. Она пошла на голос. Блудила – блудила по лесу, и вдруг как пелена с глаз упала: «Откуда тут Люда, я же одна ушла?!» Она сумела выбраться, но больше одна уже никогда не ходила. В 8, 9, 10 классах учились в Зырянском, жили в интернате. В субботу за 30 км. домой! В Красноярске переночуют, дойдут до дома, сумки наберут - и назад. Вот они, десятиклассницы, на фото! Какая была радость, если шили новую фуфаячку!

Из Чарочки трудно было выбираться, две речки, мостов не было, после укрупнения колхозов работы не стало и Чарочка стала разъезжаться, в 1971 году ее исключили из учетных данных, но еще в 1979 году там проживало четыре человека, а в 1926 году было 59 домохозяев с населением 301 человек.

В 1934 году в Чарочке образовали колхоз «Красная звезда», в него вошли 24 двора с населением 132 человека, было в колхозе 18 коров, 27 овец, 10 свиней. С 1926 года прошло всего 8 лет, а население резко уменьшилось: 33 домохозяина, 177 человек - это как следствие коллективизации. В отчете за 1934 год особо отмечено конокрадство, исчезло девять лошадей.

В 1971 году Чарочку исключили из учетных данных, но в 1979 году там еще проживало четыре человека.

1942 год. Чарочка. Выходцы из Брянской губернии Шилов Аксён и Шилова Аксинья с внуками. Девочка – Ира Правдина, 1940 г.р.

Привалов Яков Васильевич, работал в клубе. Его жена, учительница Екатерина Григорьевна. Ребенок - Ира Правдина. Фото 1944-1945 гг.

Ученицы 10 класса Зырянской школы. Третья
справа Правдина Ирина. Фото 1958 г.

Чарочка. Правдин
Семен Корнеевич,
1909 г.р. Пропал без
вести в 1941 году.

Жители д.Чарочка. В центре – Чарочкины Михаил Кондратьевич
и Анна Захаровна. 1948 г.

*Список жителей д. Чарочка в 1935 году,
колхоз «Красная звезда»³⁶*

1. Незнамов
2. Яйков Яков Кир. 1919г.р. – 9 человек
3. Правдин Семен 1911г.р.
4. Пестов Семен 1890г.р.
5. Правдин Макар
6. Русинов Д. 1874г.р, Наталья 1888г.р. – 4 детей
7. Романов Николай 1892г.р. – 6 человек
8. Солодовников П. 1884г.р, Пелагея 1888г.р. – 5 детей
9. Столяров Сергей 1902г.р. – 7 человек
10. Совушкин Павел 1890г.р. – 3 человека
11. Кислицын Иван
12. Шилов Аксен 1888г.р, Аксинья 1888г.р, два сына. Дочь Анна 1925г.р.
13. Зайцев Иван Яковлевич
14. Исаев Иван Степанович 1872г.р.
15. Мухачев Алекс, 1884г.р.
16. Правдин Иван, мордвин, 1903г.р.
17. Безденежный Матвей 1885г.р.
18. Домбровский Казимир и Тереза, бдетей, начиная с 1912года
19. Дубов Иван Степанович 1909г.р.
20. Зайцев Трофим
21. Зобнин Николай 1915г.р.
22. Зайцев Яков 1895г.р.
23. Карасева Анастасия 1901г.р.
24. Куликов Илья 1910г.р.
25. Кузьмин Филимон 1904г.р.
26. Анохин Григорий 1883г.р. -7 человек
27. Архипов Федор 1916г.р. – 3 человека
28. Кислицын Константин 1877г.р. и Акулина 1875г.р.
29. Кудрянов Илья 1893г.р. – 6 человек
30. Карасев Петр 1905г.р. – 7 человек
31. Карасева Матрена 1884г.р.
32. Комычев Дмитрий 1890г.р.
33. Игленкин Митрофан 1881г.р.
34. Втюрин Владимир
35. Гусаров Василий 1867г.р.
36. Голохвастова Агафья 1905г.р. – 3 человека
37. Гаврилов Василий 1894г.р. – 5 человек
38. Зайцев Иван 1910г.р.
39. Кизрянов Тимофей 1911г.р. – 5 человек
40. Сафонов Борис 1890г.р. – 7 человек
41. Скрипов Семен 1899г.р. Мать Александра 1890г.р.

---

³⁶ ГАТО. Ф. Р-1506, Оп.1, Д.2

42.Лучинин Степан 1887г.р.

43.Мамаев Дмитрий 1888г.р.

Схема деревни Чарочка
Составила Лёвкина Лидия Семеновна

р .Четь

оз.Полоус

озеро

оз.Лопата

3

2

1

4

в Тарбыково, 6 км.

5

7

6

8

10

оз.Бугутук

10

13

9

12

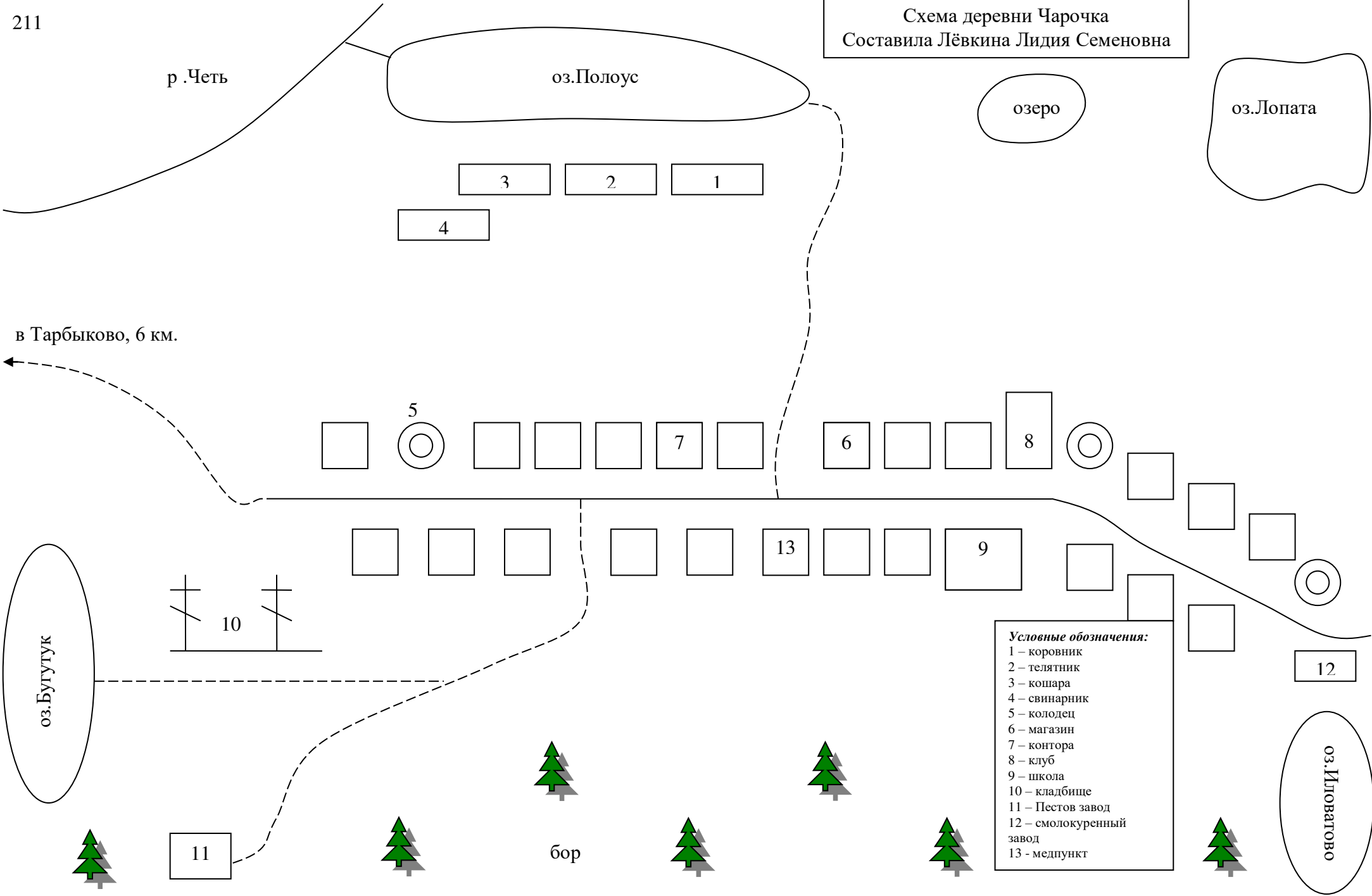
Условные обозначения:

- 1 – коровник
- 2 – телятник
- 3 – кошара
- 4 – свинарник
- 5 – колодец
- 6 – магазин
- 7 – контора
- 8 – клуб
- 9 – школа
- 10 – кладбище
- 11 – Пестов завод
- 12 – смолокурный завод
- 13 – медпункт

оз.Иловатово

бор

11

Чедодат

Берлинского сельского Совета

Из воспоминаний
Михеенко Екатерины Ефимовны,
бывшей жительницы

Родилась я в Берлинке в 1928 году. Когда мне было шесть месяцев, родители переехали на высел Чедодат, потому что земли в районе Берлинки им не хватало. Отец мой, Михеенко Ефим Михайлович, 1905 года рождения, крестьянствовал, пахал на быках да на коровах. Однажды меня, еще маленькую, он взял на поля, где уже колосились хлеба. Я видела такую картину впервые и спрашиваю:

-Тятя, а что это такое?

- Так это, дочка, калачи!

-А что калачей – то не видно, когда они вырастут?

-Да скоро уже, вот приедем, будем калачи снимать да в мешки складывать!

Жили мы очень бедно. Помню, запечем в золе луковицы да сидим на печке лакомимся. Теперь-то дети даже шоколад есть не хотят.

Мама умерла, когда мне было только 7 лет, отец женился на женщине из д. Мишутино. После этого некоторые мишутинские жители тоже переселились в Чедодат.

Деревня наша стояла одной улицей, дома располагались с двух сторон, но домишки были небольшие, будто люди знали, что строятся временно. И только у моего дедушки, Михеенко Михаила Васильевича, дом хороший, добротный. Он стоял в березняке, и дедушка держал пасеку из 40 колодок. Еще хорошие дома имели Бакулины и Борисовы. Были у людей и амбары для хранения зерна, но с организацией колхоза «Великий Октябрь» (председателем был Рожков), амбары у них забрали. Они, теперь уже колхозные, по правой стороне в количестве восьми штук так и стояли.

Помню, что однажды дедушки качали мед и сливал его в бочки, мы же, его внуки, крутились вокруг и я поинтересовалась:

-Дедуня, а куда же столько меда денем, не съедим ведь?

А он мне:

-За то, внучка, не переживай, вот придут из армии мои четыре сына (это еще до войны было), будем мед продавать, а им одежду справим, каждому по костюму надо купить. Мед возили на рынок в Асино.

Была в деревне контора, начальная школа, где одна половина была жилая, а во второй учились. Учили Екатерина Александровна Шамина, Наталья Павловна Садовская, Михаил Иванович Фадеев. Самой первой учительницей в Чедодате была Бурлаева Екатерина Егоровна. В школе тогда

училось не менее сорока учеников. Семьи были многодетные, например, у Лимановых было 7 или 8 детей. В пятый класс учиться уже ходили в Берлинку. Я в школу проходила только два года, т.к. у мачехи родилось двое детей, мне пришлось стать нянькой. Она работала в колхозе дояркой, их было четверо на ферме. Бросить работу ей было нельзя. В начале войны нашего отца мобилизовали в трудармию. Он лечил раненых на войне лошадей в Новосибирской области. Осенью 1943года отец пришел на побывку, а 25сентября ушел на фронт и погиб. Мы с сестрой остались круглыми сиротами. Сейчас очень тяжело вспоминать, что довелось пережить. Одна заготовка дров зимой чего стоила, почти каждый день ходили в лес с саночками. Жила у нас добрейшая женщина – Ковшова Анисья (Ксения Григорьевна), скажет, бывало:

-А ну, девчонки, давайте я первая дорожку проторю, а вы уж следом.

И лезет по грудь в снегу, а мы, девять девчонок, за ней. Тетка Анисья работала в кладовой, ей иногда удавалось в карманах принести домой зерна, из которого она варила кутью. Я прибегу к подружке, ее дочке, а она непременно скажет:

-Катенька, сядь- ка, поешь! Да еще в карман горстку всыплет, чтобы я дома сварила.

Помнится, жил в деревне мужик Колесников Николай, у которого было семеро детей. Голодно. И один колхозник ему посоветовал: «Да ты насыпь ведро зерна- то, что ж детей моришь». А сам, наверное, донес. Только вышел Николай с котомкой, его тут же захватили с поличным председатель и бригадир. Так и сгинул мужик, взяли по линии НКВД.

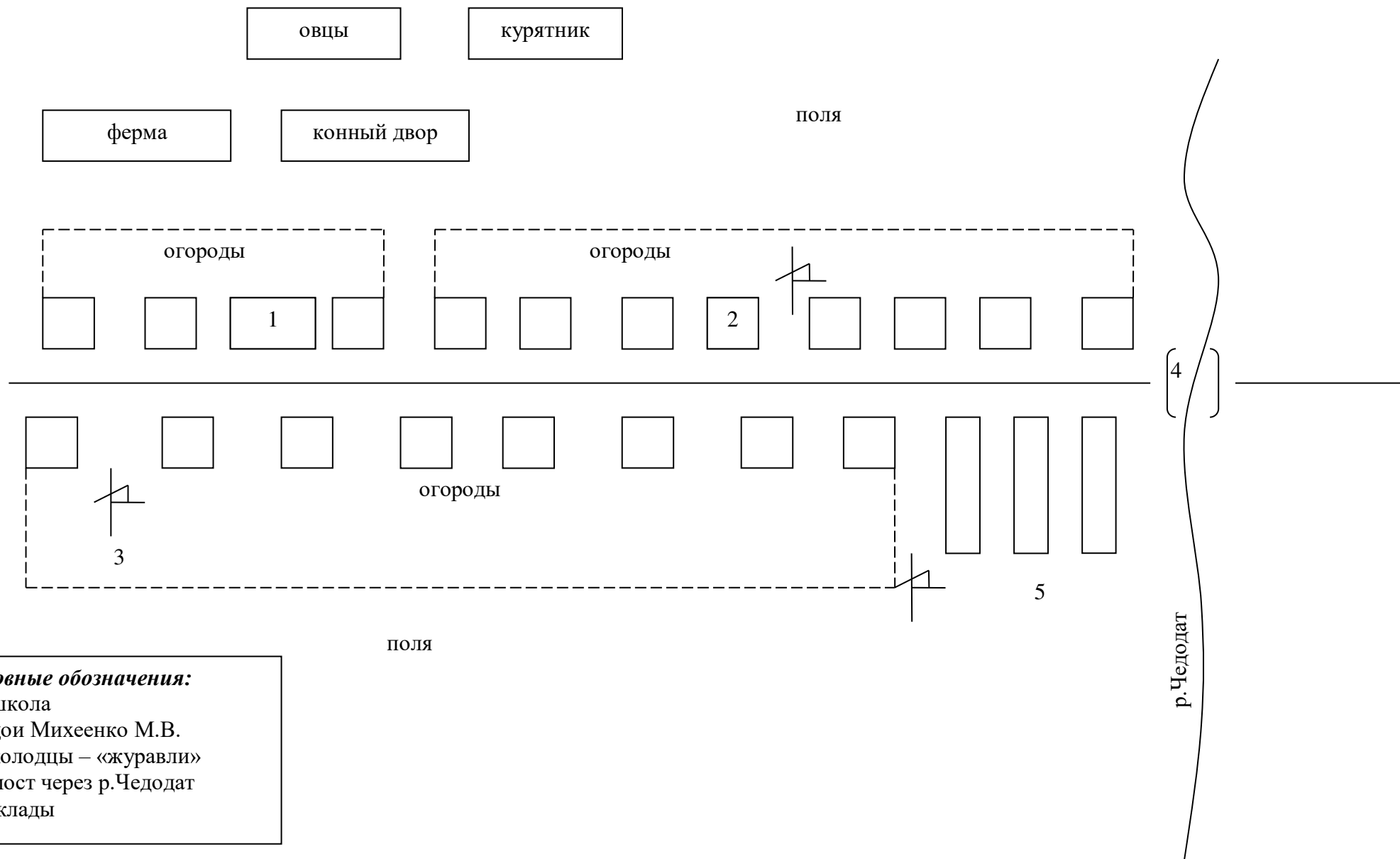
В годы войны из мужиков осталось только три старика: мой дедушка, который был разнорабочим, конюх Бакулин и Борисов.

Магазина в деревне никогда не было, но на дому торговали товарами первой необходимости. Клуба то же не было, молодежь на вечерки собиралась у кого-нибудь на дому.

Деревня была огорожена так называемой «поскотиной», чтобы скот не ходил на поля и луга. На въезде и выезде были ворота, а дорога из Зырянки проходила прямо через деревню. Когда колхоз стал разваливаться, его соединили с Берлинским колхозом им. Жданова, люди переехали кто куда. Хорошие дома перевезли в Зырянку, территорию деревни распахали. Когда будете ехать из Зырянского в сторону Цыганова, то, не доезжая Чедодатского моста, посмотрите по сторонам: здесь стояла деревня Чедодат, а мост был уже за деревней. Жили в Чедодате по левой стороне: Давыдовы, Борисовы, Бакулины, затем здание школы, Ковшovy, Михеенко Михаил, Михеенко Ефим, Ковалевы и Бабенковы. По правой стороне были дома Лиманова Захара, Бабенкова Максима, Циммер, Трофимова Ефима, Лимановой Анны, на самом краю – Селищевы.

По данным Зырянского архива в 1934году в Чедодате было 61 хозяйство, членов семей 228. Единоличников было 115 человек в 32 хозяйствах.

Схема деревни Чедодат
Составил Ковшов Павел Иванович

Условные обозначения:

- 1 – школа
- 2 – дои Михеенко М.В.
- 3 – колодцы – «журавли»
- 4 – мост через р.Чедодат
- 5 - склады

Чибы

Поселение Чибы было на берегу Чулыма, примерно в десяти километрах от Иловки. Название его произошло от иногородческих юрт Чабиных, видоизменившись в последующем в юрты Чибинские. Были эти юрты центром Кызылдеевской ясачной волости и у местных тюрков носили название «циби йон» (чиби чон) – свой человек.

Немецкий путешественник Даниэль Мессершмидт, проезжая через село Зырянское в 1721 году, заезжал «к князю Кибинскому».

В 1751 году в селении проживало 303 чулымца, в 1868 году было 16 дворов с населением 70 человек, в 1939 году – 16 человек. Это было уже русское поселение. В 1932 году в нем организовали колхоз «Красный пахарь». На карте 1936 года этот населенный пункт обозначен как «Чита». Вокруг него имелись хорошие заливные луга, у жителей Иловки и п. и п. Октябрь там были покосы. Александра Яковлевна Нефедова вспоминала, что в Чибах был культстан, и колхозники жили там по месяцу, убирая сено. Отец Александры Яковлевны был бригадиром, и вся семья вместе с коровой тоже жили там. Все покосы убирались вручную, работа тяжелая, а пропитания не хватало, т.к. картофель к лету был съеден. Хлеба не было, потому что все зерно приходилось сдавать. Резали скот, варили мясо, а вместо хлеба варили какую-либо кашу.

Александра Яковлевна помнит в Чибах только два дома: один небольшой, а второй крестовый, в котором жил Забелин Николай. А чердатский житель Белушкин держал там мельницу.

Чигисла *Дубровского сельского Совета*

*Из воспоминаний
Воробьева Владимира Дмитриевича,
бывшего жителя*

В «Списках населенных мест» за 1926 год есть хутор Чигислинский, или Незавидный. Если дали такое название, то действительно, наверное, нечему было завидовать. Из архивных материалов³⁷ известно, что в 1928 году в нем было 11 дворов с населением 53 человека (25 мужского пола и 28 женского пола).

Воробьев Владимир Дмитриевич родился в 1949 году в поселке Чигисла, его отец Дмитрий работал начальником «Базы». Поселок стоял буквой «Г» вдоль таёжной речки Чигислы, в которой тогда даже рыбешка водилась. Люди в поселке постоянно менялись. Владимир помнит, что жили Чиковы, Палагины, Палкины, Барнышёвы, Плешанковы. Домики были разные, несколько штук двухквартирников стояло. Жителей в 1959 году было все так же 53 человека. Дети летом работали: пасли скот, помогали на сенокосе, а зимой ходили в школу. Сначала все учились в поселке Ивановка, после закрытия – в Вершинке, куда ходили каждый день, но во время разлива речки жили на квартирах, а подрастая, уезжали в интернат в Дубровку.

В поселке находилась база «Заготскот». Головная контора «Базы» находилась в Зырянском, рабочих рук часто не хватало, приезжали работники из Зырянского. База «Заготскот» была государственным предприятием со своим поселком и персоналом. Зимой на «Базе» оставляли гурт скота, чтобы у людей была работа. Скот люди сдавали в зачет налога, а на «Базе» его откармливали. Это были быки, коровы, свиньи, которых при достижении убойного веса гнали в Асино или Анжеро-Судженск. Коров летом доили, а молоко сдавали в Вамбалы, до которого по прямой дороге 6-7 километров. На Базе «Заготскот» была одна машина, привозившая корм, стояла мельница. Сено для скота готовили рабочие, но колхозы его тоже поставляли по разнарядке. Скот на базу привозили даже из Тегульдетского района. Пока не было катера, скот гнали свои ходом, а через речку переправляли вплавь. В 1950-е годы «Заготскот» получил новый катер и транспортировка облегчилась, но баржа кренилась то в одну, то в другую сторону, того глядишь скотину утопишь. В 1964 году базу объединили с зырянским откормсовхозом, получили новую баржу – самоходку, у которой огородили палубу, транспортировка скота стала безопасной. Капитаном работал тогда Ефремов Василий Алексеевич. В Тегульдетском районе была своя скотобаза с названием «Новая деревня», но на зиму весь скот оттуда перевозили в Зырянский район.

---

³⁷ ТОЦДНИ. Ф.28, Оп.1, Д.75

Куприянова Галина Васильевна, работала на базе «Заготскот» в 1950-е годы.

Воробьев Владимир Дмитриевич, бывший житель поселка Чигисла.

Яранка *Яранского сельского Совета* *(позже Окунеевского)*

Из воспоминаний бывших жителей деревни
Кислицына Георгия Семеновича,
Кокоулина Сергея Дмитриевича

Из каких только губерний не шли переселенцы в Сибирь! Вот и из Вятской губернии потянулись ходоки и выбрали красивое место у Чети, где шумел кедровник и стояла избёнка охотника-аборигена. Кругом вековые сосны, дичь не пуганная, рыбы сколько хочешь, дрова рядом, а про ягоды да грибы и говорить нечего. Дома ставили добротные, друг от друга далеко, метров через пятьдесят. Родители Кокоулина Сергея Дмитриевича срубили дом размером 13 на 6 метров, высотой три метра. Огороды тоже были большие, до одного гектара, да с лужком, на котором ставили сено. Только в сторону Чети огороды были поменьше, т.к. река их смывала. В каждом дворе имелся колодец – журавль, а уж когда таковые сопрели, то появились с воротом колодцы. Вода в них студёная, вкусная была, глубина колодцев до восьми метров.

Кислицын Григорий Дмитриевич пришёл из деревни Лоскуты, поэтому в Сибири его звали Гриша Лоскут. Был он бондарем, делал кадочки, шайки, туски, деревянную посуду, продукция эта всегда пользовалась спросом. Жена его, Степанида, была из деревни Котельницы. Улица, которую построили выходцы из этой деревни, стала называться Котеленка. Дома на ней стояли в один ряд. С какого года Григорий и Степанида, их внук не знает. Дед Гриша умер в 1947 году, а бабушка в 1953 году. Зато их сыну, Семену Григорьевичу, 1897 года рождения, было 13 лет, когда родители привезли его в Сибирь в 1910 году, а Пивоваровой Вере Дмитриевне, 1900 года рождения, было 10 лет. Они выросли в Яранском, поженились, родили семерых детей, из которых выжило трое сыновей. Кислицын Георгий Семенович, 1931 года рождения, помнит присказку предков: «У нас в Котельницах три мельницы: водяница, паровица да ветреница».

Поселенцы из г.Яранск, что на реке Ярань на Вятчине, построили самую длинную улицу - «Яранку». Когда Таурины строили баню, то нашли старое кострище и наконечники стрел, что и понятно, по рекам жили чулымцы. Каждый дом улицы «Яранка» на Чети имел свои подмости, где стирали и полоскали бельё.

А вот родители Кулаковской Анны Герасимовны говорили: «Мы из Казанки». На улице Казанка жили Кокоулины, Лобановы, Тарабрины, Слачниковы, Шалаевы, Пивоваровы, Иощенко, Кулаковские, Петр и Василий Жировских, Шарин Владимир, Малышев Павел, Таурины. На улице Казанка были школа, школьный учительский дом, клуб, контора.

Получили поселенцы не только земельные наделы, но и охотничьи угодья с озерами и озерушками. Стали жить – поживать, да добра наживать. Но вскоре уж развернулись революционные события. Отряды «белых» удерживались в Окунеево и Чердатах. Отец Георгия, прослышав о налетах, выкопал в подполе яму. И вот однажды нагрянули конные в дом Кислицыных, который стоял на краю. Мать с младенцем Алексеем, 1919 года рождения, успела схорониться в яме, а бабушка пекла блины. Мужики ввалились, стопку блинов стрескали с медом. Уходя, прихватили кадочку меда с собой, а в подпол все – таки заглянули. Но малец за все время даже не пикнул, поэтому все остались живы. «А вот дедушку моего зарубили саблями красные, жил он зажиточно, держал большую пасеку, а эти тунеядцы работать не хотели» - говорит Георгий Семенович.

Деревня, возникнув в 1910 году, быстро разрасталась. В 1916 году в ней было 64 домохозяина, 439 человек, держали 170 лошадей, 144 коровы, 188 овец и 428 свиней.³⁸ В 1926 году уже было 94 двора с населением 531 человек.³⁹

С одной напастью трудно было бороться. Это был комариный край. Летом без накомарника невозможно было ходить, везде дымились дымокуры: у стаяк, во дворе, у лавочки возле дома, где собрались посудачить бабы. Когда в 1960-е годы стали заставлять делать палисадники, то один из жителей шумел: «Да зачем мне этот садик, когда вокруг деревни сплошной сад, только комаров разводить!?»

Ребятня росла, домашняя работа перемежалась с купанием сначала в озере, а когда вода прогревалась – в Чети. Была в Яранке начальная школа. Георгия учили Николай Александрович Отнуцкий, Василий Федорович Потеев, а в годы войны эвакуированные учительницы: с Украины - Фоменко Римма Федоровна, со Смоленщины - Смирнова Валентина Ивановна. Сергея Кокоулина учили Корольковы Иван Тимофеевич и Лидия Петровна.

Время было трудное, ни учебников, ни тетрадей. У Георгия дед, отец и брат были грамотными: отец был секретарем сельского Совета, брат – бухгалтером. Георгий выбирал бланки, бумагу, исписанные с одной стороны и носил в школу. Вместо чернил разводили сажу или использовали свекольный сок. Детей в двух классах было человек по 16. В пятый класс шли учиться в Сухой Лог за 10 километров, жили по квартирам. Он у знакомых матери поселился, привезли картошку и питался вместе с хозяевами. Родители Сергея Кокоулина платили за квартиру уже по 10 рублей, но это было на 7 лет позже и в Симоновке. Оба они школу бросили в пятом классе, ходить было не в чем, стали работать: на быках возили осмол. У Кислицына Георгия, 1931 года рождения, рабочий стаж с 1943 года.

Отца у Георгия не стало в 1942 году, его взяли в трудармию, а не на фронт, потому что он был очень болен. Нужно было диетическое питание, а через три дня у него случился приступ. Свойка, находившийся там вместе с

³⁸ ГАТО. Ф.239, Оп.16, Д.159

³⁹ Список населенных мест Томской губернии. 1926 год

ним, отвез отца в лазарет, а врач-еврей говорит: «Нечего валяться, работать надо!» И он умер. Где-то там, в Новосибирске, его и схоронили. 1943 год был самым трудным из всех, еще и картошка не уродилась.

В годы войны в Яранке осталось всего два мужика: Оботин Федор и Агапкин Тимофей. Оботин был после операции и повез бочки с пихтовым маслом в Асино. На Берле телега опрокинулась, мостов не было тогда. Поднял он эту телегу, надорвался, и умер в Зырянке. За ним поехал сын, но в Красноярске пришлось заночевать. Телега с покойником стояла под окнами, а ночью с него сняли всю одежду. Не по-человечески, но носить было нечего, нищета. А на покойнике «Москвичка» была одета.

В Яранке создали колхоз «Объединенный труд». Пахотной земли было одна тысяча гектаров. На ферме дворы холодные были, доярки замерзнут и бегут на конный двор погреться. Сядут прямо на печку, т.к. ноги отмерзали, обувь была из веревок сшита. Коров было немного, из доярок помнится Шарова Анисья.

Дед Георгия по материнской линии был рыбаком и охотником. В колхоз вступать не захотел. Чтобы не попасть под репрессии, отдал в колхоз лошадь по кличке «Утка», но это его не спасло. Арестовали, погнали на восток по этапу. Кто обессиливал – расстреливали, когда шли через болота голодные, люди пытались хоть какую-то ягоду сорвать. Но только протягивали руки к кустикам, получали удар прикладом.

В годы войны существовал в Яранке промколхоз. В нем наряду с колхозной деятельностью занимались изготовлением пихтового масла, смолы и скипидара, а также делали ружейную болванку. На Антошкином кордоне готовили березу и в плотях сплавляли до Яранки. Чтобы береза не утонула, привязывали несколько хлыстов сосны. У деревни круглые сутки дежурил пикет, стоял трактор Т-40, который плоты вытягивал на берег. Болванкой набивали 3-4 дома, а потом отправляли по назначению. Требования к качеству были очень высокие, не должно быть ни одного сучка.

Кокоулин Сергей Дмитриевич работал с напарником на пихтовом заводе. Каждый месяц один работник выгонял по 300 кг масла. Если из одного кубометра пихтолапки выгонишь 1,8 кг масла, то оплата была 2 рубля за килограмм, если меньше – то по 80 копеек. Но выгнать по 1,8 кг получалось очень редко, т.к. пихтолапка разного качества, попадалась и сухая. Заработок составлял 100-120 рублей, по тем временам приличная зарплата. Смолы изготовляли по 5-6 тонн в месяц. Пихтовый завод работал летом, меняя свое местоположение, а смолокуренный - зимой.

Позже, после войны, промколхоз закрыли, осталась промартель «Ударник Севера», которую соединили с Симоновским хозяйством.

В Яранке существовал лесхоз, лес валили, сплавляли. Пихтовый и смолокуренный заводы работали до 1968года. Когда работы не стало, а до Окунево 30 километров – люди понемногу стали разъезжаться.

Привез как-то Георгий Семенович яранских ребятишек в Симоновку в интернат. Увидел, что одна ученица моет пол, а вода на полу замерзает, так

холодно. Он с отчаянием подумал: «Неужели и моим дочерям здесь замерзать?» И решили они с супругой Лидией Игнатьевной переехать в Чердаты, что и сделали в 1969 году.

В 1959 году в Яранке было 319 жителей, в 1968 – 166, в 1970 – 97. Исчезла Яранка в 1975 году.

Из воспоминаний бывших жителей деревни
Кулаковской Анны Герасимовны,
Кулаковского Владимира Дмитриевича.

Родители - Ямщикова Екатерина Артемьевна и Пивоваров Герасим Осипович - пришли в Яранку «из Расеи» с родителями отца. У родителей Анны было девять детей, все выросли. Когда началась война, то четырёх братьев забрали на фронт, двое погибли: это Иван, он еще не был женат, и Василий, у него осталось трое детей.

Жених Анны – Алин Виктор ушел совсем мальчиком, в 17 лет, и тоже погиб. А девочки работали в колхозе. В четыре утра бригадир стучала в окно: «Нюрка, вставай, на работу пора!» С утра работала в кладовой, где хранились мука и хлеб, выдавала колхозникам хлеб. Своего зерна у людей не было, всё сдавали государству. Анна и отец работали, им полагалось по 500граммов хлеба, а мама не работала, и ей только 200граммов. После выдачи шла на другую работу. Однажды получила она паек на семью – 1,2 килограмма хлеба, да пока до дома шла весь его и съела. Пришла да говорит:

-Тятя, а я ведь весь хлеб съела. Но отец не корил: «Ладно, дочка, вы молодые, вам нужнее».

Молодость она и в войну молодость! Хотелось «пошмарить» (т.е. погулять), а надо молотить хлеб. Лошадь ходила по кругу и вращала барабан, а девчонки и женщины толкали снопы в него. Иногда скажут: «Хоть бы молотилка сломалась, немного бы поспать». И когда действительно что – то ломалось, они падали в солому и засыпали. Но как только наладят агрегат, так бригадир Халтурин Иван шумит: «А ну, вставайте, фронту хлеб нужен, а вы вытягиваетесь!».

На заводах Анна не работала, но пихтолапку и дрова для них заготовливали. Дров за смену нужно было заготовить два кубометра, т.е. дерево спилить, разделать, расколоть и сложить в поленицу, а не сделаешь, домой не отпустят.

Летом питались травой, мать набьет чугунок травой, запарит и добавит обрат. Ели, и казалось вкусно. Корову держали, но все молоко приходилось уносить на молоканку, там его про сепарируют и выдадут 1-2литра обрат. Иногда на трудодни выдавали масло.

Пришел с фронта Кулаковский Дмитрий Иванович с ранением в ногу и руку. Жил он с родителями – лесниками в трех километрах от Яранки, на кордоне, где стоял всего один дом. В клубе молодежь познакомилась, Анна

вышла замуж за Дмитрия и три года они прожили на кордоне. Анна была беременной и как-то говорит свекрови: «Мамаша, что-то у меня живот болит», а та ей: «Иди-ка ты, Нюра, в деревню, рожать будешь!» И вот она три километра шла в деревню к матери. Когда пришла, та бросила на печь фуфайку. Анна только успела влезть на печь, на той фуфайке и родила первую дочку. Потом с мужем переехали в Яранку, на Казанке построили дом. Дмитрий всю жизнь проработал охотником и рыбаком Зырянского охотобщества. Летом рыбу солили, а зимой морозили. Приезжал на лошади из Зырянки заготовитель Палагин Андрей и все принимал, в том числе и пушнину. У Дмитрия Ивановича стояла на «двух Четях» избушка, он из Новосибирска привез 30 норок (две по дороге погибли), выпустил их, и они размножились. В тайге были белка и колонок, в 1971 году пришел соболь и колонка уничтожил.

Привезли в Яранку Кулаковские чернобурых лисиц в количестве четырех штук, три самки и самца, и занимались этим звероводством 22 года, в лучшие годы выращивали по 27 штук. Шкурки тоже сдавали в заготконтору, первосортная шкурка стоила 102 рубля, но для этого 3-4 года растят лисицу.

Заготовливали кедровый орех, семья Кулаковских сдавала по девять тонн каленого ореха по цене два рубля за килограмм. Зимой Дмитрий Иванович готовил клёпки для Зырянского промкомбината, для чего находил сухой кедр, спиливал и колот на дощечки определенного размера (клёпка-составная часть кадочки). Весной, в разлив, ее на лодке собирали.

В 1974 году Кулаковские в деревни остались одни, предпоследними уехали Таурины. Лесхоз перевели в Чердаты. В этом же году лесной убило сына Анны – Николая, и семья переехала в Чердаты. Приборный завод деревню распахал, там сеяли зерновые, а позже предприниматель Сокольников В.В. (тоже яранский) разводил там скот.

У амбара Великоречаниных.
 В верхнем ряду крайняя справа: Жаровских Анна Васильевна, рядом Дербенев, слева Жаровских Анна Максимовна, внизу справа – Ворожцова Валентина, 2-а слева – Чаусова Клавдия

Яранка, закупка ореха, конец 60-х годов

Яранка. Дом Жаровских Перта Семеновича.

Яранка. Кокоулин Сергей Дмитриевич, 1938 г.р., Кокоулина (Сокольникова) Зоя Ивановна, 1940 г.р. ул.Казанка, 1959 г.

Яранка. Переселенцы из Вятской губернии Пивоваровы Герасим Осипович и Екатерина Артемьевна, 50-е гг. XX в.

Яранские переселенцы.
Вверху: Кислицыны Семен Григорьевичи (1897-1942 гг.) Вера Дмитриевна (1900 г.р.);
нижний ряд: Кислицын Степанида – с внуками

Яранский сельский Совет, 1959 год.

Яранка, слева – секретарь сельского Совета Кузьминых Мария Петровна, 1960

Яранские дети в послевоенное время.
Слева - Пиповаров Николай, справа –
Кузьминых Лидия.

Яранские школьники, 1 и 3 классы, 1957 год.

Яранка, 1946 год. Фронтовик Шаров Петр Трифонович с Кузьминых Дарьей и Малышевой Тоней.

Яранка. Празднование 8 Марта. С центре в темном платье с белым воротничком Малышева Таисия Ефимовна.

С К О Р О !

СИБИРСКАЯ КРАЕВАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА
„СЕЛЬСКАЯ ПРАВДА“

у устраивает для всех своих подписчиков

== РОЗЫГРЫШ ==

ВТОРОЙ БОЛЬШОЙ ЛОТЕРЕИ

Будет разыграно 1550 ценных для крестьянина вещей:
**молотилка, сеялка, жатка, плуги, бороны, топоры,
косы, домашние аптечки, мануфактура и проч.**

Лотерея будет разыгрываться сразу же при достижении **50.000** подписчиков.

Сейчас «Сельская Правда» имеет сорок тысяч подписчиков.
Все, кто еще не подписался на «Сельскую Правду».

ТОРОПИТЕСЬ С ПОДПИСКОЙ.

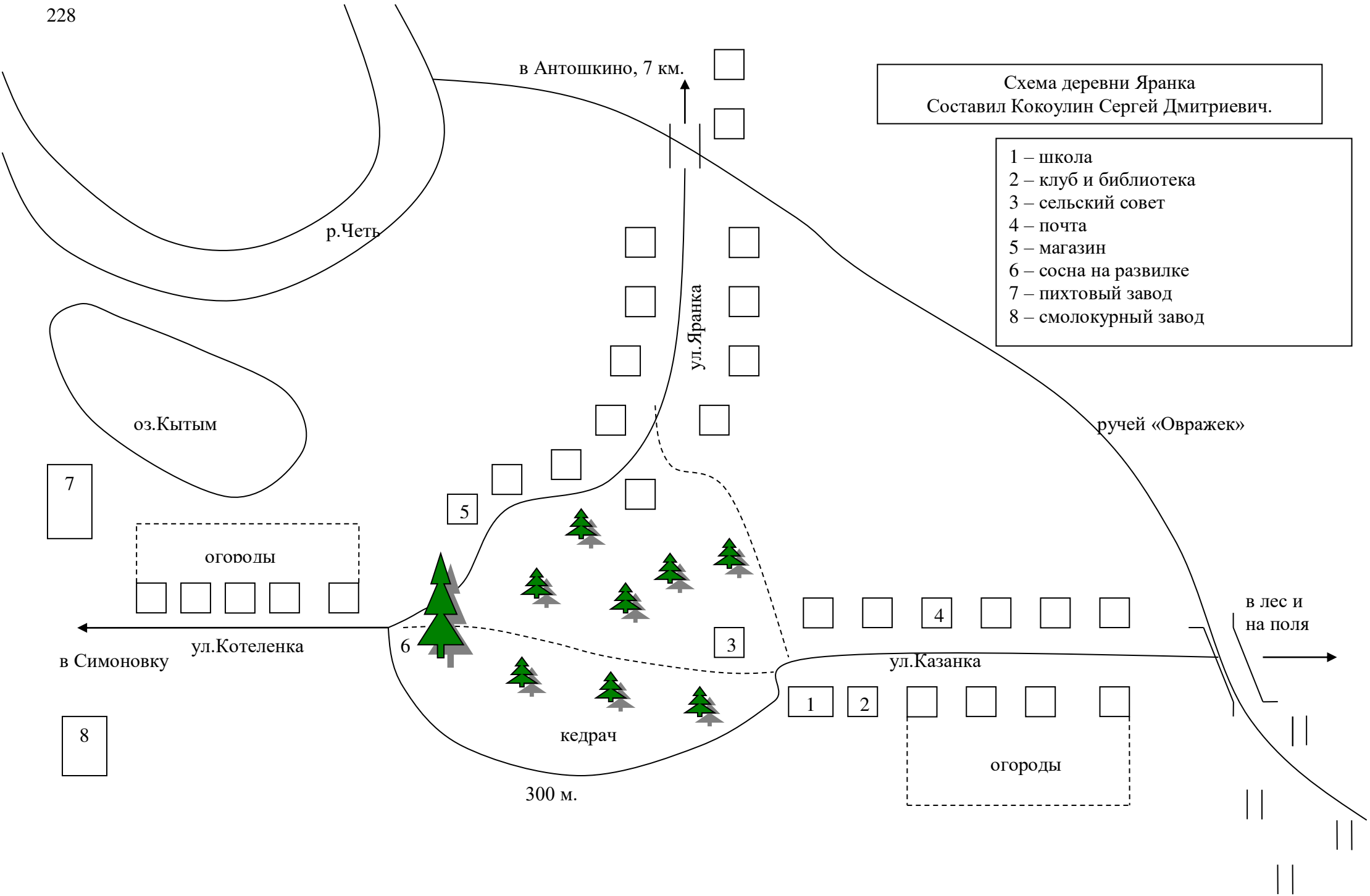
Подписавшиеся в ближайшее время будут участвовать в розыгрыше лотереи.
„СЕЛЬСКАЯ ПРАВДА“ стоит только 15 копеек на месяц. Деньги принимает
каждое почтовое отделение и кольцевая агентура, а также и низовые рас-
пространители „Сельской Правды“.

Заказ № 1993 от 11, X-25 г. г. Новосибирск. Зап. № 184 от 11 окт. 1926 г. Кол. 50 000 экз.
Типография „Светотехника“.

в Антошкино, 7 км.

Схема деревни Яранка
Составил Кокоулин Сергей Дмитриевич.

- 1 – школа
- 2 – клуб и библиотека
- 3 – сельский совет
- 4 – почта
- 5 – магазин
- 6 – сосна на развилке
- 7 – пихтовый завод
- 8 – смолокурный завод

оз. Кытым

р. Четь

ул. Яранка

ручей «Овражек»

7

ОГОРОДЫ

5

6

3

4

в лес и на поля

в Симоновку

ул. Котеленка

ул. Казанка

1

2

кедрач

огороды

8

300 м.

РСФСР

Исполнительный комитет Зырянского
районного Совета депутатов трудящихся
с. Зырянское Томской области

РЕШЕНИЕ

от 15 " октября 1977 г.

№ 236

Об исключении из учетных данных населенных пунктов, прекративших существование

Исполнительный комитет РЕШИЛ:

Исключить из учетных данных района следующие населенные пункты: пос. Мотофлот Зырянского сельского совета, д. Малиновка, д. Каштаково, пос. Прохоровка Чердатского сельского Совета, д. Чарочка, пос. Окунеевский кардон Окуневского сельского Совета, пос. Федоровка Тавлинского сельского Совета, пос. Каменский кардон, пос. Вершинка Дубровского сельского Совета, пос. Рассвет Семеновского сельского Совета, село Павловка Громышевского сельского Совета, которые прекратили свое существование в связи с переселением жителей в другие населенные пункты.

Председатель Исполкома

Райсовета

Секретарь Исполкома

Райсовета

 (Ю. Шелепов)

 (А. Меркулова)

**Населенные пункты в границах современного Зырянского района,
историю которых найти не удалось**

1. **Аргабач**, Чердатского сельского совета. В 1934 году в нем было 14 дворов с населением 73 человека.
2. **Алексеевский поселок**, Михайловского сельского Совета. В 1928 году было три двора с населением 12 человек (6 - женского пола и 6 - мужского пола).
3. **Бобровка**, Михайловского сельского Совета. В 1928 году было 27 домов, 163 человека населения (75 мужского пола и 88 женского пола).
4. **Владимирский высел** Дубровского сельского Совета, возник в 1926 году на реке Берла. В 1928 году было 9 дворов с населением 64 человека (28 мужского пола и 36 женского пола).
5. **Ивановка**, Михайловского сельского Совета, возникла в 1926 году на реке Туендат. В 1928 году было 13 домохозяев с населением 65 человек (31 мужского пола и 34 женского пола).
6. **Крестинина хутор**, образовался в 1925 году, имел два хозяйства с населением 10 человек.
7. **Петлина хутор** за Симоновкой, одно хозяйство, 7 человек.

ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области»
Ф.28, Оп.1, Д.75.

Справка

экономического состояния колхозов в районе

1. Сколько было колхозов до объединения.....70
2. Осталось..... 50
3. Посевная площадь до объединения.....17736,6 га,
После..... 17736,6 га
4. Размер посевной площади на один колхоз до объединения..508 га
после.....1182 га.
5. Размер дворов в среднем до слияния.....52
после.....122
Всего объединено..... 1840 дворов
6. Высвободилось обслуживающего персонала после
Объединения..... 230 чел.
7. Экономия трудодней в связи с сокращением
административно-обслуживающего персонала – 42 892 трудодня.
8. Экономия денежных средств в связи с сокращением
административно-обслуживающего персонала.....30 360 рублей.
9. Перспективных планов не составлено.
10. Производственных планов составлено в 15 колхозах.
11. Приходно-расходных смет составлено в 15 колхозах.

12. Специалистов, направленных на должность председателей колхозов, нет.

13. Председателей, окончивших двухгодичную Сельхозшколу – 3.

14. В скольких колхозах предусмотрены расценки?.....в 15.

15. Сколько договоров составлено с объединенными колхозами?

С тремя колхозами.

ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области»

Ф.28, Оп.1, Д. 358, Л.11.

Благословенная Зырянка

Благословенная Зырянка,
Чулымцев древняя земля!
Ни городов, ни полустанка –
Одни проселки да поля,
Где спят поросшие курганы.
Их тайны сотни лет подряд
Ветра и сосны – великаны
От постороннего хранят.
Глаза озер небесно – синих,
Ресницы елей над водой...
В России много мест красивых,
Но только твой, Зырянка, твой,
Люблю закат я над Чулымом,
И в предрассветный ранний час,
Когда окутывает дымом,
Причалить к берегу баркас.
Считать года, что мне кукушка
Всерьез иль в шутку нагадает,
И подглядеть, как на опушке
Тетерка с выводком шагает.

Многострадальная Зырянка!
Ты – часть одной большой судьбы,
Застыла у икон крестьянка
С глазами, полными мольбы.
Со всех концов переселенцы
Шли долю лучшую найти,
Но жизнь вдруг выкинет коленце,
Да так, Господь не приведи!
Зажглись кровавые закаты,
И горя выше берегов,
Слетали головы в Чердатах
Лихих зырянских мужиков.
Устали жить. Устали слушать
Неправду много лет подряд.
И вновь - загубленные души,
Репрессий бесконечный ряд.

Но ты стоишь, моя Зырянка,
Простой узор в ковре страны,
Под марш «Прощание славянки»

Шли на войну твои сыны.
 Мы не забыли. И на стелах -
 Героев павших имена,
 Глядели в будущее смело
 И вот... другие времена.
 Как книги желтые страницы
 Листает годы ветеран,
 Ночами долгими не спится,
 Клубится память как туман.
 А там – веселые мальчишки
 Бегут на речку босиком,
 Под стрехой серый воробьишко
 Хлопочет над своим гнездом.
 Там – земляничные полянки,
 Там – в луговых цветах земля...
 Благословенная Зырянка!
 Моя любовь. И боль моя...

Оглавление

Алейка.....	9
Александровка.....	12
Антошкино.....	16
Арышево.....	17
Бихтуил.....	22
Вершинка.....	25
Гедриса мельница.....	31
Гурина заимка.....	34
Демьян Бедный.....	37
Добровольный.....	38
Ивановка и Рассвет.....	42
Игнатов хутор.....	47
Калининский.....	50
Каменский Кордон.....	55
Каштаково.....	58
Селение Конинина.....	62
Красноярский Рейд.....	64
Левина заимка.....	72
Лесозавод.....	77
Малиновка.....	80
Мангазеево.....	89
Манеево.....	93

Митюшкино.....	94
Мотофлот (Усть-Кия).....	101
Новосельский.....	109
Ново-Михайловка.....	117
Одринка.....	118
Окуневский Кордон.....	127
Павловка.....	132
Платоновка.....	142
Прохоровка.....	147
Рассвет.....	149
Свободи.....	154
Солганы.....	156
Симоновка.....	162
Сухой Лог.....	175
Тарбыково.....	178
Торба.....	186
Усачево.....	190
Усманка.....	194
Федоровка.....	197
Чарочка.....	199
Чедодат.....	206
Чибы.....	209
Чигисла.....	210
Яранка.....	212
Населенные пункты, историю которых не удалось найти....	224
Благословенная Зырянка.....	226

Нина Флигинских

**Светит
солнце деревни моей**

Редактор Л.А.Уланова
Верстка Р.П.Семенова

Издательство Асиновское

Подписано в печать 31.08.2010 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Akademy». Печ. Л. 19,4
Тираж 1000 экз. Заказ №594

Отпечатано в ООО «ТЭК»
636840, Томская область, г. Асино, ул. Проектная, 24
Тел.;
Факс: 8(38241)2-23-23
E-mail: kniga@t-sk.ru